

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМ. Д. И. ГУЛИА

Ш. К. АРСЛАА

АБХАЗСКИЙ СИНТАКСИС

Сухум
2019 г.

Ответственный редактор: доктор филологических наук,
профессор, академик АНА
Л. П. Чкадуа

АБХАЗСКИЙ СИНТАКСИС

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент АНА
Л. Р. Хагба

Кандидат филологических наук, доцент
Б. А. Хагуш

Арстaa, Ш. К.

Абхазский синтаксис. Арстaa Ш. К. – Сухум: Академия наук Абхазии. Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа, 2019. – 296 с. Г/р 978-5-111-61-11019

В работе подробно исследуются структура простого, осложненного и сложного предложений.

Книга рассчитана на научных работников, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений, студентов и всех, кто интересуется абхазским языком.

Все языковые средства, используемые для формирования мысли и передачи информации, собраны в синтаксисе. К ним относятся лексические, морфологические, синтаксические единицы и интонация.

Основным объектом синтаксиса является предложение, однако кроме синтаксической структуры предложение (суждение имеет и логическую, психологическую, актуальную и другие структуры. Они все взаимосвязаны, однако каждый из них имеет свою структуру, свои функции и свои границы. В современной теоретической литературе, если не до конца, то в основном установлены их структуры, функции и границы. Иначе говоря, кто занимается логикой, знает границы логики, занимается психологией – границы психологии, кто же занимается синтаксисом – границы синтаксиса. Было время, когда границы этих наук не совсем четко обозначались, однако современная теоретическая литература уже вышло из этой путаницы.

Мы в этой работе стараемся говорить о синтаксисе, исходя из синтаксических понятий.

Вопрос о том, что делает предложение предложением, ставили классики лингвистической теоретической литературы А.А. Потебня, Ф.Ф. Фартунатов, А.А. Шахматов, А.А. Пешковский, В.В. Виноградов и другие. Дальнейшее решение этот вопрос получил с зарождением теории структурализма.

ВВЕДЕНИЕ

Всякий, кто занимается изучением структуры предложения того или иного конкретного языка, непременно сталкивается с неопределенностью значения самого термина «предложение». Неопределенность вызвана тем, что «среди лингвистов до сих пор нет полной договоренности о содержании самого термина «предложение» и остается неясным, например, не только объем подлежащих здесь рассмотрению фактов, но и то, как, под каким углом зрения эти факты должны рассматриваться и освещаться»¹.

«В сложившейся ситуации есть два кажущихся выхода: 1) Раскрыть сначала структурно-семантические и коммуникативные особенности предложения, а затем, исходя из этих особенностей, дать определение предложения. 2) Начать исследование с установления объема и границ объекта исследования – предложения. Однако оба выхода составляют задачу с двумя неизвестными. Дело в том, что, с одной стороны, без ясного представления объема и границ объекта исследования невозможно вести никакого исследования, с другой стороны, установление объема и границ объекта исследования необходимо предполагает наличие предварительной всесторонней квалификации самого объекта, исследования.»

Нам представляется, что совершенно прав А. И. Мухин, который, имея в виду настоящую ситуацию, пишет: «В этих условиях исследователь, дерзящий внести свою лепту в разработку теории предложения, на материале того или иного языка, может поступить следующим образом: он может сначала сосредоточить свое внимание на тех объектах (отрезках речи), относительно принадлежности которых к числу предложений среди лингвистов достигнуто наибольшее согласие, и затем уже, используя накопленный опыт в изучении структуры «подлинных» предложений, попытаться рассмотреть и иные объекты, принадлежность которых к предложениям вызывает сомнение у части лингвистов...»².

¹ См.: И.П. Роспов. Строение простого предложения в современном русском языке. Изд. «Просвещение». Москва, 1970, стр. 4.

² См.: А.М. Мухин. Структура предложений и их модели. Изд. «Наука» (ленинградское отделение). Ленинград, 1968, стр. 24.

Следующая проблема связана с определением метода исследования. Метод исследования во многом определяется целью исследования.

В условиях абсолютной неизученности проблемы простого (а значит и сложного) предложения абхазского языка мы можем поставить перед собой единственную цель, заключающуюся в следующем:

- а) установить механизм и строение структурной основы простого предложения;
- б) установить иерархию компонентов структурной основы, исходя из роли, которую они играют в ее (структурной основы) синтаксической организации;
- в) установить виды, способы и средства связи компонентов структурной основы простого предложения; установить модели структурной основы по своему строению;
- г) изучить средства и способы распространения структурной основы простого предложения;
- д) дать классификацию видов простого предложения по структуре и целеустановке;
- е) дать характеристику средств выражения грамматической семантики структурной основы простого предложения.

Поскольку настоящая работа посвящена синхронному анализу структуры простого предложения, мы будем пользоваться описательным методом, методом эксперимента и моделирования. Методы эти являются не противоречащими, а дополняющими друг друга.

Третья, не менее важная, проблема – это проблема методики анализа языкового материала. Методика определяется в основном характером исследуемого материала.

Ключ к проникновению в сложную структуру предложения абхазского языка можно найти лишь в специфической морфологической структуре глагола (в частности, и имени). При этом надо иметь в виду необходимость строгого разграничения морфологических и синтаксических категорий, учитывая в то же время их взаимосвязь и взаимообусловленность.

Проникновение в синтаксис предложения через морфологическую структуру глагола имеет свою большую и поучительную историю.

Так как исследование предложения в терминах и понятиях таких наук, как логика и психология не привело к раскрытию его истинной структуры, появилась необходимость попытаться охарактеризовать предложение и его члены по признакам собственно языковым, к чему и

прибегли представители т. н. формально-грамматического направления в языкоznании. Эта попытка привела их в свою очередь к необходимости обратиться к морфологии, к частям речи, к интонации, паузе и др. Особый упор делался при этом на глагол, на личную форму глагола.

Так, А. А. Потебня писал по этому поводу: «Определивши такой глагол, тем самым определим minimum того, что должно заключаться в предложении этих языков»¹.

И А. М. Пешковский в основном сводит к глаголу сказуемость, которую он считал «важнейшей из категорий». Вот что он по этому поводу пишет: Сказуемость – это грамматическая категория, и притом важнейшая (разрядка автора) из категорий, так как в ней тесно сцепляются речь с мыслью. Как всякая категория, она может выражаться разными звуковыми способами. Всматриваясь в те слова, в которых мы выше заметили оттенок сказуемости, находим среди них:

- 1) глаголы во всех временах и наклонениях;
- 2) слова, которые запечатлены тем, что, не будучи наречиями, т. е. не обозначая признака, употребляются, тем не менее, только при глаголах, и притом не при всяком глаголе, а почти исключительно при глаголе быть...» И далее: «Можно сказать, что глагольность... лежит в основе сказуемости»².

Ф. И. Буслаев, придерживавшийся в подходе к фактам языка в основном логико-грамматической концепции, писал: «Вся сила суждения содержится в сказуемом. Без сказуемого не может быть суждения»³. И далее: «В языке подлежащему соответствует имя существительное в именительном падеже, а сказуемому – глагол...»⁴.

Известно, что личная форма глагола как признак предложения до сих пор привлекает к себе пристальное внимание лингвистов. Так, например, академик Арн. Чикобава пишет: «Структура и механизм простого предложения в древнегрузинском языке определяются глаголом»⁵. «Курилович указывает на личный глагол-сказуемое как единственный конституирующий член предложения...»⁶. «М. Иович объединяет под тер-

¹ Д. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I-II. М., 1958, стр. 84.

² А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 156, 166, 167.

³ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 285.

⁴ Там же, стр. 259.

⁵ Арн. Чикобава. Проблема простого предложения в грузинском языке. Тбилиси, 1958, стр. 240.

⁶ А. И. Мухин. Структура предложений и их модели, стр. 50.

мином «предложение» только такие конструкции, в которых сказуемое выражено формой личного глагола...»¹. «В. Винтер определяет «разделы предложения... в немецком языке последних двух столетий по числу личных форм глагола...»². «А. Шэннон выделяет предложения... в древнеанглийском языке, исходя из наличия в них личных глаголов»³. Особый упор на личную форму глагола как конституирующий признак предложения делают чехословацкие лингвисты Фр. Данеш, М. Докулил, И. Ружичка и др. Причем они разграничивают высказывание и предложение. «Мы считаем, – пишут они по этому поводу, – полезным различать два следующих понятия термина «предложение»:

1) предложение как простейшее языковое проявление, связанное с определенной ситуацией;

2) предложение как обычная типизированная грамматическая форма этого проявления. Чтобы избежать терминологической путаницы, в первом случае мы будем употреблять термин «высказывание» в соответствии с распространенной у нас традицией..., а специальный термин «предложение» сохраним за типовой синтаксической формой высказывания, характерной для данного языка⁴.

Э. Бенвенист так характеризует глагол: «Поэтому для характеристики противопоставления глагола и имени как таковых, независимо от типа языка, мы не вправе использовать ни такие понятия, как объект и процесс, ни такие категории, как время, ни морфологические различия. Тем не менее искомый критерий существует, и он носит синтаксический характер. Он связан с функцией глагола в высказывании.

«Мы определим глагол как необходимый элемент построения, за конченного утвердительного высказывания», – пишет Э. Бенвенист⁵.

По утверждению В. З. Панфилова «в нивхском языке лишь глагол может выступать в функции сказуемого»⁶.

Концепция спрягаемой формы глагола как конституирующего признака предложения «уже в силу своей принципиальной ориентации на факты языковой действительности была решительным шагом вперед по

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ И. Вахек. Лингвистический словарь пражской школы. М., 1964, стр. 165.

⁵ Э. Бенвенист. Общая лингвистика. Изд. «Прогресс». М., 1974, стр. 170.

⁶ В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка, ч. II. Изд. «Наука». Москва-Ленинград, 1965, стр. 3.

сравнению с априорно-логической трактовкой предложения»¹. Однако она не могла претендовать на универсальность, поскольку оказалась уязвимой во многих отношениях².

Упрек сторонникам этой концепции, прежде всего, был связан с наличием безглагольных предложений во многих языках.

Следует указать на немаловажность и того факта, что глагол обладает неодинаковыми синтаксическими возможностями в языках различных структур. Современному языкоznанию хорошо известно, что морфологические категории, без которых казалось бы, немыслим глагол в одних языках, могут отсутствовать или неполностью выражаться в глаголе других языков. Классическим примером тому может служить китайский язык. Так, по данным Э. Сепира «в китайском предложении «человек, убить утенок» (все три слова по-китайски односложные), которое можно рассматривать как практически равнозначащее нашему предложению «человек убивает утенка», совершенно отсутствует китайского сознания то ощущение чего-то детского, неполного неоформленного, которое испытываем мы от такого буквального перевода. Каждое из этих трех конкретных понятий (два из них – предметы и одно – действие) по-китайски непосредственно выражено односложным словом, являющимся вместе с тем и корневым элементом; оба реляционные понятия, «субъект» и «объект», выражены только позицией конкретных слов впереди и после слова, выражающего действие. Вот и все. Определенность или неопределенность указания, число, неизбежно выраженная в глаголе категория лица, время, не говоря уже о роде, – все это не получает выражения в китайском предложении, которое, тем не менее, является вполне адекватным сообщением, при условии, конечно, что имеется тот контекст, тот задний план взаимного понимания, который существенно необходим для полного уразумения всякой речи. Но это вовсе не вредит содержанию сообщения, ибо ведь и в английском предложении мы оставляем без выражения многое такое, что-либо принимается как само собою, разумеющееся, либо уже было развито или будет развито в течении разговора»³.

¹ А. М. Мухин. Структура предложений..., стр. 11–12.

² Там же.

³ См.: Э. Сепир. Язык. Москва–Ленинград, 1934, стр. 71–72.

Известно также, что глагол не различает лиц в корейском¹, нивхском², чеченском³, ингушском⁴, аварском⁵, андийском⁶, ботлихском языках⁷, а в лезгинском же языке глагол не различает ни лиц, ни классов, ни чисел⁸.

В настоящее время вряд ли найдется такой лингвист, который бы вернулся к т. н. «морфологизации синтаксических явлений», однако вышеприведенные факты говорят о том, что при выборе образца модели предложения конкретного языка надо исходить, прежде всего, из специфики грамматической (морфологической) структуры этого же языка, а не втискивать его в готовые схемы языков иной структуры.

По справедливому замечанию Матезиуса «едва ли можно найти такой язык, который обладал бы одним единственным образцом построения предложения; но трудно сказать наверняка, какую модель следует принимать в данном языке за образец предложения, какую нельзя»⁹.

Принимая глагол за конституирующий признак предложения абхазского языка, мы исходим из следующего.

1. Глагол абхазского языка по своей морфологической структуре максимально приспособлен к синтаксической функции организующего центра предложения.

Приспособленность эта заключается в том, что глагол обладает:

а) сложной системой субъектно-объектного классно-личного спряжения;

б) сложной системой времен и наклонений;

в) системой морфологически выраженной оппозиции переходности – непереходности, финитности – инфинитности;

г) сложной системой словообразования и т.д.

Признание нами глагола как конституирующего признака предложения вовсе не означает отождествления глагола и предиката (сказуемого). Мы в своей работе следуем известному положению, что между

¹ Э. Бенвенист. Общая лингвистика, стр. 260.

² В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка, часть 2, стр. 40.

³ Ю. Д. Дешериев. Чеченский язык. Языки народов СССР, т. IV, стр. 200.

⁴ Р. И. Долачева. Ингушский язык. Языки народов СССР, т. IV, стр. 219.

⁵ Г. И. Мадиева. Аварский язык. Языки народов СССР, т. IV, стр. 264.

⁶ И. И. Церцвадзе. Андийский язык. Языки народов СССР, т. IV, стр. 286.

⁷ Т. Е. Гудава. Ботлихский язык. Языки народов СССР, т. IV, стр. 302.

⁸ У. А. Мейланова. Лезгинский язык. Языки народов СССР, т. IV, стр. 535.

⁹ Цитируется по работе А.М. Мухина «Структура предложений...», стр. 52–53.

морфологическими и синтаксическими категориями нет прямого тождества, что «в результате деления предложения на части не получаются элементы морфологического порядка (т. е. слова и морфемы) и наоборот, сложение элементов морфологического плана не приводит к единице синтаксического плана – предложению, так как предложение (например. Отец лежит больной) представляет собой нечто большее, чем простую совокупность изолированных слов, так же, как здание больше, чем Сумма кирпичей...». И далее: «Слова и формы слов, выражающие морфологические оппозиции, представляют лишь средства, которыми пользуется предложение как знаменательная единица высшего порядка. В этой связи основной задачей синтаксиса следует признать, с одной стороны, определение синтаксических отношений и морфологических средств их выражения, а, с другой стороны, выявление комбинаций этих отношений (сложное предложение и синтаксические отношения в сложном предложении)»¹.

Морфологические категории и их семантика выявляются в парадигматических оппозициях составляющих их форм, синтаксические же категории и их значения выявляются в синтагматическом ряду.

Глагол в предложении абхазского языка, как мы увидим ниже, выступает не только в функции предиката, но может выполнять и другие синтаксические функции.

В частности, глагол в категории инфинитности выступает организующим центром многочисленных инфинитных конструкций, заменяющих придаточные предложения в абхазском языке.

Кказанному следует добавить, что мнение об организующей роли глагола в структуре предложения абхазского языка высказано в специальной литературе и другими специалистами.

Так, у проф. К. В. Ломтатидзе читаем: «Основным стержнем предложения в абхазском языке является глагол»².

«В абхазском языке, – пишет И. И. Мещанинов, – глагол в сказуемом связывает своими показателями остальные члены предложения, в которых имена лишены падежных окончаний»³.

¹ См.: Б. Тринка и др. К дискуссии по вопросам структурализма.. ВЯ, 1957, 3, стр. 44.

² См.: К.В. Ломтатидзе. Абхазский язык, в кн. «Языки народов СССР, т. IV, стр. 120.

³ И. И. Мещанинов. Эргативная конструкция в языках различных типов, изд. «Наука» (ленинградское отделение). Ленинград, 1967, стр. 66.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИСА АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА

Синтаксис абхазского языка слабо изучен по сравнению с другими разделами грамматики. Ему посвящены лишь одна монография по проблеме простого предложения и учебник по синтаксису для студентов филологического факультета АГУ¹.

Первые сведения о синтаксической структуре абхазской фразы мы находим у основоположника кавказоведения П. К. Услара. В своей работе «Абхазский язык», посвященной изучению фонетической и морфологической структуры абхазского языка, он затрагивает и некоторые вопросы синтаксиса. Это касается, прежде всего, функционирования имени и внутриглагольных субъектно-объектных классно-личных аффиксов в различных синтаксических конструкциях. П. К. Услар высказывает мнение, согласно которому «различные отношения между существительными определяются самим смыслом, придаточными местоименными характеристиками, расположением слов, прилагами (postpositions) и, наконец, надежными флексиями. Таковые, несомненно, существуют в абхазском языке; быть может, даже числом падежей не уступает он языку тушкому»².

Положение П. К. Услара о наличии в абхазском языке системы склонения, как известно, не соответствует действительности³, однако указывает на одну существенную особенность – отсутствие винительного падежа в абхазском языке. Вот что он пишет по этому поводу: «Из приведенных примеров можно заключить, что

¹ Арстаа Ш.К., Чқадуа Л.П. Апсуа бызшәа асинтаксис.

² П.К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. I. Абхазский язык. Тифлис, 1887 г., стр. 81.

³ См. по этому поводу статью К.В. Ломтатидзе. Проблема склонения в абхазском языке. Изв. ИЯИМК. т.XII. Тбилиси, 1942, стр. 196 и сл.

винительного (разряда автора) падежа нет в абхазском языке: свойство, общее всем туземным кавказским языкам, о которых мы только имеем какие-либо сведения»¹.

В глаголе П. К. Услар наряду с другими вопросами рассматривает и порядок расположения субъектно-объектных классно-личных аффиксов по отношению к основе глагола, с одной стороны, и по отношению к позиции связанных с ними членов фразы, – с другой.

«Если предмет, на который обращено действие глагола, – читаем мы у него, – выражен местоимением личным, то характеристика последнего вставляется в самую глагольную форму; таким образом, здесь сходятся две характеристики; одна – лица действующего, а другая – лица, на которое обращено действие. Для избежания недоумения, обыкновенно перед глаголом ставятся полные формы местоимений личных; первая из них обозначает, какое лицо действует, вторая – на какое лицо обращено действие. В глагольной форме характеристики располагаются наоборот, т. е. первая из них показывает, на какое лицо обращено действие, а вторая – какое лицо действует. Это правило расположения характеристик не подлежит никаким изменениям в глаголах действительных; в глаголах интранзитивных встречаются отступления, которые мы увидим ниже».²

Положения Услара, касающиеся позиции субъектно-объектных классно-личных аффиксов в глаголе и расположения связанных с ними слов во фразе, в целом соответствуют действительности.

Некоторые существенные черты строя абхазского предложения подмечены Г. Деетерсом. Так, он отмечает, что в каждом законченном предложении абхазского языка наличен один предикат финитной формы, остальные же предикаты (если они имеются в предложении) имеют инфинитную форму и выполняют функцию отсутствующих в языке придаточных предложений. Деетерс отмечает также, что организующим центром предложения является предикат финитной формы (как глагольный, так и именной), именные же компоненты не участвуют в синтаксической организации

предложения. Он говорит также о дистрибуции личных субъектно-объектных префиксов в предикате¹.

Вопросам синтаксиса посвящены 12 страниц работы А.Н. Генко «Абазинский язык»². Тут автор вкратце излагает свои соображения по вопросам словосочетания, предложения, членов предложения, порядка слов, обособления и т. д.

А.Н. Генко выделяет две основные синтаксические единицы: словосочетание и фразу, которые он делит на собственно фразу и предложение. «Любые два, три, и более слов, следующих одно за другим в связной речи, составляют словосочетание»³. Словосочетание, не имеет «значения законченного сообщения». «*Амара йа-блыз ачагъарта – «пашия, согретая (сожженная) солнцем»*⁴.

«Высшей и основной единицей речи служит фраза. Под этим термином разумеется всякое отдельное слово или словосочетание, произнесенное с особой интонацией, называемой фразовой и показывающей, что говорящий закончил свое сообщение». Конститутивно обусловленная фраза может состоять и «из одного слова». Конститутивно необусловленная фраза «для того, чтобы быть понятной... должна заключать в себе словесное указание минимально на два представления: представление предмета или лица и представление относящегося к нему признака или совокупности признаков, которые сочетаются в уме говорящего и предикативное сочетание, под каковым разумеется такое сочетание двух представлений, когда одно мыслится как зависящее в самом существовании от другого».

Лара дгылап – «она стоит». Аколхоз чвагъвахъад – «колхозники уже пахали»⁵.

«Фраза, содержащая в себе одно законченное, самостоятельное выражение предикативной связи и двух представлений, называется предложением»⁶.

¹ Deeters G. Der abchasische Sprachbau, Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse, Göttingen, 1931.

² А. Н. Генко. Абазинский язык. Москва, 1955, стр. 184 – 196.

³ Там же, стр. 184.

⁴ Там же, стр. 186.

⁵ А. Н. Генко. Указ, работа, стр. 188.

⁶ Там же, стр. 188 – 189.

¹ П.К. Услар. Указ. Работа, стр. 81.

² Там же, стр. 55-56.

Автор не дает четкого и последовательного разграничения между собственно фразой и предложением, однако как необходимые признаки предложения он приводит конститутивную необусловленность, интонацию, двусоставность и «наличие в нем глагола в форме повелительного, желательного, изъявительного или вопросительного наклонения или причастия в сочетании с вопросительным или вопросительно-относительным местоимением»¹.

Далее А.Н. Генко касается проблемы членения предложения, при решении которой он основывается на известные положения А.А. Шахматова. «В состав предложения входят минимально два члена: тот, который выражает собою представление предмета или лица и именуется подлежащим (субъектом) предложения, и тот, который выражает собою представление признака (или совокупности признаков), связываемого с подлежащим, именуется сказуемым и имеет, как мы только что видели, обязательную глагольную форму наклонения, выраженную как таковую (за редкими исключениями) словесно»².

Другие члены предложения не получают у автора подробного обоснования.

В основу традиционного деления предложения по цели высказывания А.Н. Генко кладет форму сказуемого. «За основание для распределения в абазинском языке видов предложений по группам естественно взять различия в сказуемом, как слове, которое составляет самое существо предложения как такового. В зависимости от того, какова форма наклонения сказуемого предложения – предложения можно разделить на повелительные, желательные, изъявительные и вопросительные»³.

Далее автор рассматривает порядок слов в предложениях с переходными и непереходными глаголами. «В предложениях с непереходным глаголом на первом месте стоит слово, выражающее субъект действия (состояния), и на втором – сказуемое: *сара сагъцарым* – «я не пойду», *нына дыхыйд* – «мать прядет»...

«В предложении с переходным глаголом на первом месте стоит название логического субъекта действия, на втором – грам-

матического субъекта (логического объекта) действия и на третьем – глагол. Например: *ауат ҳара ҳархъчыйд* – «они нас охраняют»¹.

Заслуживает внимания положение автора, касающееся обособленных членов предложения, «... Деепричастия играют особую роль так называемых обособленных членов предложения, под каковыми разумеются слова, по ритму и интонации уподобляющиеся целому предложению, не составляя его, однако, по своим формально-грамматическим признакам. Деепричастия (вместе с причастиями) заменяют собою в абхазском языке почти все виды придаточных предложений русского языка...»².

В кратких замечаниях автора подмечены некоторые своеобразия синтаксической структуры абазинского языка, хотя, к сожалению, они не получили достаточного развития и аргументации.

Многие вопросы синтаксиса получили свое обоснование и решение в многочисленных работах К. В. Ломтадзе, посвященных анализу морфологической структуры имени и глагола, поскольку особенности синтаксиса, предложения абхазского языка главным образом связаны с этими частями речи.

В работе «Проблема склонения в абхазском языке»³ впервые с научной достоверностью решается вопрос склонения имени в абхазском языке. До настоящей статьи этот вопрос специально не ставился и не решался. Однако имелись отдельные высказывания по этому поводу, сводившиеся к двум противоположным мнениям. Одни исследователи утверждали наличие системы склонения в абхазском языке (П.К. Услар, Шифнер, Дирр, П. Яковлев), другие отрицали ее (С. Джанашия, Арн. Чикобава). Особняком стояло мнение Н.Я. Марра, считавшего, что абхазский язык, некогда имевший богатую систему склонения, потерял ее в связи с потерей им суффиксации вообще, что, как известно, не соответствует фактам абхазского языка ни в историческом, ни в современном его состоянии.

Аналогичное мнение высказал А.Н. Генко по отношению к абазинскому языку. Выделив шесть падежных форм имени (падеж неопределенный: *өы, напы*; падеж определенный: *а-на-пы*; падеж

¹ Там же.

² Там же, стр. 190.

³ Там же, стр. 191.

¹ А. Н. Генко. Указ, работа, стр. 192.

² Там же, стр. 193-194.

³ См.: Изв. ИЯИМК, т. XII. Тбилиси, 1942, стр. 196 и сл.

единичности: **сы-к, напы-к**; падеж орудивный: **напыла, сыла**; падеж наречный: **напы-та**; падеж лишения: **напы-да**), А. Генко указал на следы четырех, якобы утраченных падежей (Абазинский язык, стр. 118-121).

Проведенный К. В. Ломтатидзе историко-сравнительный анализ материала в указанной статье показал, что для абхазского языка не характерна система склонения ни исторически, ни в его современном состоянии. В нем можно проследить лишь зачатки формирования этой категории. В статье выявлена стройная морфологическая система в структуре глагола, выполняющая функцию падежей.

Следующей значительной работой К. В. Ломтатидзе, связанной также с вопросами синтаксиса, является «Категория переходности в абхазском глаголе»¹. В ней дается критический анализ предшествующей литературы по вопросу переходности и непереходности глагола. Большинство исследователей, касавшихся этого вопроса, утверждало пассивный характер основы переходного глагола, исходя, из того, что «субъектный аффикс непереходного глагола (например, **д-зоит** «он (чел.) идет») совпадает с аффиксом прямого объекта переходных глаголов (**ды-шиьеит** «я его (чел.) убиваю»). Если этим аффиксом в непереходных глаголах передается субъект, то тот же аффикс должен передавать субъект и в переходных глаголах. Поэтому, как заключают они, абхазский переходный глагол – пассивной конструкции, ибо **ды-с-шиьеит** не означает «я убиваю его», а «он (чел.) убивается мною»².

Противоположное мнение высказал Арн. Чикобава, признавший нейтральный характер основы переходного глагола в иберийско-Кавказских языках.

Исследование К. В. Ломтатидзе показало, что «категория переходности и непереходности свойственна и абхазским глаголам»³. Однако критерии определения переходности и непереходности глагола и формально-грамматические способы выражения этой категории в абхазском языке оказались сугубо специфическими.

¹ См.: Изв. ИЯИМК, т. XII. Тбилиси, 1942, стр. 1 – 29.

² Там же, стр. 29.

³ Там же, стр. 27.

Это исследование показало также, что семантический критерий не может быть использован в абхазском языке ввиду того, что «не всякий глагол, действие которого распространяется на другой предмет, может быть переходным».

Автор выявила ряд чисто грамматических признаков, по которым различаются переходные и непереходные глаголы. Причем эти признаки выражены не в падежной форме имени, связанном с глаголом, как, обычно бывает, а в морфологической структуре самого глагола. Основным из этих признаков является наличие двух рядов личных аффиксов и строго фиксированные их позиции в переходных основах.

Впервые в этой работе было раскрыто наличие морфологически четко выраженной эргативной конструкции в абхазском языке.

Основной вывод автора сводится к тому, что «основа переходного глагола является нейтральной, в связи с чем, нет в абхазском языке морфологически четко выраженных залоговых противопоставлений».

С категорией переходности тесно связана и категория побудительности, исследованная так же впервые в статье К. В. Ломтатидзе «Категория каузатива в абхазском языке»¹. В статье показано, что каузативный аффикс р прибавляется к переходным и непереходным основам глагола. Причем, появление его в глаголе вызывает увеличение количества лиц (одноличный глагол становится двухличным, двухличный – трехличным) и непереходные основы принимают строй переходного глагола, становятся переходными. Переходные же основы остаются по-прежнему переходными (**дтэоит** – **дсыртэоит**, **дахъоит** – **дасырхъоит**, **илжэуеит** – **илсыржэуеит**).

Вопросы синтаксиса затронуты и в ряде других работ К. В. Ломтатидзе, например: «Категория потенциалиса (возможности) и не-произвольности в абхазско-абазинском глаголе». (Сообщение АН ГССР, т. XVI, 3. Тбилиси, 1955, стр. 249); «К вопросу о категории залога (в абхазском языке» (ИКЯ, т. VIII. Тбилиси, 1956, ст. 212); «К

¹ См. Сообщение АН ГССР, т. VI, I. Тбилиси, 1945, стр. 95-96.

структуре сложно-составных глагольных основ в абхазском языке» (ИКЯ, т. IV. Тбилиси, 1953, стр. 125); «Относительные местоимения в глагольных формах абхазского языка» (Сообщение АН ГССР, т. III, 4. Тбилиси, 1942, стр. 389); «Система основных времен и наклонений в абхазском языке» (ИКЯ. т. VII. Тбилиси, 1955, стр. 227); «Статические и динамические глаголы в абхазском языке» (ИКЯ, т. VI. Тбилиси, 1954, стр. 271).

Некоторые вопросы синтаксиса затронуты и в работе «Языки народов СССР» (т. IV. Москва, 1967, стр. 119 – 120).

Акад. И.И. Мещанинов не раз обращался к иберийско-кавказским языкам, в том числе и к абхазскому, в связи с эргативной конструкцией предложения в языках различных типов. Основные его положения по отношению к абхазскому языку сводятся к следующему: «Синтаксические отношения между членами предложения устанавливаются... и при отсутствии изменения имен по падежам. Связь между именами и глаголами выступает в размещении членов предложения и их показателей в сказуемом. Если подходить к строю предложения со стороны именных членов, то можно прийти к выводу, что они согласуют собой глагольные префиксы. Если же смотреть со стороны сказуемого, то придется признать, что семантика действия своим оформлением, управляет местоположением связанных с ним имен. Переходная форма глагола требует постановки перед собою прямого дополнения. Последнее в свою очередь требует включения в глагол показателя того класса имен, к которому принадлежит предмет направленности действия. Выступает взаимная связь между именами и глаголом. Схема эргативной конструкции оказалась выдержанной и при отсутствии парадигмы именного склонения».

«В абхазском языке глагол в сказуемом связывает своими показателями остальные члены предложения, в которых имена лишены падежных окончаний. Центр выражения синтаксических отношений эргативного строя предложения сосредоточивается в глаголе»¹.

¹ И.И. Мещанинов. Эргативная конструкция в языках различных типов. Ленинград, 1967, стр. 66.

Специфические особенности структуры абхазского предложения в связи с эргативной конструкцией рассматриваются в работах И. О. Гецадзе «К вопросу об эргативной конструкции в абхазском языке» (Ленинград, 1962. Автореф. канд. диссертации) и «К типологии членов предложения в абхазско-адыгских языках» (Члены предложения в языках различных типов. Ленинград, 1972, стр. 97 – 108).

В первой работе автор прослеживает в диахроническом плане с привлечением данных родственных языков процесс формирования субъектно-объектного спряжения глагола и зачатков морфологически выраженной эргативной конструкции и в связи с этим и изменения, произшедшие в порядке расположения субъекта и объекта по отношению к глаголу-сказуемому.

На страницах работы, посвященных выводам, читаем: «Суммируя все сказанное в предыдущих разделах работы о личных и классно-личных показателях и о порядке слов (субъекта и объекта в предложении), приходим к выводу, что в абхазском языке существует два основных грамматических способа передачи субъектно-объектных отношений: морфологический (личные и классные показатели и их расположения) и синтаксический (порядок постановки субъекта и объекта в предложениях с переходными и непереходными глаголами)» (стр. 18). И далее: «Вполне возможно, что именно после появления субъектного показателя в переходном глаголе начинается процесс расшатывания, дошедший в некоторых случаях до полного отсутствия позиции субъекта в составе индефинитной конструкции предложения...» (стр. 22).

Вторая статья И. О. Гецадзе – «К типологии членов предложения в абхазско-адыгских языках» – посвящена сравнительно-типологическому изучению членов предложения, в первую очередь глагола-сказуемого, в абхазско-адыгских языках, в связи с эргативной конструкцией.

На основе сравнительно-типологического изучения материалов близкородственных абхазско-адыгских языков автор приходит к подтверждению известного положения, согласно которому индефинитная конструкция предложения предшествовала эргативной конструкции. Эта линия четко вырисовывается в переход-

ных случаях от классного спряжения к классно-личному, а затем и к личному. Она проявляется и в соответствующих изменениях структуры имени, связанных главным образом с формированием системы склонения.

Некоторые синтаксические явления, связанные с каузативом, рассмотрены в работе И.О. Гецадзе и И.П. Недялкова «Морфологический каузатив в абхазском языке»¹.

В 1970 году вышла монография Л.П. Чкадуа «Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах»². Один из разделов этой работы посвящен выявлению роли различных глагольных образований в формировании предложений (стр. 248).

Характеризуя предложение с семантики грамматической стороны, автор исходит из положения, согласно которому предикативность является основным признаком всякого предложения, но не всякого высказывания. Она характерна для всего предложения в целом, а не для одного лишь сказуемого. В зависимости от эмфазиса предикативностью может обладать любой член предложения. Свойством сказуемого предикативность становится лишь при том условии, когда грамматическое членение совпадает с актуальным. Сказуемое в предложении, таким образом, может и не обладать свойством предикативности (стр. 248).

Тут автор, как видно, не разграничивает логическую и грамматическую предикативность. В самом деле, логическая предикативность не закреплена за каким-либо членом предложения, в то время как грамматическая предикативность, с нашей точки зрения, не может формироваться вне сказуемого в тех предложениях, в которых налицоует сказуемое.

Характеризуя глагол с синтаксической точки зрения, автор заключает, что «все формы наклонений и инфинитивов могут выступить в роли сказуемого» (стр. 248).

Средствами выражения предикации Л.П. Чкадуа считает темпоральность, модальность и интонацию (стр. 250). «Обязательным

¹ В сб.: Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Изд. «Наука». Ленинград, 1969, стр. 61.

² Л.П. Чкадуа. Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах. Тбилиси, 1970.

условием образования предикации является не всякая темпоральность, а темпоральность, указывающая на абсолютный временной план. Высказывание, временной план которого относительный, не может иметь признака предикативности» (стр. 251).

Разграничение абсолютного и относительного временных планов следует считать одним из положений автора, соответствующих действительному положению вещей. Оно способствует правильному решению вопроса грамматической квалификации инфинитивных конструкций.

К глагольным образованиям, для которых не характерен признак предикативности, автор относит инфинитные образования, выступающие с изъявительной, сослагательной и призрачной семантикой. Все они в предложении образуют инфинитные конструкции (стр. 262).

Л.П. Чкадуа принадлежат еще две статьи, посвященные вопросам синтаксиса: 1) Связь слов в предложении; и 2) Об одной структурной разновидности предложения (Сборник материалов по абхазскому языку. «Мецниереба». Тбилиси, 1970, стр. 69–77).

В первой из этих статей автор выделяет подчинительный и сочинительный виды связи слов. К подчинительному виду связи относятся согласование, отражение, композитная связь, примыкание и управление.

Выделено десять случаев согласования:

1. согласование между субъектом-подлежащим и глаголом-сказуемым (*сара сцеит, уара уцеит*);
2. согласование между лично-относительным объектом и глаголом-сказуемым (*иара уара и-у-и-теит ашәкәы*);
3. согласование между деепричастной формой глагола и глаголом как финитным, так и инфинитным (*д-ыфу даауеит, х-афу хаауеит, ифу иаауз*);
4. согласование в числе между указательным местоимением и определяемым им существительным (*ары ашәкәы*);
5. согласование между определительным местоимением и определяемым существительным (*лара лхата*);
6. согласование в числе между местоимением «все» и определяемым им существительным (*снацәкъарақәа зегъы*);

7. согласование в числе и в классе между определяющим числительным словом (*ацкәынцә ажәафыкъы*);

8. согласование между существительным и количественным числительным (*аїлақәә әба*);

9. согласование в синтагмах: (*дыбзиахәзә д-ааит*);

10. согласование между компонентами составного сказуемого (*сныңәартә сы́коуп, днеирц ды́коуп, исшәарц сы́коуп*).

Отражением называет автор посессивную связь в словосочетаниях типа: *аб ихылта, ақәардә ашъапы*.

Композитной называет связь между компонентами атрибутивной синтагмы в случаях, когда роль определения выполняют:

- а) качественные прилагательные (*амш каххааи айх лашәи*);
- б) относительные прилагательные (*ахътәи иаїәа*);
- в) существительное (*ажә ахш, аңсыз ашиша*);
- г) притяжательные местоимения (*ахатә бжыы*).

Выделены следующие случаи связи примыкания между:

1. наречием и глаголом (*ибзианы даңхъоит*);
2. наречиями (*даара ибзиан*);
3. масдаром и глаголом (*шәарыцара дцеит*);
4. количественным числительным и определяемым словом (*хышә ңла*);

5. порядковым числительным и определяемым словом (*ахәбатәи акласс*);

6. разделительным числительным и определяемым словом (*хңа-хңа шәкәы*);

7. приблизительным числительным и определяемым словом (*былъбақа-аабака уардын*);

8. относительным прилагательным и определяемым словом (*тәгалинтәи абаҳча*);

9. кратным числительным и глаголом (*фынта дкәашеит*);

10. масдаром и вспомогательным глаголом (*аныңәара далагеит*);

11. условной формой и вспомогательным глаголом (*иежәазар акәын*);

12. условно-целевой формой и вспомогательным глаголом (*хаарцы акәын*).

Управление выделено, между:

а) глаголом и превратительной формой имени (*тарцъманс қар҆еит*);

б) глаголом и послесложными формами имени (*Ақәантә сааует*);

в) инфинитной формой одноличного глагола и определяемым словом (*ашъа ицаша*).

Сочинительная связь осуществляется интонацией и союзами (*абаҳча гылоуп еишәхынышыла, ал, ахәирма, нас амжәа; ацагы ахъшәашәагы; ма зегзы ҳаиқәләрхәаит, ма зегзы ҳақәылхәаит*).

В статье «Об одной структурной разновидности предложения» отмечаются факты структурного изменения предложения в связи с перестроением логической структуры. В этом случае, «предикативное оформление получает тот член предложения, на который переносится логический предикат суждения. *Сара иахъа ашкол ахъ сыйкан. Ашкол аәоуп сара иахъа сахыіказ. Сара соуп иахъа ашкол ағыи иକәз* и т. д.

В вышеуказанном сборнике помещены и другие статьи по вопросам синтаксиса абхазского языка. Это: 1) «Виды предложения по цели высказывания» Е.П. Шакрыл, 2) «Подлежащее», 3) «Сказуемое» Ш.К. Аристава, 4) «К вопросу о словосочетании в абхазском языке» М.М. Циколия (на грузинском языке), 5) «Сложносочиненные предложения» К.С. Шакрыл, 6) Однородные члены предложения» В.Х. Конджариа.

В статье Е.П. Шакрыл «Виды предложений по цели высказывания» автор выделяет повествовательные, вопросительные, побудительные и восклицательные предложения. Дается краткая характеристика семантико-структурных особенностей этих видов предложений.

В статьях «Подлежащее» и «Сказуемое», сделана попытка определить роль подлежащего и сказуемого в синтаксической организации предложения. Даются также способы и средства связи между этими членами предложения.

Отмечается, что между подлежащим и сказуемым бывает согласование четырех видов: полное, неполное, частичное и смысловое.

В статье «К вопросу о словосочетании в абхазском языке» автор рассматривает соотношение словосочетания и предложения. Он придерживается мнения, согласно которому словосочетание не следует противопоставлять предложению.

Далее автор выделяет следующие способы связи слов в словосочетании: согласование, управление и примыкание.

Имя согласуется с именем в числе: *аңацәа өүхабацәа, ауаа бааңсқәа*.

Имя управляет глаголом в лице: *ауафы д-цоит, уара укоит, сара с-коит*.

Имя управляет глаголом в классе: *аңафы д-коит ашкол ахь, айыс ҧыруеит...*

Имя согласуется с глаголом в числе: *ауафы д-коит, уара у-коит...*

Имя согласуется с послелогом в числе: *иара и-҃ы, Базрыќәараа рәы*.

Далее автор отмечает, что примыкание в словосочетании абхазского языка занимает большое место.

Глагол примыкает имя: *напыла иаапхышышъаит*.

Глагол примыкает неизменяемое слово: *ецы даат*.

Имя примыкает неизменяемое слово: *зынза ихәычу*.

Затем автор выделяет также типы словосочетания: имя + имя, имя + глагол, собственное имя + нарицательное имя, собственное имя + масдар, местоимение + масдар, имя с послелогом – глаголом, наречие + глагол, статический глагол + глагол инфинитной формы и т. д.

В статье «Сложносочиненные предложения в абхазском языке» дается классификация сложносочиненных предложений по союзам, посредством которых они соединяются. Так, выделены: 1) сложносочиненные предложения с соединительным союзным суффиксом *гъы*; 2) сложносочиненные предложения с разделяльными союзами и союзным аффиксом и др.

В статье указаны разнообразные отношения, которые устанавливаются между выделенными типами сложносочиненных предложений.

В статье В. Х. Конджария «Однородные члены предложения» рассмотрены однородные подлежащие, однородные сказуемые,

однородные дополнения, однородные определения и однородные обстоятельства.

Между однородными членами устанавливается соединительная связь, которая выражена союзами, союзовыми словами, союзовыми частицами и соединительной паузой.

В 1973 году вышла докторская диссертация М. М. Циколия «Порядок слов в абхазском языке» (на грузинском языке, резюме на русском)¹, в которой автор наряду с порядком слов затрагивает вопросы структурной организации простого предложения. Если в вышеприведенной статье «К вопросу о словосочетании в абхазском языке» М. М. Циколия утверждает, что «в абхазском языке представлены все три вида подчинительных отношений между словами: согласование, управление и примыкание», то в настоящей монографии мы читаем: «Видами синтаксических отношений между словами в абхазском языке являются согласование, примыкание и порядок слов. Здесь нет управления и, тем более, координации»². Автор не делает ссылки на предшествующую статью и не объясняет причины, вызвавшей изменить свое первоначальное представление об управлении в абхазском языке. Однако можно полагать, что автор придерживается второго своего мнения, поскольку оно высказано гораздо позже.

М. М. Циколия изменил частично свой взгляд и на согласование. В статье он отмечал согласование в лице, числе и классе между именем и глаголом, а в монографии он приводит случаи согласования лишь в классе и числе. И тут автор не упоминает о своей первой работе.

Предложение М. М. Циколия рассматривает как разновидность словосочетания, выделяя два основных строя предложения в абхазском языке: 1) предложения финитного строя и 2) предложения инфинитного строя. Предложения финитного строя состоят из одного основного предикативного центра, а предложения инфинитного строя состоят из основного и вспомогательного предикативных центров. Предложения обоих строев являются простыми, поскольку вспомогательный центр выполняет роль какого-либо

¹ Сноска на груз.

² М.М. Циколия. Порядок слов в абхазском языке, стр. 33.

члена предложения и соотносится с предложением как самостоятельный член предложения (стр. 10 и сл.).

В качестве обоснования деления предикативных словосочетаний на предложения финитного и инфинитного строя автор приводит деление глаголов, образующих предикативные центры, на финитную и инфинитную формы.

Порядок слов М. М. Циколия рассматривает в связи с синтаксическими и стилистическими функциями, оставляя в стороне смысловую функцию, поскольку последняя, по заявлению автора, не связана со спецификой конкретного языка, а носит универсальный характер.

Порядок слов рассматривается в словосочетании и предложении финитного и инфинитного строя.

В 1959 году вышла работа К. Пари «Внутриглагольные личные показатели и синтаксис минимальной фразы в языках Северо-Западного Кавказа»¹, целью которой являлось «установить, с одной стороны, правила синтаксического функционирования глагольных показателей, и, с другой стороны, связи между этим функционированием и синтаксической структурой»² в абхазском, черкесском и убыхском языках.

В работе дается сравнительный структурный анализ парадигматического и синтагматического функционирования классно-личных субъектно-объектных показателей в глагольных основах вышеназванных языков. Дается также соотношение классно-личных субъектно-объектных показателей с соответствующими членами минимальной фразы – субъектом и объектом.

С помощью парадигматического анализа установлены позиции классно-личных субъектно-объектных показателей в одно- и многоглавых переходных и непереходных глаголах.

Отмечается, что «глагольные системы трех основных языков Северо-Западного Кавказа типологически очень похожи с точки зрения личных показателей»³.

¹ C. Paris. Indices personnels intraverbaux et syntaxe de la phrase minimale dans les langues du Caucase du Nord-ou-est. B. S. L., t. 64, fasc. I. Paris, 1969, p. 104-183.

² Там же, стр. 105.

³ Там же, стр. 105.

Синтаксический анализ функционирования личных показателей показывает, что они... представляют собой способ отображения отношений, выраженных вне глагольной формы самостоятельными словами (разрядка автора) в функции подлежащего или дополнения. Каждому личному показателю глагола может соответствовать на уровне синтаксиса фразы имя, имеющее, в зависимости от возможностей языков, либо формальный признак падежа (черкесский, убыхский), либо другое средство идентификации его функции (абхазский)¹.

Основные выводы работы сводятся к тому, что: 1) «Глагольная форма может функционировать сама по себе как минимальная фраза, потому что все участники, которые требуются глагольным корням, обязательно представлены в ней; 2) глагольная форма обязательна, тогда как свободные члены предложения в известной степени факультативны (правильная точка настоящего исследования); 3) так как потенциально все свободные члены выражены в обязательной глагольной форме, нет иерархически приоритетных элементов среди имен, которые им соответствуют во фразе и которые должны рассматриваться как члены равного значения»².

Нам кажется, что автору не удалось выявить синтаксические функции субъектного и объектного компонентов минимальной фразы, в результате чего он объявляет их факультативными.

Следует отметить и тот факт, что парадигматические и синтагматические функционирования классно-личных субъектно-объектных показателей в иберийско-кавказских языках, в том числе абхазско-адыгских, изучены достаточно подробно. И работа К. Пари оказалась в этом отношении повторением известных уже в специальной литературе положений, с которыми автор, по всей вероятности, не был знаком.

Как показывает краткий анализ специальной литературы, синтаксис абхазского языка еще не подвергался систематическому научному анализу. Отдельные работы, касающиеся различных вопросов синтаксиса, не дают сколько-нибудь цельного представления о синтаксической структуре абхазского языка.

¹ Там же, стр. 105.

² Там же, стр. 177.

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА СВЯЗИ КОНСТИТУИРУЮЩИХ КОМПОНЕНТОВ СТРУКТУРНОЙ ОСНОВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Структурная основа предложения в абхазском языке, строится главным образом на именных и глагольных компонентах. Поэтому естественно рассмотреть имя и глагол с точки зрения тех форм, в которых вступают они между собой в синтаксическую связь.

Известно, что имя и глагол в абхазском языке, как и в других родственных языках, по своей морфологической структуре резко противопоставляются: имя характеризуется бедностью формоизменения, глагол же – богатством формоизменения и полисинтетическим строем. В силу этого представляется определенный интерес исследование связи, которая устанавливается между ними (именем и глаголом) в структуре предикативного словосочетания, поскольку своеобразие связи слов во многом обуславливается спецификой категориальных свойств сочетающихся компонентов.

Исключается использование падежных форм имени при связи его с глаголом, поскольку имя в абхазском языке, как известно, не обладает системой склонения. Иначе обстоит дело с категориями лица, числа и класса в имени. В специальной литературе утверждалось мнение, согласно которому между именем и глаголом в предикативном словосочетании устанавливается связь в лице, числе и классе. Связь эта квалифицируется как согласование, предопределеною категориальными формами лица, числа и имени. В качестве примеров приводятся: *сара сцейт* – «я ушел»; *уара учеит* – «ты (м.) ушел»; *бара бцеит* – «ты (ж.) ушла»; *ҳара ҳцеит* – «мы ушли...»¹; *ахәычы дцеит* – «мальчик ушел»²; *уаргы ғынта*

ухысит, саргы ғынта схысуеит – «и ты два раза выстрелил, и я два раза выстрелю»¹.

Однако более подробное рассмотрение этого вопроса показало, что связь между именным и глагольным компонентами предикативного словосочетания не всегда преопределется морфологическими формами именного компонента. Прежде всего, о категории лица. Бессспорно, что имя существительное в абхазском языке (да и в других языках) не обладает морфологической формой лица. Следовательно, исключается обусловленность связи (и имени с глаголом в лице категориальной формой лица имени).

Аналогичное положение мы имеем и в местоимениях. По данным специальной литературы местоимения (например, личные) обладают морфологической категорией лица. В качестве формантов лица выделяются *с-ара* – «я», *у-ара* – «ты» (м.), *б-ара* – «ты» (ж.), *л-ара* – «она», *ҳара* – «мы» и т. д. Однако нам предъявляется возможным высказать иное мнение по этому поводу. Дело в следующем. Личные местоимения состоят из двух расщепляющихся компонентов: *са-ра, уа-ра, ба-ра, иа-ра, ла-ра, ҳа-ра, шәа-ра, да-ра*. В первом компоненте звук «а» повторяется во всех местоимениях. Следовательно, он не образует семантической корреляции и не может без предшествующего согласного составить основу. Функция семантического различия падает главным образом на первые звуки. Поэтому удаление согласных звуков первого компонента вызывает полное разрушение этих лексических единиц. Следовательно, без первых звуков эти слова не могут существовать как лексические единицы. Это значит, что отделение этих первых звуков от основы и квалификация их как морфологических компонентов не представляются возможными. Не составляет основы, и второй компонент, поскольку он повторяется во всех местоимениях и является, как известно, суффиксальным элементом.

Как видно, можно допустить, что основу личных местоимений составляют первые компоненты с гласной огласовкой (а). Если это так, то значение лица (числа и класса) в местоимениях является

¹ Л. П. Чкадуа. Связь слов в предложении, в кн.: «Сборник материалов по абхазскому языку». Тбилиси, 1970, стр. 77.

² М. М. Циколия. Порядок слов в абхазском языке. Тбилиси, 1973, стр. 33 – 34 (на грузинском языке).

¹ Ш. К. Аристава. Подлежащее, в кн.; «Сборник материалов по абхазскому языку». Тбилиси, 1970, стр. 16; Сказуемое, там же, стр. 39.

не грамматической, а лексической их семантикой и имеет соответственно лексическое выражение.

В таком случае снимается возможность предопределения связи в лице между местоимением и глаголом морфологической формы лица местоимения. В данном случае можно говорить лишь о морфологическом обозначении в глаголе семантического значения лица (числа и класса) местоименного компонента словосочетания.

Однако следует отметить, что встречаются немногочисленные имена типа: *х-фыцъагы* – «мы – двое», *шә-фыцъагы* «вы – двое», *р-фыцъагы* – «они – двое», *х-азегы* – «мы – все», *шә-ызегы* – «вы – все», *р-ызегы* – «они – все», у которых можно допустить наличие морфологической формы лица. К основам аналогичных имен прибавляются (префиксально) притяжательные личные аффиксы ряда л мн. числа. При связи с глаголом эти имена своей формой лица и числа предопределяют лицо и число глагола: *х-ахфыкгы* *х-цеит* – «мы – трое ушли»; *шә-ыхфыкгы* *шәцеит* – «вы – трое ушли»; *р-ыхфыкгы* (*и*) *цеит* – «они – трое ушли»; *ҳазагъ* *ҳ-цеит* – «мы – все ушли»; *шә-ызагъ* *шәцеит* – «вы – все ушли»; *р-ызагъ* (*и*) *цеит* – «они – все ушли» и т. д.

Следует оговорить также категорию класса в имени. Общеприято, что имя в абхазском языке обладает формой категории класса. В качестве формантов класса выделяют суффиксы мн. числа **-қәа**, **-цәа** и собирательности **-аа**. Однако нельзя не заметить слабость морфологической позиции категории класса в именах.

Дело в том, что суффиксы числа не имеют четко разграниченного употребления, в именах, семантически различающихся, по классам. Так, суффикс, мн. числа **-қәа** употребляется в большинстве случаев в именах, семантически относящихся к классу вещей. Однако употребление его и в именах класса человека не является исключением: *аҳасақәа* – «женщины», *аурысқәа* – «русские», *ақыртқәа* – «грузины», *аерманқәа* – «армяне» и т. д. Это явление еще больше, распространено в абазинских диалектах. «Можно сказать, что суффикс **-қәа** в тапантском диалекте господствует одинаково в форме мн. числа имен обоих классов»¹. В словах же

с семантикой качественной характеристики суффикс числа **-қәа** вообще не имеет значения класса. Например, *ашәкәы* *бзиақәа* – «хорошие книги», *ацкәынцәа* *бзиақәа* – «хорошие ребята».

Не характеризуется системностью употребления и суффикс числа **-цәа**. Он наиболее характерен для имени класса человека, однако не исключается возможность его употребления в определенных случаях и при именах класса вещей. Например, *аҳәа* *аңацәа* *аманы* *инеиуеит* – «Идет свинья со своими поросятами»; *ацгәы* *аңацәа* *аманы* *ицеит* – «Кошка со своими котятами ушла».

Нередки случаи употребления суффикса **-цәа** в сочетании с **-қәа**: *аҳацәақәа* – «мужчины»; *чкәынцәақәак* – «какие-то парни»; *зәгабцәақәак* – «какие-то девушки»; *сасцәақәак* – «какие-то гости».

Интересно отметить, что суффикс **-цәа** нередко сочетает в себе значение числа со словообразовательной функцией: *ашәаҳәаф* – «певец», но: *ашәаҳәацәа* – «певцы»; *аңсышаафы* – «отдыхающий», но: *аңсышаацәа* – «отдыхающие»; *анхаафы* – «крестьянин», но: *анхаацәа* – «крестьяне»...

Аналогичное употребление имеет и суффикс собирательности **-аа**: *уатҳараа* – «отхарцы», *гәдоутаа* – «гудаутцы». (Срв.: *уатҳаратәык* – «отхарский», но *уатҳаратәқәа* – «отхарские»). С категорией класса в именах увязывают и деривационный суффикс **-ғы**. Однако следует сказать, что суффикс **-ғы** больше увязывается с семантикой личности, чем с понятием грамматического класса в именах существительных. Он образует имена, обозначающие лицо определенной профессии или рода занятий: *акәашааф* – «танцов», *ашәаҳәаф* – «певец», *анхаафы* – «крестьянин», *ашәарыцааф* – «охотник» и т. д. Однако он может образовать и слова семантики класса вещей: *ағы* *марғъ* *раҳафүп* – «косоглазый конь пуглив» (пословица), *адағъ* *нықәафы* – «лягушка-путешественница», *ала* *шәарыцааф* – «охотничья собака», *ахшъ* *чакғы* – «ястреб-перепелятник» и тд.

Что касается единственного числа имени, то здесь имя морфологически не различает ни класса, ни числа.

Коррелятивный признак сохраняется между классом человека и вещи в некоторых разрядах имен числительных (например, количественных). Класс человека в данном случае выражается с

¹ К.В. Ломтатидзе. Тапантский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1944, стр. 77 (на грузинском языке).

суффиксом **-фы**, в классе же вещи используется суффикс **-ба**. Например:

класс человека	класс вещи
х-фы	х-η (-ба)
пшь-фы	пшь-ба
хә-фы	хә-ба
ф-фы	ф-ба
быжь-фы	быжь-ба
аа-фы	аа-ба
жә-фы	жә-ба
жәа-фы	жәа-ба
	«три»
	«четыре»
	«пять»
	«шесть»
	«семь»
	«восемь»
	«девять»
	«десять»

Однако при связи аналогичных числительных с глаголом категория класса не реализуется ввиду того, что глагол сочетается с числительным в форме мн. числа, в которой он (глагол) не различает классов.

Перечисленные факты приводят нас к выводу, что для выделения морфологической формы класса в именах (за некоторыми включениями, см. выше) нет достаточных оснований. Явление это можно объяснить двояко:

Процесс формирования суффиксального способа выражения класса в именах, являющийся, как известно, вторичным, не завершился.

Отсутствие четко выраженной корреляции по классам в именах связано с процессом утери семантики грамматических классов суффиксами мн. числа.

В таком случае предопределенность связи имени с глаголом формой класса именного компонента исключается. Здесь можно говорить лишь о морфологическом обозначении семантического различия имен по классам в глагольном компоненте.

Здесь же уместно отметить и тот факт, что класс не проходит через всю систему связи имени с глаголом. Он включается в связь лишь во втором и третьем лице един. числа. В первом же лице един. числа и во всех лицах мн. числа класс из связи имени с глаголом исключается. Кроме того, класс не относится к числу пре-

дикативных категорий. Функция его сводится лишь к дифференциации имен (субъекта и объекта) с точки зрения принадлежности их к одному из двух основных грамматических классов: к классу человека и классу вещи.

Иначе обстоит дело с категорией числа в имени. Морфологическая форма числа имени не вызывает сомнений. В единственном числе категория числа выражается нулевым формантом, во множественном числе – суффиксами **-қәа, -цәа, -аа**:

ашәкәы – книга,	ашәкәқәа – книги,
алаба – палка,	алабақәа – палки,
аңағы – ученик,	аңағәа – ученики,
арңыс – парень,	арңа-р-цәа – парни,
ауағы – человек,	ау-аа – люди,
асыс – ягненок,	аса-ра (қәа) – ягнята,
Аиба – Айба,	Аиы-раа – айбовцы

Здесь следует отметить ту лишь особенность, что имена в форме сбирательности обозначаются в глаголе в форме множественного числа: *ағар еизеит* – «собралась (собрались) молодежь».

Следовательно, связь имени с глаголом в числе может предопределяться морфологической формой числа именного компонента.

Другим важным вопросом связи является определение ее направления. Современное языкознание вышло из того состояния, когда оно определяло направление связи в строгом соответствии с реальным соотношением деятеля, действия и объекта действия. Традиционное определение подчинительной связи как связи, направленной от господствующего к зависимому, от управляющего к управляемому¹, с которым связана квалификация подлежащего как доминирующего члена предложения поддерживалось не толь-

¹ Ср. положение А.А. Шахматова: «...Отсюда следует, что при сочетании представления о предмете с представлением о признаке, первое из них, как господствующее в отношении признака по самой своей природе будет всегда субъектом, а второе – предикатом». А.А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Ленинград, 1941, стр. 23.

ко характером семантики, реальной последовательностью процесса от активного деятеля к действию, а затем к объекту действия, но во многих случаях и самим грамматическим соотношением форм соответствующих компонентой предложения во многих языках. Однако дальнейшее изучение все большего числа языков различных структур показало, что реальная, односторонне направленная последовательность соотношения деятеля действия и объекта действия не всегда получает соответствующее грамматическое выражение в языке. Так, например, в иберийско-кавказских и в других языках, где налична эргативная конструкция «доминанта», – подлежащее оказалось под подчинением транзитивного глагола – эргативный падеж, а объект – дополнение (ближайший объект), вопреки логике, вышло на доминирующую позицию подлежащего – именительный падеж.

Долго в лингвистической литературе обсуждался этот факт. Появились различные теории: 1) активности, 2) пассивности и 3) нейтральности эргативной конструкции. Давали этому факту даже мифологическую интерпретацию¹. Однако, в конечном счете пришлось мириться с реальным языковым грамматическим фактом.

Исследования А. С. Чикобава показали, что «эргативная конструкция порождена собственно грамматическими причинами (разрядка автора): особенности эргативной конструкции упираются в своеобразие переходного глагола, неразличающего залогов, индифферентного в отношении залогов (разрядка автора); а это последнее, в конечном счете, обусловлено своеобразным характером отношения глагольной основы к именной...» (разрядка автора)².

В последнее время мысль о соподчинительном взаимозависимом характере связи между подлежащим и сказуемым получает все большее признание в индоевропеистике.

«В отличие от других видов синтаксических отношений, – пишет Е. В. Кротевич, – предикативные отношения характеризуют-

¹ См.: Арн. Чикобава. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, II. Теория сущности эргативной конструкции. Тбилиси, 1961, стр. 163 (на грузинском языке).

² Арн. Чикобава. Указ. Работа, стр. 168.

ся двусторонней зависимостью, которая устанавливается только между одними и теми же, всегда соотносительными членами двусоставного предложения – сказуемым и подлежащим»¹.

«Характерной особенностью этой (координации – Ш.А.) связи в отличие от субординации, является не одностороннее, а взаимонаправленное подчинение соответствующих словоформ», – читаем у И. П. Распопова².

«По-видимому, ближе к сущности данного языкового явления находятся наблюдения, – Г. А. Золотова, – говорящие о взаимозависимости главных членов предложения, о двусторонних связях...»³. Говоря о различиях между согласованием и грамматической координацией форм подлежащего и сказуемого, Н. Ю. Шведова пишет: «Черты различия здесь следующие: 1. При согласовании осуществляется подчинение формы зависимого слова форме слова господствующего, при соединении главных членов – взаимное уподобление форм слов, которые занимают места компонентов структурной основы предложения, причем ни одна из них не является ни главенствующей, ни зависимой. 2. При согласовании осуществляется связь слова во всей системе его форм с формами другого слова (новый дом, нового дома...), при формальном уподоблении подлежащего и сказуемого всегда – связь двух определенных словоформ. 3. Словосочетание, образующееся на основе связи согласования, имеет систему форм, предопределенную системой форм главенствующего слова; структурная схема предложения, в пределах которой осуществляется уподобление двух организующих ее словоформ, имеет свою систему форм, предопределенную категориями уровня предложения. 4. При согласовании возникают собственно характеризующие отношения, не связанные ни с каким объективно-модальным планом; при

¹ Е. В. Кротевич. Синтаксические отношения между членами словосочетания и членами предложения. «Вопросы русского языкознания», кн. 2, Львов, 1956, стр. 12.

² И. П. Распопов. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970, стр. 36.

³ Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, стр. 59.

уподоблении главных членов возникает такая связь, которая обязательно относит признак и его носителя в определенный объективно-модальный план¹.

Связь слов в предложении абхазского языка слабо изучена. Ей посвящена лишь одна статья². Затрагивали этот вопрос попутно и некоторые другие авторы (см. выше). Мнения всех авторов, касавшихся этого вопроса, сходятся в том, что между компонентами структурной основы предложения устанавливается односторонняя связь – согласование, направленное от именных (субъекта и объекта) компонентов к глагольному (предикату).

Существует и другое общепризнанное мнение, согласно которому «об эргативной конструкции может ставиться вопрос в абхазском языке, который не различает падежей (эргат..., родит.), но в спряжении переходных глаголов обнаруживает черты, характерные для других иберийско-кавказских языков с эргативной конструкцией³». Общепризнано также, что «в отличие от некоторых иберийско-кавказских языков, в которых эргативная конструкция является конструкцией предложения с переходными глаголами, т. е. синтаксической конструкцией (груз.) – «охотник убил оленя», в абхазском она не выходит за рамки морфологии; язык выражает эргативную конструкцию средствами морфологии (инкорпорацией аффиксов в глагольную форму)⁴.

Как это легко заметить, трудно согласовать одностороннюю связь, направленную от именных компонентов к глагольному в предикативном словосочетании, с наличием эргативной конструкции предложения, так как эргативная конструкция – порождение прежде всего двусторонней подчинительной связи между именными и глагольными компонентами. При наличии в предикативном словосочетании лишь односторонней подчинительной связи вопрос об эргативной конструкции автоматически снимается. Не внушает доверия и положение о том, что эр-

гативная конструкция в абхазском языке «не выходит за рамки морфологии» (см. выше). Стоит ли говорить о том, что в «рамках» морфологии не может быть и речи вообще о какой-либо синтаксической конструкции.

Нам кажется, что причина всех этих противоречий в недостаточной изученности связи конституирующих компонентов предикативного словосочетания. Обратимся к фактам.

Как мы уже отмечали выше, исследователи всю связь именных и глагольных компонентов предикативного словосочетания в абхазском языке сводят к согласованию в лице, числе и классе. После проведенного выше краткого описания имени с точки зрения наличия или отсутствия в нем морфологических форм лица, класса и числа, легко заметить, что категория лица в связи компонентов, структурной основы предложения не может быть предопределена соответствующей морфологической формой имени по той простой причине, что оно (имя) не обладает морфологически этой категорией (исключения см. выше). Форма лица не может быть предопределена также и глагольным компонентом, поскольку он (глагол) обладает способностью изменяться по всем трем лицам и ему безразлично, какая из его трех личных форм будет использована в связи. Возможно, лицо продиктовано семантикой именного компонента? Это явление в действительности имеет место в тех случаях, когда позицию субъектно-объектных компонентов занимают личные местоимения. В таком случае лицо в связи предопределяется лексической семантикой субъектного (и объектного) компонента. Личному местоимению – субъекту определенного лица (и объекту) должна соответствовать форма того же лица глагола-предиката, в котором она (категория лица) получает свое морфологическое выражение в личных префиксах: *сара сцаажәоит* – «Я разговариваю»; *уара (м) у-цаажәоит* – «Ты (м.) разговариваешь»; *бара б-цаажәоит* – «Ты (ж.) разговариваешь».

Другие же имена не имеют значения лица и в своей лексической семантике. Это видно хотя бы из того, что имена в предикативной синтагме в позиции субъекта (и объекта) могут быть использованы со значением различных лиц. При наличии же в лексической семантике имени значения определенного лица (как

¹ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, стр. 548.

² Л.П. Чкадуа. Указ. Работ, стр. 77.

³ Арн. Чикобава. Указ. Работа, стр. 130.

⁴ М.М. Циколия. Указ. Работа, стр. 357.

это имеет место в личных местоимениях) возможность использования его в значении различных лиц исключалась бы.

Однако надо учитывать одно внеязыковое обстоятельство в данном случае. Дело в том, что по объективному внеязыковому положению имена класса вещей не могут быть ни говорящими, ни адресатами; в предложении может идти лишь речь о них (за исключением случаев персонификации) и, соответственно, как правило, в информации они выступают со значением третьего лица. Например: *аеви аштафы и-гылоуп* – «конь стоит во дворе»; *и-ртциуеит ашақәы* – «книга продается».

Имена же класса человека в зависимости от того, кого они обозначают в речи – говорящего, адресата или не участующего в речи, могут выступать со значением всех трех лиц:

Ахәыцқәа ҳ-цеит	«Дети (мы) пошли»,
Ахәыцқәа шә-цеит	«Дети (вы) пошли»
Ахәыцқәа и-цеит	«Дети (они) пошли»,
Зегъы ҳ-цеит	«Все (мы) ушли»,
Зегъы шә-цеит	«Все (вы) ушли»,
Зегъы и-цеит	«Все (они) ушли».

Иасон Соломон-иңа ихацәа ҳанықыпшлак... зегъы ҳ-аасиқәтәон (М. А., «Аапын мш. раан», 19) – «Заметив Ясона Соломоновича, все (мы) мгновенно успокаивались»; *Өнак ахәыцқәа ҳ-аиманы амхырта ақны ҳ-аакылсит* (М. А., «Аапын мш. раан», 19) – «Однажды дети (мы) вместе пришли на ниву»; *Акоммунистцәеи акомғареидгыла иалази ҳ-аизеит* (М. А. «Аапын мш. раан», 156) – «Собрались коммунисты и комсомольцы (мы)»; *Астудентцәа зегъы ҳ-аизеит атеатр ақны* (М. А.) – «Студенты все (мы) собрались в театре»; *Өнак ашкол ақны – ҳұматәқәа ҳанрылға, аңағцәа ҳшәыракәа ҳазқынәңа ҳаңшәмартақәа рахъ ҳ-цион* (М. А.) – «Однажды после уроков ученики (мы) с сумками на спине шли по своим домам»; *Артыс уажәақәа уаарызхәыц* (Б. Ш.) – «Парень, обдумай свои слова».

Бывают случаи, когда для конкретизации значения лица именного компонента рядом с ним используется личное местоимение. Однако случаи эти редки в абхазском языке ввиду того, что субъ-

ектно-объектные лица достаточно четко фиксируются в предикате соответствующими личными формантами.

Как видно из вышеизложенного, синтаксическое лицо субъектного (и объектного) компонента может предопределяться:

Лексической семантикой именного компонента:

сара ашкол ахъ с-цоит	«Я иду в школу»,
уара ашкол ахъ у-цоит	«Ты (м.) идешь...»,
иара ашкол ахъ д-цоит	«Он идет в школу».

Морфологической (личной) формой именного компонента:

ҳ-әғыңғы ҳ-цеит ашкол ахъ	«Мы двое пошли в школу»,
шә-әғыңғы шә-цеит ашкол ахъ	«Вы двое...»,
р-әғыңғы (и)-цеит ашкол ахъ	«Они двое...»,
с-хатә с-цеит ашкол ахъ	«Я сам пошел в школу»,
у-хатә у-цеит ашкол ахъ	«Ты (м) сам ...»,
и-хатә д-цеит ашкол ахъ	«Он сам пошел в школу».

Позицией именного компонента в акте речи:

- в позиции говорящего – первое лицо: *(Ахәыцқәа) ҳ-цеит ашкол ахъ* – «Дети (мы) пошли в школу»;
- в позиции адресата – второе лицо: *(Ахәыцқәа) шә-цеит ашкол ахъ* – «Дети (вы) пошли в школу»;
- в позиции не участующего в речи – третье лицо: *(Ахәыцқәа (и)-цеит ашкол ахъ* – «Дети (они) пошли в школу».

Синтаксическое лицо именных компонентов (субъектного и объектного) предикативного словосочетания получает преимущественно морфологическое выражение в предикате (личной формой глагола). В определенных случаях (при опущении личного форманта в предикате) лицо именного компонента выражается синтаксической оппозицией с другими морфологически выраженным нормами (1-го и 2-го) лица (т. е. само отсутствие личного форманта становится показателем третьего лица):

ахәыцқәа ҳ-тәоуп	«дети (мы) сидим»,
ахәыцқәа шә-тәоуп	«дети (вы) сидите»,
ахәыцқәа (и)-тәоуп	«дети (они) сидят».

Во всех вышеизложенных случаях связь направлена от именных компонентов (субъекта и объекта) к глагольному (компоненту).

Возникает вопрос, исчерпали ли мы вышеприведенным описанием всю связь компонентов предикативного словосочетания в абхазском языке? Положительный ответ вызывают следующие два вопроса:

1. Как осуществляется в этом случае различие субъекта и объекта в предикативном словосочетании (ведь вышеописанная связь в лице, числе и классе одинаково характерна и для субъектного и объектного компонентов)?

2. Как объяснить на основе односторонней связи наличие механизма эргативной конструкции в абхазском языке?

Языковые факты убеждают нас в том, что связь компонентов структурной основы предложения в лице, числе и классе с направлением ее от именных компонентов к глагольному представляет собой лишь одну сторону сложных синтаксических взаимоотношений, которые устанавливаются между этими компонентами.

Другая, не менее существенная сторона связи увязывается непосредственно с глагольным компонентом (предикатом). Формальная и функциональная оппозиция субъектно-объектных отношений основывается именно на оппозиции переходности и непереходности глагола-предиката.

Дело в том, что субъектный и объектный компоненты предикативного словосочетания не имеют сами по себе формальных различий ввиду отсутствия склонения в абхазском языке. Различаются же они позиционной и функциональной (в определенных случаях и формальной) оппозицией личных аффиксов двух рядов: ряда **д** и ряда **л**, связанных по линии лица, числа и (в определенных случаях) класса с субъектным и объектным компонентами. А оппозиция двух рядов личных аффиксов коррелируется переходностью и непереходностью глагола-предиката. Так, переходный глагол-предикат требует:

1. обозначения субъекта аффиксами ряда **л** и постановки их на позицию непосредственно перед своей основой (при сложно-составной основе – внутрь основы); обозначения ближай-

шего объекта аффиксами ряда **д** и постановки их на первую (от начала слова) позицию:

<i>Сара ахәычы д-с-аазоит</i>	«Я воспитываю ребенка»
<i>Уара ахәычы д-у-аазоит</i>	«Ты (м.) воспитываешь ребенка»
<i>Бара ахәычы д-б-аазоит</i>	«Ты (ж.) воспитываешь ребенка»
<i>Иара ахәычы д-и-аазоит</i>	«Он воспитывает ребенка»
<i>Лара ахәычы д-л-аазоит</i>	«Она воспитывает ребенка»
<i>Хара ахәычы д-х-аазоит</i>	«Мы воспитываем ребенка»
<i>Шәара ахәычы д-шә-аазоит</i>	«Вы воспитываете ребенка»
<i>Дара ахәычы д-р-аазоит</i>	«Они воспитывают ребенка»

Непереходный же глагол требует:

1. обозначения субъекта аффиксами ряда **д** и постановки их на первую позицию;

2. обозначения объекта (косвенного) аффиксами ряда **л** и постановки их на вторую позицию: Сара уара с-у-ацәажәоит – «Я с тобою говорю»; Иара лара д-л-ацәажә-оит – «Он с ней говорит».

Следовательно, в предикативном словосочетании противопоставляются субъект предложения переходного (эргативного) строя и субъект предложения непереходного (абсолютного) строя. Субъект предложения переходного строя обозначается аффиксами ряда **л** и занимает вторую позицию, субъект же предложения непереходного строя обозначается аффиксами ряда **д** и занимает первую позицию. Ближайший объект обозначается теми же аффиксами, что и субъект предложения непереходного строя (аффиксами ряда **д**) и занимает ту же позицию (первую), что субъект предложения того же непереходного строя.

Как легко заметить, для обозначения субъекта используются два ряда личных аффиксов с соответствующими им позициями, для обозначения же ближайшего объекта – один ряд (ряд **д**), ряд субъекта предложения непереходного строя.

Таким образом, двум падежам субъекта в языках эргативного строя (абсолютному и эргативному) соответствуют два ряда личных аффиксов с соответствующими им позициями в предложениях переходного и непереходного строя; одному падежу ближай-

шего объекта и субъекта предложения абсолютного строя – один ряд личных аффиксов (ряд **ð**). Перед нами полный механизм эргативного строя предложения. Различие наблюдается лишь в форме выражения.

Далее относительно того мнения, что «эргативная конструкция в абхазском языке не выходит за рамки морфологии»¹. Данное положение, утвердившееся в специальной литературе, порождено неразграничением некоторыми авторами морфологических и синтаксических явлений.

Нельзя отождествлять функцию личных формантов двух рядов в структуре глагола как морфологической единицы с их функцией в структуре предикативного словосочетания как единицы уровня предложения. В морфологии мы еще не касаемся отношений между словами. Тут глагол и его формоизменение рассматриваются в парадигматической оппозиции, а отношения между компонентами словосочетания рассматриваются в синтагматическом ряду. И, естественно, субъектно-объектные форманты в структуре предикативного словосочетания увязываются непосредственно с субъектно-объектными отношениями. Интересно отметить тот факт, что в специальной литературе рядом существуют два противоположных мнения.

Согласно первому, известному уже нам положению, «эргативная конструкция в абхазском языке не выходит за рамки морфологии», согласно же второму – в абхазском языке личные аффиксы двух рядов выполняют функцию падежей². Стоит ли утверждать тот факт, что падежные функции проявляются лишь на уровне синтаксиса и что, выполняя падежные функции, субъектно-объектные аффиксы одновременно вступают уже в область синтаксиса.

Все вышеизложенное неминуемо приводит нас к очень важному выводу о том, что механизм эргативной конструкции предложения в абхазском языке получает свою четкую реализацию

¹ К.В. Ломтадзе. Категория переходности в абхазском глаголе. Изв. ИЯИМК, т. XII. Тбилиси, 1942, стр. 1–29; ее же. Относительные местоимения в глагольных формах абхазского языка. Сообщения АН ГССР, т. III, 4, 1942, стр. 389.

² М.М. Циколия. Указ. работа, стр. 357.

именно на уровне синтаксиса в строе предикативного словосочетания.

Совершенно иное дело тот факт, что возможность этой реализации заложена в спряжении переходного глагола, что подмечено Арн. Чикобава (см. выше).

Как видно из всего вышеизложенного относительно связи, между компонентами структурной основы предложения (субъектом-объектом, с одной стороны, и предикатом – другой) в абхазском языке устанавливается двусторонняя соподчинительная связь¹.

Для более или менее полной квалификации описываемой связи мы должны охарактеризовать ее и со стороны функции. Этой стороны вопроса мы уже частично касались в связи с эргативной конструкцией.

Функция описываемой связи сводится к выражению субъектно-объектных отношений между конституирующими компонентами структурной основы предложения.

В специальной литературе встречается мнение, согласно которому в абхазском языке в определенных случаях субъектно-объектные отношения выражаются фиксированной позицией соответствующих именных и глагольных компонентов². Следует сразу же отметить, что компоненты структурной основы предложения в абхазском языке ни при каких случаях не имеют строго фиксированной позиции. Затруднение в различии субъекта и объекта действительно имеет место в том случае, когда субъектный и объектный аффиксы совпадают в лице, числе и классе: *Mixa ҃темыр д-и-ацәажәоит* – «Миха разговаривает с Темыром»; *Aуаса абга и-а-феит* – «Овцу волк съел».

Однако нельзя категорически утверждать, что вся функция субъектно-объектных различий выполняется позицией соответствующих компонентов.

Дело в том, что, во-первых, субъектно-объектные аффиксы и в данном случае занимают свои законные фиксированные пози-

¹ Ш.К. Аристава. Подлежащее. Сборник материалов по абхазскому языку, стр. 29.

² М.М. Циколия. Указ. работа, стр. 357–358.

ции (различаются они даже и материально: **д-и, и-а**); во-вторых, субъектный и объектный компоненты и в данном случае не имеют строго фиксированной позиции. Однаково естественно для языка употребление субъекта на первой позиции, объекта – на второй и наоборот.

В случаях, когда субъект и объект относятся к классу вещей даже более естественным становится препозитивная позиция объекта: *Ауаса абга иафеит* – «Овцу волк съел»; *Акәты ахшь иагеит* – «Курицу тетеревятник унес»; *Хажә абга иафеит* – «Нашу корову волк съел».

В аналогичных случаях некоторую роль играет и необратимость самого реального процесса: овцу, корову и т. д. может съесть волк, но не может быть обратного случая.

Для уточнения субъекта в описываемых случаях может быть использован контекст или логическое ударение: *Ахәыцы Алиас д-и-аазеит* – «Ребенка Алиас вырастил»; *Аб аңа д-и-шыит* – «Отца сын убил», *Anap Есыф аҳак д-аа-и-ңхъан, дад, уара ууара сгәаңхеит* *иҳән чара ду уны иңха диштейит* («Апс. л.») – «Попа Иосифа вызвал к себе царь и сказал ему, что он ему понравился, сыграл свадьбу и выдал ему свою dochь (царевну)»; *Бағәаза дани инаркны иаб бзиа диаазеит* («Апс.л.») – «Багузу с детства хорошо воспитал (его) отец»; *Абрәгъзы дыркрацы аҳ ауаа ишытәиңеит* («Апс. л.») – «Царь послал погоню за абреком, чтобы поймать его»; *Ари лыңқаын иара бзиа дыбомызт...* («Апс.л.») – «Ее сына он недолюбливал»; *Ачкаын иан данңыс иабтса.. тың ىимтә, диаңәхая далагеит* («Апс.л.») – «Мальчика, после смерти его матери, отчим стал ругать».

Ясно одно: позиция субъекта и объекта в описываемых случаях не является строго фиксированной. Поэтому порядок слов не может, естественно, брать на себя полностью функцию различия субъекта и объекта.

Функцию связи компонентов предикативного словосочетания нельзя рассматривать в отрыве от категории предикативности. Изучение в связи с этим связи в непредикативных словосочетаниях показало, что связь компонентов структурной основы предложения в формальном отношении полностью воспроизводится и в некоторых непредикативных словосочетаниях.

Примером могут служить деепричастные конструкции. Дело в том, что деепричастие в абхазском языке наряду с другими глагольными признаками обладает и субъектно-объектным спряжением. В деепричастных конструкциях, в которых деепричастие играет роль организующего центра, могут быть и субъектный, и объектный компоненты. Отношения между всеми тремя компонентами (субъектом, объектом и деепричастием) конструкции выражаются теми же двумя рядами классно-личных аффиксов: *Сара уара с-у-ацаажәо...* – «Я, разговаривая с тобой»; *Атафы ашәкәы д-а-пхъо...* – «Ученик, читая книгу...»; *Ацгәы ахәынаң и-алахәмаруа...* – «Кошка, играя с мышью...» и т. д.

Однако полное воспроизведение связи и соответствующих отношений в деепричастных конструкциях, как это видно из примеров, не дает категории предикативности, что вызвано отсутствием в них (деепричастных конструкциях) модальных отношений. Деепричастие, как в морфологическом, так и синтаксическом планах не различает модальных отношений: оно не обладает грамматическими категориями времени и наклонения.

Может ли данный факт послужить основанием для вывода о том, что предикативность может формироваться без субъектно-объектных отношений, без соподчинительной связи, что мы описали выше.

Изучение материалов с этой точки зрения методом эксперимента показало, что для предложений определенной структуры (субъектно-объектного строя), составляющих в языке абсолютное большинство, исключение связи и, соответственно, субъектно-объектных отношений неминуемо ведет к разрушению структурной основы предложения и категории предикативности. Например: *Сара сәыза с-и-ацаажәоит* – «Я со своим товарищем разговариваю»; *сара сәыза ,и-иацаажәоит*; *сара сәыза -аца-ажәоит*.

Как видно, частичное (во втором варианте) и полное (в третьем) удаление связи одинаково ведет к разрушению субъектно-объектных отношений и структурной основы предложения вместе со своим грамматическим значением предикативности.

Однако это положение нельзя распространить на предложения с однокомпонентной основой типа: *Шеит* – «Рассвело», *Хәлеит*

- «Стемнело», Хътоуп – «Холодно», Зынроуп – «Зима (есть)», Ааңынроуп – «Весна (есть)» и др.

Приведенный тип предложений, как видно из примеров, – бессубъектно-объектной однокомпонентной структуры. Здесь, естественно, нельзя вести речь о субъектно-объектных отношениях и соответствующей связи, поскольку нет ни субъектного, ни объектного компонентов. Структурную основу составляет один глагольный компонент, обладающий как морфологически, так и синтаксически категориями времени и наклонения.

Семантика аналогичной структурной основы предложения относится с действительностью непосредственно, минуя субъектно-объектные отношения.

Однако отсутствие субъектно-объектных отношений и соответствующей связи не равняется полному отсутствию синтаксического лица в данных типах предложений. Дело в том, что из трех актов речи говорящий, адресат и неучаствующий, предложения однокомпонентной структуры занимают третий акт – неучаствующий в речи, что равняется синтаксическому третьему лицу. Таким образом, в контекстуально-необусловленной позиции семантика аналогичных предложений ясно понимается как не относящаяся ни к первому, ни ко второму лицу, а, значит, как относящаяся к третьему лицу. Этот факт не дает нам права говорить об абсолютном отсутствии в предложениях подобной структуры субъектно-объектных отношений. Понятия объекта и предиката в данном случае как бы слиты в одном компоненте-предикате.

Учитывая вышеприведенные моменты, можно сделать вывод о том, что субъектно-объектные отношения и соответствующая связь относятся к числу необходимых, но не единственных признаков категории предикативности. Они образуют категорию предикативности в сочетании с модальными отношениями.

Теперь несколько слов о названии вышеизложенной связи. Из сказанного ясно, что сложные синтаксические взаимоотношения, устанавливающиеся между компонентами структурной основы предложения, отличаются в формальном и функциональном отношении от связи согласования.

В специальной литературе встречаются случаи обозначения аналогичной связи такими терминами, как «координация»¹, «сопряжение»², «предикативная связь»³ и др. Однако нет еще общепринятого термина. Это, видимо, объясняется тем, что связь эта по характеру и форме своего выражения проявляет значительные различия в разных языках. Объединяющей чертой этой связи (в разных языках) может быть лишь функциональная сторона – выражение субъектно-объектных отношений и участие в формировании предикативности. Исходя из последней особенности, из-за неимения более подходящего термина, учитывая и характер, и функцию связи, связь эту в абхазском языке мы назовем условно вслед за А. М. Мухиным предикативной.

Связь между субъектом и предикатом

Связь между субъектом и предикатом осуществляется двумя рядами классно-личных префиксов. Употребление того или иного ряда непосредственно связано с переходностью и непереходностью глагола-предиката.

Связь между субъектом и непереходным глаголом-предикатом

Непереходный глагол-предикат может быть одноличным, двухличным и трехличным. Во всех этих случаях связь между субъектом и предикатом идентична. Поэтому нет необходимости рассматривать каждый из этих случаев в отдельности.

Между субъектом и предикатом устанавливается связь в лице, числе и (в определенных случаях) классе. Причем формы выражения этих категорий различны в субъектном и предикатном компонентах. В предикате категории лица, числа и класса выражаются синкretически посредством личных префиксов ряда **д**, в субъектном же компоненте они имеют различные формы выражения.

¹ Арн. Чикобава. Проблема простого предложения в грузинском языке. Тбилиси, 1968 (на грузинском языке); И.П. Распопов. Указ. работа.

² Г.А. Золотова. Указ. работа.

³ А.М. Мухин. Структура предложений и их модели. Л., 1968.

Категория лица в связи субъекта с предикатом

Между субъектом и предикатом всегда налична синтаксическая связь в лице, которая может быть предопределена семантикой, категориальной формой лица или синтаксической позицией субъектного компонента.

Предопределение лица семантикой субъектного компонента имеет место в том случае, когда субъект выражен словом, семантическим значением которого является значение лица. К таким словам относятся, например, личные местоимения.

С субъектом, выраженным личным местоимением первого лица, согласуется предикат в первом лице:

Сара с-цәажәоит	«Я разговариваю»
Хара ҳ-цәажәоит	«Мы разговариваем»

С субъектом, выраженным личным местоимением второго лица, согласуется предикат во втором лице:

Уара у-цәажәоит	– «Ты (м.) разговариваешь»
Бара б-цәажәоит	– «Ты (ж.) разговариваешь»
Шәара шә-цәажәоит	– «Вы разговариваете»

С субъектом, выраженным личным местоимением третьего лица, предикат согласуется в третьем лице:

Иара (лара) д-цәажәоит	– «Он (она) разговаривает»
Дара (и)-цәажәоит	– «Они разговаривают»

Сашәа мхәакәа са с-аанғасуам (Б.Ш.) – «Не допев свою песню, я не перестану петь»; Лыңсата бзиахааит, рыңха, лара аңаҳәарта д-ыкоуп, сара амцхәарта с-ыкоуп (И.П.) «Царство ей небесное, она там, где правду говорят, а я здесь, где неправду говорят»; Уара у-еихабуп, иара д-еийбыз (Б.Ш.) – «Ты старше, пусть он будет младше».

Предопределение синтаксического лица категориальной формой лица субъектного компонента имеет место в том случае, когда субъект выражен словом, обладающим морфологической формой лица. Этот случай имеет наименьшее распространение в абхазском языке из-за отсутствия морфологической категории лица в именах.

К словам, обладающим морфологической категорией лица можно отнести, например, определительные местоимения: *с-хатә*, *у-хатә*, *б-хатә*, *и-хатә*, *л-хатә*, *ҳ-хатә*, *шә-хатә*, *р-хатә*; собирательные числительные с притяжательными личными префиксами: *ҳ-фыңыагы*, *шә-фыңыагы*, *р-фыңыагы*:

Шә-фыңыагы шә-цеит	– «Вдвоем (вы) пошли»
С-хатә с-лацәажәеит	– «Сам (я) с ней поговорил»
У-хатә у-ца!	– «Сам (ты) иди!»

Предопределение лица синтаксической позицией субъектного компонента имеет место во всех многочисленных случаях, когда субъект выражен словами, не обладающими ни семантическим, ни морфологическим значением лица. Синтаксическое же значение лица они приобретают в словосочетании, оказавшись в позиции говорящего (первое лицо), собеседника (второе лицо) или неучаствующего в речи (третье лицо). Во всех этих случаях синтаксическое лицо не получает морфологического выражения в субъектном компоненте, в предикате же оно обозначается посредством субъектных префиксов.

К словам, приобретающим значение определенного синтаксического лица в словосочетании (особенно предикативном), относятся имена существительные (собственные и нарицательные), имена прилагательные, указательные местоимения, инфинитная форма глагола, различные словосочетания с предметным значением и др.

При этом следует отметить, что слова с семантическим значением класса вещей не могут выступать в силу своей семантики в позиции говорящего или собеседника. Они встречаются, как правило, в позиции неучаствующего в речи, т. е. выступают со значением третьего синтаксического лица. Слова же с семантикой класса человека могут встречаться во всех трех позициях, т.е. в позиции говорящего, собеседника и неучаствующего в речи.

Уапхъа с-гылоуп, абар, абрэгъ Шьаруан (Б.Ш.) «Вот стою я, абрек-Шаруан, перед тобой!»; Өнак ахәыцқәа ҳәиманы амхартәәы ҳәаит (М.Х.) – «Однажды дети (мы) пришли вместе на ниву»; Акоммунистәәи акомғар еидгыла иалази ҳ-аизеит (М.Х.) – «Коммунисты и комсомоль-

цы (мы) собрались»; Ар҃ыс уажәақәа у-аарызхәыц (Б.Ш.) «Парень, обдумай свои слова»; Д-неиуеит Ҳацьарат агаәа давалан (Б.Ш.) «Идет Хаджарат по набережной»; Шарҭазык Алиас Торқанраа рәы д-ааит (Д.Г.) – «Однажды ранним утром Алиас пришел к Торкану домой»; Ар҃ыс д-ныфналт асасаиртә захъзыз (Б.Ш.) – «Какой-то парень вошел в гостиную»; Ҵуафык агәашә д-аадхылеит (Б.Ш.) «Какой-то всадник подскочил к воротам»; Инаԥшызар, абна и-аалҭеит миәи, бгаду, бгахәычи (Б.Ш.) «Из лесу вышли медведь, волк и лиса»; Уи д-аадәылңит дыццаккы, Агәашә шықоу ихы рханы (Б.Ш.) «Тот вышел впопыхах, направляясь к воротам»; Алиас у-оума? Уаашы арах! (Д. Г.) «Это ты, Алиас? Заходи, пожалуйста!»; И-нхон хфешшыцәа («Апс. л.») «Жили три брата»; Абык ихылыйз х-фешшыцәа ҳ-атан («Апс. л.») «Были (мы) пятеро братьев»; Абас ахра иалиааз ахра еиԥш ды-ғәәоуп... (Б.Ш.) – «Рожденный скалой тверд как скала»; Уала ихәаз д-ыхىәәзеит, ҭала ихәаз деитҭаанхеит (Пословица) – «Разоренный врагом ожил снова, разоренный родней разорен навсегда»; Ацәгъа зхәыцуа цәгъала д-иасуеит (Поговорка) – «Зломуышленник умерает в муках»; Иааиз ашә д-асуа д-алагеит (И.П.) – «Пришедший стал стучаться в двери»; Са исықәыршаны итәаз рыхқәа рықәыржыны и-зырфуан (А.Г.) – «Сидевшие вокруг меня, опустив головы, слушали».

Как видно из последних примеров, в позиции субъекта нередко выступает инфинитная конструкция. Внутри такой конструкции могут быть выражены различные субъектно-объектные личные отношения (Сара и-с-ықәыршаны итәаз...). Однако эти внутренконструктивные личные отношения не вступают в связь с предикатом непосредственно. Инфинитная конструкция в позиции субъекта субстантивируется, приобретает значение предметности и одновременно значение определенного синтаксического лица. Последнее, т. е. позиционное синтаксическое лицо инфинитной конструкции, не получает морфологического выражения в самой конструкции, она обозначается лишь в глаголе-предикате соответствующим личным префиксом (примеры смотри выше).

Как видно из вышеизложенного, морфологическое выражение значения синтаксического лица субъектного компонента предикативного словосочетания в самом субъектном компоненте не характерно для абхазского языка.

А как обстоит дело с выражением синтаксического субъектного лица в предикате?

Синтаксическое субъектное лицо, независимо от морфологической выраженности или невыраженности в самом субъектном компоненте, всегда получает свое обозначение в предикате. Оно обозначается в предикате как глагольной, так и именной основы простой, сложной и составной структуры. Причем в предикатах непереходной глагольной и именной основы синтаксическое субъектное лицо обозначается префиксами ряда **д**.

сара с-цәажәоит	«Я разговариваю»
уара у-цәажәоит	«Ты (м.) разговариваешь»
бара б-цәажәоит	«Ты (ж.) разговариваешь»
иара д-цәажәоит	«Он (м.) разговаривает»
лара д-цәажәоит	«Она (ж.) разговаривает»
ҳара ҳ-цәажәоит	«Мы разговариваем»
шәара шә-цәажәоит	«Вы разговариваете»
дара (и)-цәажәоит	«Они разговаривают»
сара с-хәычуп	«Я маленький»
уара у-хәычуп	«Ты (м.) маленький»
бара б-хәычуп	«Ты (ж.) маленькая»
иара д-хәычуп	«Он маленький»
лара д-хәычуп	«Она маленькая»
ҳара ҳ-хәычәоуп	«Мы маленькие»
шәара шә-хәычәоуп	«Вы маленькие»
дара (и)-хәычәоуп	«Они маленькие»
сара ашәаҳәара с-алагеит	«Я начал петь»
уара ашәаҳәара у-алагеит	«Ты (м.) начал петь»
бара ашәаҳәара б-алагеит	«Ты (ж.) начала петь»
иара ашәаҳәара д-алагеит	«Он начал петь»
лара ашәаҳәара д-алагеит	«Она начала петь»
ҳара ашәаҳәара ҳ-алагеит	«Мы начали петь»
шәара ашәаҳәара шә-алагеит	«Вы начали петь»
дара ашәаҳәара и-алагеит	«Они начали петь»

сара с-ырдаф бзиоуп
уара у-рдаф бзиоуп
бара б-ырдаф бзиоуп
иара д-ырдаф бзиоуп
лара д-ырдаф бзиоуп
хара х-ардафцәа бзиақәоуп
шәара шә-ырдафцәа бзиақәоуп
дара и-рдафцәа бзиақәоуп

«Я хороший учитель»
«Ты (м.) хороший учитель»
«Ты (ж.) хорошая учительница»
«Он хороший учитель»
«Она хорошая учительница»
«Мы хорошие учителя»
«Вы хорошие учителя»
«Они хорошие учителя»

В составном глагольном предикате синтаксическое субъектное лицо обозначается обычно в вспомогательной части, однако в определенных случаях оно может обозначаться в основной и вспомогательной частях или в одной основной части. (Это зависит от того, чем выражены основная и вспомогательная части).

Есма ацәажәара д-алагеит (Д.Г.ә) – «Эсма стала разговаривать»; *Уара асәәкъя у-смаңәхар қалон* (И.П.) – «Ты мог не ругать меня так крепко»; *Сара абра үваранза с-неир с-тахуп* (Д. Г.ә.) – «Я хочу пойти куда-то».

Субъектное лицо обозначается обычно в вспомогательной части и при именном составном предикате. Однако в определенных случаях оно может обозначаться в обеих частях или лишь в основной части.

Уи ацъар қаңшы еидгыла мазанықәгағыс д-амоуп («Алашара») – «Тот является секретарем Общества Красного Креста»; *Мазлоу иқамчы налхықъян д-лаха д-ашытәхеит* («Апс. л.») – «Мазлоу ударили ее плетью, и она превратилась в собаку»; *Үртқәа зегзы ба-шоуп, уи дуағ қыиоуп* («Апс. л.») – «Это все ни к чему, он добрый, честный человек».

Категория класса в связи субъекта с предикатом

Категория класса в связи субъекта с предикатом реализуется лишь во втором и третьем лицах единственного числа. В первом лице единственного числа и во всех лицах множественного числа категория класса не получает своей реализации. Причем в субъектном компоненте (как и в объектном) предикативного словосоче-

тания не имеет места морфологически выраженная оппозиция по классам. Тут различие по классам носит преимущественно семантический характер. Это связано с тем, что семантическое деление имен по классам не получает в них морфологического выражения в форме единственного числа. Оно не имеет регулярного выражения и в форме множественного числа имен, так как и тут нет специальных формантов для выражения категории класса. Суффиксы же множественного числа, использующиеся в этой функции, не образуют регулярной оппозиции по классам. И при наличии морфологического различия имен по классам во множественном числе исключалась бы связь субъекта с предикатом в классе, поскольку предикат во множественном числе (по субъектному и объектному лицам) не различает классов.

Таким образом, говоря о связи субъекта с предикатом в классе, мы можем иметь в виду лишь морфологическое обозначение семантического различия субъектных компонентов по классам в предикате с соответствующими классно-личными префиксами. Если субъект выражен именем или другим субстантивированным словом (или словосочетанием, инфинитной конструкцией) с семантикой класса вещей, то в предикате он (субъект) получает соответствующее морфологическое обозначение.

Ақармайыс аbjы ҳаракны и-шәаҳәоит – «Соловей громко поет»; *Лыхцәы ңиқә шықыруа лызқәа и-қәын* (И.П.) – «Косы ее пышные лежали на спине»; *Иан изықалғаз иуата кыағ и-йаршауп* (Б.Ш.) – «Лежит под ним короткая бурка, приготовленная матерью»; *Амра амшын и-нзаалеит* (С.Ч.) – «Солнце опустилось в море»; *Ағнқәа и-рығналеит матқас ағырыра* (Б.Ш.) – «Пошло по дворам, словно змея, горе».

Если же субъект выражен словом с семантикой класса человека, то в предикате он получает соответствующее морфологическое обозначение.

Ара д-ықам атәы, д-ықам ағар (Б.Ш.) – «Здесь нет раба, нет бедного»; *Төркәнгъы д-ғағылан, ажәжәхәа аееллахәара д-ағын* (Д.Г.ә) – «Торкан встал и в попыках стал одеваться»; *Уахсит иақәәоз уаҳа илымшо д-ааңсан, д-каҳаит* (Н.С.) – «Боровшийся с Уахситом устал и упал»; *Азырши иақәшәаз амца д-ақәңалт* (Поговорка) – «Испугавшийся горячей воды прыгнул в огонь»; *Ауад иреицәоу ауад*

д-ырхыччоит (Поговорка) – «Тот, кто хуже всех, смеется над всеми»; Уи шәаңхъа д-тәоуп (С.Ч.) – «Тот сидит перед вами»; Уара у-цәажәоит – «Ты(м.)разговариваешь»; Бара ашәкәы б-аңхъоит – «Ты (ж.) читаешь книгу».

Категория числа в связи субъекта с предикатом

Между субъектом и предикатом устанавливается связь в числе. Связь в числе, как правило, морфологически маркирована в обоих компонентах. В предикате она выражается вместе с лицом и классом субъектными личными префиксами, в субъектном же компоненте форма множественного числа выражена суффиксами **-қәа, -цәа, -аа//раа**, форма единственного числа маркируется нулевым формантом. Связь в числе всегда направлена от субъектного компонента к предикату, т. е. она предопределется категориальной формой числа субъектного компонента.

Ақаә д-әмзәеит, ау д-ымлақәаит (Поговорка) – «Короткий не достал, высокий не нагнулся»; И-шәтүт раңхъа ахәаса (Б.Ш.) – «Расцвела сначала алыша»; Абзаңәа ҳ-әқәзааит, аңсәа (и)-бзахоит (Б.Ш.) – «Живые (мы) исчезнем, мертвые воскреснут»; Икәша инатәалон ахәыңқәа гәыргъаә... (Б.Ш.) – «Вокруг него рассаживались радостно дети».

Предикат согласуется с субъектом в форме собирательности во множественном числе.

Гәыңғык аудажәлар «Метрополь» ашәахь рәаа-р-хеит (И.П.) – «Группа людей направилась (направились) к дверям «Метрополя»; Ағар асоциелабра еиңи-р-кааит – «Молодежь организовала (организовали) соцсоревнование»; Аңь амәа ауаа еиңә-ажәо и-тәан (И.П.) – «У дуба сидел (сидели) народ, беседуя».

Бывают случаи, когда число в субъектном компоненте не маркировано. И в таких случаях семантическое значение числа субъектного компонента получает свое морфологическое выражение в предикате.

Ағыңғыагы астол иахатәаны... аңатәы аңара и-ағын (И.П.) «Оба, сидя за столом, учили задание»; Әңүңа (и)-чкәынцәан, азәи д-ызгабын («Алашара») – «Двое были парни, одна была девушка»;

Иааиз ашә д-асуа д-алагеит (И.П.) – «Пришедший стал стучаться в дверь»; Аңла (и)-гылоуп рыңсы заны (Б.Ш.) – «Деревья (дерево) стоят, притаившись»; Азырыши иаңәшәаз амца д-ақәталт (Поговорка) – «Испугавшийся горячей воды прыгнул в огонь»; Ашылжь ишьаңәхныслаз шыбыжъаанза д-шыаңәхныслоит (Пословица) – «Споткнувшийся утром, спотыкается до обеда»; И-неибарчеит астол иахатәаз (И.П.) – «Засмеялись сидевшие за столом»; Абилет змаз иңысны ашәахь рәына-р-хеит (И.П.) – «Имевшие билеты двинулись к дверям».

Связь между субъектом и переходным глаголом-предикатом

Вышеописанная связь между субъектом и непереходным глаголом-предикатом в лице, числе и классе воспроизводится полностью и в данном случае. И поэтому здесь нет необходимости повторять ее. Мы остановимся лишь на различии, заключающемся в средствах выражения этой связи.

Связь субъекта с переходным глаголом-предикатом в лице, число и классе обозначается в предикате классно-личными префиксами ряда **л**. Причем дифференциация класса человека на подкласс мужчин и подкласс женщин происходит как во втором, так и третьем лицах единственного числа.

Зина и-л-уантроит аңкы – «Зина гладит платье»; Алиас ахәыңы д-и-аазоит – «Алиас воспитывает ребенка»; Уара ашәкәы өңиц аа-у-хәеит – «Ты (м.) купил новую книгу»; Бара аңафы ил-б-ырдоит, аңхъара – «Ты (ж.) учишь ученицу читать»; Уара д-у-бама нас хатала? – «Ты сам увидел его самого?»; Сеибашуазтгы сабын ныила, Сыңсадгыл ду са и-сыхъочон, Ашы азка-с-тәон Аңсынтаыла, Схатәы бызшәа са и-сыхъочон (Б.Ш.) – «Воюя с винтовкой в руках, я защищал свою великую Родину, за Абхазию я кровь проливал, защищал я свой родной язык»; Бара быңа, нан, урт, зегзы бара гәырфас иңа-б-ымдан! (Д.Г.ә.) – «Ты, родная, спи, за все это ты не переживай!»; Урт, и-р-фоит акәац, акәтыжь... (Б.Ш.) – «Они (те) едят мясо, курятину»; Иувааиуа аанды уале-и-шишует (Пословица) – «Победитель твой приплетет тебя к забору».

Связь между ближайшим объектом и предикатом

Ближайший объект возможен лишь при переходном глаголе предикате. Между ближайшим объектом и предикатом устанавливается также связь в лице, числе и классе. В объектном компоненте связь эта выражается точно так же, как в субъектом компоненте. В предикате же связь с ближайшим объектом обозначается личными объектными префиксами ряда **д**, занимающими всегда первую позицию. Связь направлена от ближайшего объекта к предикату. Объектное лицо предиката может быть предопределено:

1) семантикой объектного компонента: *Сара уи атахмада с-иаазахъан* («Апс. л.») – «Меня воспитал тот старик»; *Хара апшама х-неицхъеит афныка* – «Нас пригласил хозяин в дом»;

2) синтаксической позицией (говорящего, адресата и неучаствующего в речи) объектного компонента: *Мез данындэлыт Леуарса д-ибейт* (И.П.) – «Мез, когда вышел из дома, увидел Леуарсу»; *Чнага уака д-рыдыркылт* (М.Л.) – «Чнага там приняли»; *Ханашэ дыткәаны д-ыргеит нақ нхыцка асазқәа* (М.Л.) – Ханаша, полонив его, забрали по ту сторону садзы»; *Бзиала уаабеит, улеи арах!* – *иҳәан иғылаз афныка д-ааицхъеит* (М.Л.) – «Добро пожаловать! – сказал он и пригласил в дом стоявшего»; *Днаигәйәсны д-ааирәыхеит ахара здыз* (М.Л.) – «Толкнул и разбудил он обвиняемого»; *Астудентцәа сынтәа чаихыхра ҳдәықәыр҆оит* «Студентов (нас) в этом году посылают на сбор чая»;

3) морфологической формой лица объектного компонента: *Ухатә у-сшьеит* – «Тебя самого убью»; *Хәфыцъагы заагара х-дәықәыр҆еит* – «Нас обоих послали по воду».

Семантическим различием объектных компонентов по классам предопределяется также класс предиката (по объекту): *Сара д-саазеит ахәычы* – «Я воспитал ребенка»; *Зина и-лаазеит асыс-* «*Зина вырастила ягненка*»; *Сыегы ҳамҭас иара истоит* («Алашара») – «Я ему подарю и своего коня»; *И-аагиши арахь скамчы!* – (М.Л.) «Принеси-ка сюда мою плеть».

Связь ближайшего объекта с предикатом в числе предопределяется категориальной формой числа объектного компонента.

Ҳасасцәа акырәфәаны и-шыташәй... (М.Л.) – «Накормите и уложите наших гостей»; *Ачқәын имакәан дылтапшын и-аатихт*

иңзаза иқаз шәкәык (М.Л.) – «Мальчик открыл сумку и вытащил одну красивую книгу»; *Фрач асасцәа и-ныхәеит, Леуарса д-иниҳәеит* признала ичапаз атаптхала (И.П.) – «Фрач поднял тост за здоровье гостей и Леуарсы»; *Атахмада Цыгэ Ҳанашә.... Ашәшыра дыңатәаны ажәцәеимаақәа (и)-ижахуан* – «Старик Цыгу Ханаш, сидя в тени, шил чувяки».

Связь между косвенным (лично-относительным) объектом и предикатом

Предикат вступает в связь в лице, числе и классе и с косвенным объектом. Причем эта связь и в данном случае направлена от косвенного объекта к предикату и может быть предопределена категориальной формой, семантикой или синтаксической позицией объектного компонента. В этом отношении косвенный объект не обнаруживает никаких отличий от ближайшего объекта. Различие обнаруживается лишь в обозначении связи в предикате. Косвенный объект возможен лишь при полиперсональном непереходном глаголе-предикате или при трехличном переходном глаголе- предикате. В обоих случаях связь в предикате обозначается объектными аффиксами ряда **л**. Причем, как показали последние исследования К. В. Ломтатидзе, объектные аффиксы ряда **л** подразделяются на префиксы ряда **л** с аффиксом косвенного отношения и префиксы ряда **л** без аффикса косвенного отношения¹.

<i>Уара сара у-са-цәажәоит</i>	«Ты (м.) разговариваешь со мной»
<i>Сара уара с-уа-цәажәоит</i>	«Я разговариваю с тобой (м.)»
<i>Сара бара с-ба-цәажәоит</i>	«Я разговариваю с тобой (ж.)»
<i>Сара иара с-иа-цәажәоит</i>	«Я с ним разговариваю»
<i>Сара лара с-ла-цәажәоит</i>	«Я с ней разговариваю»
<i>Сара шәара с-шә-а-цәажәоит</i>	«Я с вами разговариваю»
<i>Сара дара с-ра-цәажәоит</i>	«Я с ними разговариваю»

¹ К.В. Ломтатидзе. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков, I. Фонологическая система и фонетические процессы (на грузинском языке, резюме на русском). Изд. «Мецниреба». Тбилиси, 1976, стр. 90 и сл.

<i>Сара уара и-у-сыркит ашәкәы</i>	«Я тебе (м.) передал книгу»
<i>Сара бара и-б-сыркит ашәкәы</i>	«Я тебе (ж.) передал книгу»
<i>Сара лара и-л-сыркит ашәкәы</i>	«Я ей передал книгу»
<i>Сара иара и-и-сыркит ашәкәы</i>	«Я ему передал книгу» и т. д.

Как это отмечено в специальной литературе, бывают случаи, когда формант косвенного объекта в предикате заменяется превербом-основой¹. Это бывает при объекте (косвенном) в форме единственного числа, во множественном же числе формант косвенного объекта в предикате восстанавливается.

Сара ақәарда сы-қә-тәеит – «Я сел на табуретку», но: *Сара ақәардақа с-рықатәеит* – «Я сел на табуретки».

Преверб, заменяющий объектный формант, в этих случаях связан с объектом локально-пространственным значением.

Сара афны сығналеит – «Я вошел в дом»; *Миха агба дтәлеит* – «Миха сел (вошел) на пароход»; *Ашәарыцаф ашъха дхалеит* – «Охотник поднялся (взобрался) на гору».

Как видно из примеров, связь объекта с предикатом в этих случаях носит двоякий характер. В форме множественного числа объект связан с предикатом, как это бывает обычно, категориями лица и числа. В форме же единственного числа объект примыкает к предикату локально-пространственной семантикой. Причем употребление того или иного преверба-основы предопределяется семантикой объекта.

Сравним: *Ашъха с-ха-леит* – «Я взобрался на гору», но: *Азы с-та-леит* – «Я вошел в воду»; *Ақды с-ықә-тәеит* – «Я сел на бревно», но: *Акабина с-та-тәеит* – «Я сел в кабину».

Таким образом, связь и в данном случае направлена от объекта к предикату.

Естественно, удаление из предложения объекта вместе с обусловливаемым им превербом-основой вызывает разрушение структурной основы. Это говорит о том, что косвенный объем и в данном случае остается конституирующими компонентом структурной основы предложения.

¹ К.В. Ломтатидзе. К структуре сложно-составных глагольных основ в абхазском языке. ИКЯ, т. IV. Тбилиси, 1953, стр. 125.

Словосочетание

Словосочетание – это конструкция, образующаяся на основе подчинительных связей: согласование, управление (координация) и примыкание. Оно состоит из двух и более самостоятельных слов, между которыми устанавливаются определительные, обстоятельственные, субъектно-объектные и другие отношения. Этими отношениями выражаются соответствующие синтаксические значения. В составе словосочетания выделяются компонент стержневой (подчиняющий) и компонент зависимый. Стержневым компонентом является грамматически главенствующее слово, своими лексико-грамматическими свойствами предопределяющее связь с зависимым компонентом.

В зависимости от того, какое слово является стержневым словосочетания делятся на глагольные, именные и наречные. В глагольных словосочетаниях глаголу подчиняются имена, местоимения, числительные, наречие: *ажь атаара* – «сбор винограда», *ататын аиттаҳара* – «посадка табака», *амхы атагалара* – «сбор урожая», *иара иацәажәара* – «говорить с ним», *лара лабжара* – «дать ей советы», *хара ацара* – «идти далеко», *хыхъ ахалара* – «подняться вверх» и т.д.

В именных словосочетаниях имени существительному подчиняются существительное, прилагательное, местоимение, числительное: *аб иуата* – «бурка отца», *ан лысаби* – «ребенок матери», *ақам ашъапы* – «ножка стула», *абырфын кассы* – «шелковая косынка», *аласа қалңад* – «шерстяные носки», *ахътә мацәаз* – «золотое кольцо», *сара сышәкәы* – «моя книга», *бара бәзыза* – «твоя подруга», *ажәабатәи ашкол* – «десятая школа», *афны еихагыла* – «многоэтажный дом»...

В наречных словосочетаниях наречиям подчиняются наречия: *даара хара ацара* – «идти очень далеко», *мыцхәы ирласны ацәажәара* – «слишком быстро говорить»...

По своему составу словосочетания могут быть простым, сложным и составным. Простое словосочетание строится на основе одной синтаксической связи с одним главенствующим словом. Например, *ашәкәы ғыц* – «новая книга», *аўых лашьца* – «темная

ночь», актәи акласс – «первый класс», ағны ҳарык – «высотный дом».

Сложное словосочетание строится на основе двух и более видов связи: ауастаңа – идыргылаң ағны ғың – «новый дом, построенный строителями», аңағы иаахәз ашәкә – «книги, купленные учеником», сара сәзыза истәз ашәкә – «книга, переданная мною другу»...

Составное или комбинированное словосочетание строится на основе связей, исходящих от разных стержневых слов: иаахәзны сәзыза истәз ашәкә – «книгу, купив которую я передал другу», амшиңақә раан ихыңыз азқә – «реки, разлившиеся в дни дождливой погоды», алашәарыңа – ийдыркыз ажы – «заяц, вытравленный охотничими собаками».

Словосочетание может быть свободным и несвободным. В свободном словосочетании полностью сохраняются лексические значения входящих в него слов: ашкол ахь ацарап – «идти в школу», ахәычы иаазара – «воспитание ребенка», ашәкә аахәрап – «купить книгу». В несвободных словосочетаниях лексическое значение одного из компонентов затемнено или совсем утрачено. Такое словосочетание приравнивается к отдельному составу: иғәи тәжәеит – «сильно развелся (букв. сердце разорвалось)», иңсахы еибакит – «разнервничал», илахъ еиқауп – «он грустный». Такие словосочетания предметом грамматики не являются. Например: рыңсы еихәлоуп – «они душа в душу», иғ иғы иаҳәом – «не может сказать чего ему надо (что ему надо рот не может сказать)».

Свободное словосочетание имеет свое формоизменение (кроме наречных). Оно изменяется по формам составляющих его компонентов. Позиционное словосочетание имеет некоторую специфику. Управляющее слово в данном случае, не изменяется, если относится к классу вещей и предшествует определяемому. Однако семантически оно принимает форму определяемого слова: ахаҳатә ғыны – ахаҳатә ғынқә – «каменный дом – каменные дома (каменный дома)»; ахтәи маңа – ахтәи маңа – «золотое кольцо – золотые кольца (золотое кольца)». Компоненты словосочетания согласуются в числе, если они относятся к классу

человека: аңағ бзиа – аңағцә бзиақә – «хороший ученик – хорошие ученики»; ағыза бзиа – ағызцә бзиақә – «хороший друг – хорошие друзья». Морфологически согласование в классе не происходит ввиду того, что имя прилагательное не изменяется по классам. Семантически в данном случае мы имеем согласование в классе. Словосочетание изменяется и по другим именным формам: ахтәи саат – ахтәи саатқ, ахтәи саатс, сыхтәи саатқә «золотые часы – ...».

Схема изменения позиционных словосочетаний

ахтәи саат	ағыза бзиа
ахтәи саатқ	ағыза бзиак
сыхтәи саат	ағыза бзиа
ахтәи саатқә	ағызцә бзиақә

Глагольные словосочетания тоже имеют свою специфику. Например, в словосочетании сара саңајәо атағы – «ученик, с которым я разговариваю» позицию глагола занимает инфинитная форма, в которой субъект обозначен субъектным формантом **С**, а косвенный объект – относительным местоимением **И**, который не обозначает ни лица, ни числа, ни класса. Поэтому глагольная инфинитная форма не меняется по этим категориям:

сара с-з-аңајәо аңағы, аңағцә	«ученик (ученики), с которым(и) я разговариваю
уара у-з-аңајәо аңағы, аңағцә	«ученик (ученики), с которым(и) ты (м) разговариваешь
бара б-з-аңајәо аңағы, аңағцә	«ученик (ученики), с которым(и) ты (ж) разговариваешь
иара д-з-аңајәо аңағы, аңағцә	«ученик (ученики), с которым(и) он (м) разговаривает
лара д-з-аңајәо аңағы, аңағцә	«ученик (ученики), с которым(и) она (ж) разговаривает
ҳара ҳ-з-аңајәо аңағы, аңағцә	«ученик (ученики), с которым(и) мы разговариваем
шәара шә-з-аңајәо аңағы, аңағцә	«ученик (ученики), с которым(и) вы разговариваете

дара (и)-заңаажо аңағы, аңағқа «ученик (ученики), с которым(и) они разговаривают

В глагольном словосочетании с двухличной переходной инфинитной формой глагола не имеем формоизменения по лицу прямого объекта:

сара и-аа-с-хәз ашәкәы, ашәкәқа «книга, книги, которую купил я»
уара и-аа-у-хәз ашәкәы, ашәкәқа «книга, книги, которые купил ты»

бара и-аа-б-хәз ашәкәы, ашәкәқа «книга, книги, которые купила ты»

иара и-аа-и-хәз ашәкәы, ашәкәқа «книга, книги, которые купил он»

лара и-аа-л-хәз ашәкәы, ашәкәқа «книга, книги, которые купила она»

ҳара и-аа-ҳ-хәз ашәкәы, ашәкәқа «книга, книги, которые купили мы»

шәара и-аа-шә-хәз ашәкәы, ашәкәқа «книга, книги, которые купили вы»

дара и-аа-р-хәз ашәкәы, ашәкәқа «книга, книги, которые купили они»

В глагольном словосочетании с трехличным переходным глаголом инфинитной формы, не имеет формоизменения по лицу прямого объекта:

сара уара и-у-с-тәз ашәкәы, ашәкәқа «книга, книги которые я тебе (м) дал»

сара бара и-бы-с-тәз ашәкәы, ашәкәқа «книга, книги которые я тебе (ж) дал»

сара иара и-с-тәз ашәкәы, ашәкәқа «книга, книги которые я ему дал»

сара лара и-лы-с-тәз ашәкәы, ашәкәқа «книга, книги которые я ей дал»

сара шәара и-шәы-с-тәз ашәкәы, ашәкәқа «книга, книги которые я вам дал»

сара дара и-рыстәз ашәкәы, ашәкәқа «книга, книги которые я им дал»

Если позицию глагольного компонента занимает одноличный глагол инфинитной формы, мы не имеем формоизменение по субъектному лицу:

ашкол ахъ иң	сара	я
	уара	ты (м)
	бара	ты (ж)
	иара	в школу идут он
	лара	она
	ҳара	мы
	шәара	вы
	дара	они

Словосочетание, с одной стороны, имеет общие черты со словом и предложения, с другой стороны, отличается от них.

Как и слово, словосочетание может выступить в функции члена предложения; не имеет значение предикативности; не имеет интонации предложения.

В отличие от слова свободное словосочетание состоит не менее из двух самостоятельных слов:

Словосочетание в предложении

Словосочетание в предложении может занимать самые различные позиции: позицию главных членов предложения и позицию распространителей предложения. В позиции главного члена предложения часто выступает словосочетание (инфinitная конструкция) в пословицах и поговорках: *акы зғыз игыз идыруан, әбә зғыз игыз издыруамызт* – «Тот, кто имел один недостаток, знал о своем недостатке, а тот, кто имел два недостатка, не знал о своих недостатках»; *азырши иаңашәаз амца дақәпталт* – «Тот, кто испугался горячей воды, прыгнул в огонь»; *амша иакыз «дад» иұдеит* – «Тот, кого медведь поймал «дад» сказал»; *айлақәа ирхыңши абна зымбаз диғызахеит* – «Он стал подобен тому, кто

за деревьями не увидел леса»; аибашьра иақәымшәац дхаңа ғәгәоуп – «Кто не был на войне считает себя героем»; ахә зышыз атыша итәиҳәлеит – «Тот, кто убил кабана (дикого) бросил в пропасть»; айдаушы ззымдырыз ихы ңиөйт – «Кто не умел плакать (оплакивать покойника), тот разбил свою голову»; аңхәыс бааңсы азаңы уганы азы умыржәкәа уаалгоит – «Злая женщина поведет тебя к речке и не дав напиться вернет обратно»; ахы зымәрәз алымха ифеит – «Кому подали голову уши поел».

Словосочетание в позиции ближайшего объекта: аеы иақәымтәац аеы дқанамыжъыт – «Кто не ездил на коне, том с коня не падал»; зпа дымтсыц, ута диумырәуан – «Не дай оплакать своего сына, тому, кто не знает подобного горя (у кого сын не умирал)»; иагханы иааз хазы идиртәоит – «Тех кто опоздал, сажают отдельно»; еиқәа зышамыз зеиқәа кылңәаз дихычон – «Безштанник смеялся над тем, у кого штаны дырявые».

Словосочетание в позиции дополнения: үзара уск иахнагаз рыда зегзы аизарағы иқан – «Кроме тех, кто по каким-то делам отсутствовал, все были на собрании»; апша ғәәә шақа иасуаз ала идирит амш шыңғаҳоз – «По усилившемуся ветру он понял, что погода изменится».

Словосочетание в позиции определения: зан иацымныңәаз аеңыс абга иафеит – «жеребенка, оторвавшегося от матери, волк съел»; ғашәа змамыз ала ахағы шыала итәын – «у голодного пса морда полна крови»; атқақәажа иқәнүлшыз арбазь, абга иагеит – «не признанного старушкой петуха, лиса забрала».

Словосочетания в позиции обстоятельств: обстоятельство образа действия: Алаф шырхәоз, ишыччоз ататынрыңхра иналагеит (Н.Х.) – «Шутя, смеясь, они приступили к низке табака»; Ихы иқәйіжыны дышицоз ала, акы дшазхәыцуаз удырратәи иқан (Н.Х.) – «По тому как он шел опустив голову, можно было догадаться, что он о чем-то думает»; Езығә ииҳәаз үзашыаны инаңшы-ааңшит, ишырзеилымкааз удырратәи (Н.Х.) – «По тому как от слов Езыгу они удивленно переглянулись, можно было догадаться, что они не поняли (его)».

Словосочетание в позиции определения: Агәйла-азла еилыхо афатәқаңара ианаңыз, иара дазхәыцуан, афатә рхианы астол

ианаахатәалак иқалараны икоу (И.П.) – «Соседи пока готовили еду, он думал, приготовив еду, когда они сядут за стол, что должно было случиться»; Мықың дыңқынан иаҳашы Катиа атырқәа Маҳмет әданигоз (И.П.) – «Мықың был молод, когда его сестру Катию забрал в жены турок Махмет»; Дигәа иәи инапи анизәзәа, ағынду ахъ иғынеихеит (И.П.) – «Дигуа, когда умылся, направился в большой дом».

Словосочетание может выступить в предложении и с другими синтаксическими функциями.

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

В настоящее время в теоретической литературе, посвященной проблемам синтаксиса, окончательно не установлено определение предложения, однако уже определены основные его признаки. Предложение (как минимальная синтаксическая единица речи информации) должно обладать синтаксическими категориями времени и наклонения, которые вместе с категорией синтаксического лица образуют абстрактный образец – структурную схему – предикативность. Предикативность – это основное синтаксическое значение предложения, вне предикативности нет предложения.

Предикативная основа простого предложения Категория модальности

Несмотря на серьезное внимание, уделяемое специалистами категории модальности, как одному из определяющих признаков предложения, многие вопросы, связанные с ней, все еще остаются не до конца решенными. Так, например, нет еще единства мнений о значениях, объединяемых этой категорией. Одни специалисты категорию модальности рассматривают в широком плане, включая в нее такие явления, как различие предложений по целевой установке речи, значения утверждения – отрицания, реальности – ирреальности, необходимости – возможности и др.¹ Подразде-

¹ См.; В.В. Виноградов. О категории модальности и модальных словах в русском языке. Труды Института русского языка, т.2. М.–Л., 1950, стр. 41; В.Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955, стр. 164; Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976, стр. 180.

ляют модальность на внутреннюю и внешнюю. Внешнюю, в свою очередь, подразделяют на внешнюю модальность I типа и внешнюю модальность II типа.¹

Другие же объемы категории модальности ограничиваются более узкими рамками².

Так, говоря о таком широком понимании модальности, В. З. Панфилов пишет: «При таком подходе категория модальности становится весьма аморфной, по существу в нее попадают все языковые явления, которые по тем или иным причинам не находят места среди других грамматических или лексико-грамматических категорий³». Он считает «бессспорно модальными два типа значений: объективный (антологический) и субъективный (пресуавизивный)». «Первая из них отражает характер объективных связей, наличных в той или иной ситуации, на которую направлен познавательный акт, а именно связи возможные, действительные и необходимые. Вторая выражает оценку со стороны говорящего степени познавательности этих связей, т. е. она указывает на степень достоверности мысли, отражающей данную ситуацию, и включает проблематическую, простую и категорическую достоверности»⁴.

Мы придерживаемся последнего определения модальности и деления ее на объективную и субъективную.

Объективная модальность

Объективная модальность организуется противопоставлением синтаксического индикатива синтаксическим ирреальным наклонениям. Морфологическим средством выражения объективной модальности является наклонения глагола.

¹ Л.С. Ермолова. Типология системы наклонения в современных германских языках, ВЯ. 1977, 4, стр. 97.

² Г.А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, стр. 140.

³ В.З. Панфилов. Категория модальности и ее роль и конституировании структуры предложения и суждения, ВЯ, 1977, 4, стр. 47.

⁴ В.З. Панфилов. Категория модальности и ее роль и конституировании структуры предложения и суждения, ВЯ, 1977, 4, стр. 47.

Синтаксический индикатив

Синтаксический индикатив устанавливает реальные отношения между содержанием предложения и действительностью, утверждает во всех случаях и формах его употребления факт соответствия содержания предложения с действительностью. Синтаксический индикатив имеет положительную и отрицательную формы. В обоих случаях значение утверждения сохраняется.

Морфологическим средством выражения синтаксического индикатива является изъявительное наклонение глагола финитной семантики в формах временных. Изъявительное наклонение глагола инфинитной семантики здесь употребляется лишь в вопросительной форме.

Положительная форма

наст. вр.	- ахәычы дыңаом	«ребенок не засыпает»
аорист	- ахәычы дыңәеит	«ребенок заснул»
прош. несов.	- ахәычы дыңаон	«ребенок засыпал»
прош. неопредел.	- ахәычы дыңаан	«ребенок спал»
давно прош.	- ахәычы дыңәахьеит	«ребенок уже спит»
предпрош.	- ахәычы дыңәахъан	«ребенок уже спал»
будущ. I	- ахәычы дыңаап	«ребенок заснет»
будущ. II	- ахәычы дыңаашт	«ребенок будет спать»

Отрицательная форма

наст. вр.	- ахәычы дыңаом	«ребенок не засыпает»
аорист	- ахәычы дмыңаеит	«ребенок не заснул»
прош. несов.	- ахәычы дыңаомызт	«ребенок не засыпал»
прош. неопредел.	- ахәычы дмыңаазт	«ребенок не заснул»
давнопрош.	- ахәычы дмыңаацт	«ребенок еще не заснул»
предпрош.	- ахәычы дмыңаацыт	«ребенок еще не заснул»
будущ. I	- ахәычы дмыңаап	«ребенок не заснет»
будущ. II	- ахәычы дмыңаашт	«ребенок еще не заснет»

Вопросительная форма

наст. вр.	- ахәычы дыңаома?	«ребенок спит?»
аорист	- ахәычы дыңаама?	«ребенок заснул?»

прош. несов.	- ахәычы дыңәозма?	«ребенок засыпал?»
прош. неопредел.	- ахәычы дыңәазма?	«ребенок спал?»
давно прош.	- ахәычы дыңәахъоума?	«ребенок уже спит?»
пред. прош.	- ахәычы дыңәахъазма?	«ребенок уже спал?»
будущ. I	- ахәычы дыңәарым?	«ребенок заснет ли?»
будущ. II	- ахәычы дыңәашам?	«ребенок будет ли спать?»

«Синтаксический индикатив выражается т.н. заглазной формой глагола, которая совмещает в себе значения объективной (индикативной) и субъективной модальности». Заглазная форма обозначает реальное действие с указанием степени осведомленности говорящего.

Самхаңаазаап – «Оказывается я заснул, задремал»; Заур ашкол ахъ дңазаап – «Заур, оказывается, пошел в школу»; Схәыцра даара инаскъазаап; Са снырхара башытамзаап, Бнатқәа баша итатазаап, Амалазагыы быңшара уағы дажъозаап (Б.Ш.) – «Думы мои, оказывается, удалились, оказывается, ты обо мне не беспокоишься, оказывается ни к чему нежность твоих рук и красота твоя, оказывается, она обманчива»; Җирпынк ңиңарц днавалазаап иаҳәызба хәычы кны, Дымшәыз үзырышын баша ирхазаап арахә ицәшәаны (Б.Ш.) – «Оказывается, он вышел, чтобы срубить свирель, принял его за медведя, оказывается, напрасно испугалось стадо».

Заглазная форма индикатива не имеет отрицательного варианта (в синтаксическом образовании).

Синтаксический индикатив может быть выражен также формой конъюнктива с допускальным значением. В таком случае синтаксический индикатив сочетает в себе значения объективной и субъективной модальности. Субъективная модальность здесь связана со значением допущения с оттенком согласия.

Ахәычы ашкол ахъ дңазаат – «Ребенок пусть пошел в школу»; Уеибганы уаазаат (Ш.Ч.) – «Пусть ты вернулся невредимым»; Аригыы збазаат (Ш.Ч.) – «Пусть я и это увидел»; Дылгахъазаат, са срыхъзоит (Ш.Ч.) – «Пусть она его (ч) забрала, я их догоню».

Синтаксический индикатив, выраженный формой конъюнктива, не имеет вопросительного варианта (в синтаксическом образовании).

Синтаксические ирреальные наклонения

Объединяющим значением всех синтаксических ирреальных наклонений является выражение ими объективно-модального значения ирреальности, которая мыслится как требуемое, возможное или желаемое.

Побудительное наклонение

Синтаксическое побудительное наклонение обозначает волеизъявление, направленное на осуществление чего-либо. Это может быть повеление, повеление с оттенком пожелания, просьбы, требования и т.д. Временное значение побудительного наклонения направлено на осуществление чего-либо в реальном будущем: *Ашкол ахь уца!* – «Иди в школу!»; *Ашәкәы аахә!* – «Купи книгу!»; *Ахәычбаҳча ақнытә ахәычы даага* – «Приведи ребенка из детского сада!»

В синтаксическом побудительном наклонении значение побуждения является признаком несоответствия содержания предложения действительности. Побуждение вызвано стремлением говорящего привести в соответствие содержание предложения с действительностью. Объективно-модальное значение ирреальности здесь проявляется в виде побуждения.

Основными морфологическими средствами выражения синтаксической побудительной модальности является форма повелительного наклонения глагола. В этой функции используются также изъявительное наклонение глагола в первом лице множественного числа, формы сослагательного наклонения и желательного наклонений глагола и конъюнктив.

Форма повелительного наклонения

Уа сыхаара, салам умоуп! Сара иахъа гәақрак сымоуп. Сааит иуасхәарц сеиханы! Уааи са сышка улбааны! (Б.Ш.) – «Приветствуя тебя, мой свет! Сегодня я очень обеспокоен, пришел посоветоваться с тобой, спустись на миг ко мне!»; *Сүхәоуп иахъа, сыйа мәашья,*

исыр҃а нас ашәаҳәашьа! (Б.Ш.) – «Прошу тебя, мой приятель, научи меня петь!»; *Шәнеibaц, шәнеibaц, аңсаа рыңқынцәа!* – «Вперед, вперед, сыны Абхазии!» (Из народной песни).

Форма конъюнктива

Форма конъюнктива может быть использована для выражения объективной модальности.

Значение объективной модальности в ней связано с выражением повеления, которое может быть с некоторым оттенком просьбы увещевания или пожелания. В этом случае конъюнктив используется для выражения побудительной модальности предложения.

Для выражения побудительной модальности используется конъюнктив, образованный от чистой динамической основы глагола посредством суффикса **-ааит**. В качестве субъектного лица выступает третье (реже второе) лицо единственного и множественного числа. Форма конъюнктива в этом случае употребления имеет значение синтаксического будущего времени.

Аңафы ашәкәы ааихәааит! – «Пусть ученик купит!»; *Алиас аизараҳ дцааит!* – «Пусть Алиас на собрание пойдет!»; *Ахаңа ичхара учхараахааит, аңхәыс лыгәағъра угәағъраахааит!* («Н.С.») – «Пусть ты будешь наделен мужским терпением и женской рискованностью!»; *Абри убас лахынцас имазааит:* дгыыл харак ақныңаңызбак длеилаахааит, дәданы дима дшааая, амған амца неицираны дыблаахааит... («Н.С.») – «Пусть будет он наделен такой судьбой: пусть он влюбится в девушку той страны, сосватав ее, когда он отправится с ней домой, пусть он сгорит!»; *Ирхадмырыштааит, ирхәалаахааит ҳабаңә рашәа!* (С.Ч.) – «Пусть не забывают, пусть поют песни наших отцов!»

В редких случаях для выражения побудительного наклонения используется форма конъюнктива с первым субъектным лицом.

... *Саргызы издырааит уара угәақра, узхаттаркыз атәы ҳә...* (Б.Ш.) – «Пусть и я узнаю, скажи, по какому поводу тебя посадили!».

Форма будущего первого времени динамического глагола финитной семантики с первым субъектным лицом мн. (реже ед.) чис-

ла (с инклюзивным значением) может быть использована для выражения синтаксического побудительного наклонения.

Шәаң, иаҳъа атеатр ахъ ҳцап! – «Давайте, пойдем сегодня в театр!»; Ҳнеип ағынқа! – Уаңхъа сцом. Ман, уара умсит, иқалом! (Б.Ш.) – «Зайдем ко мне домой! Прошу пойти!»

Форма желательного наклонения глагола со вторым субъектным лицом может быть использована для выражения смягченного повеления.

В этом случае желательная форма используется для выражения побудительной модальности предложения.

Ҳаи дад, азы сырыжқәганда («Апс. ф. ам.») – «Дети мои, помогли бы мне перейти речку!»; *Уара ағыжара шәаңуп, астол хық нашәтқанда!* («Ағаршыцыларақә реизга») – «Вы пьете вино, выбрали бы тамаду!»; *Абри агазет үсзаңхъанда!* – «Прочитал бы ты мне эту газету!»; *Ағынза унабжысында!* – «Прошелся бы ты до дому!»; *Зық сбыржәйнда!* – «Подала бы ты мне (стакан) воды!»; *Сызғаб айара сызлығанды!* (С.Ч.) – «Смог бы я дать образование своей дочери!»; *Арти сареи акы ҳаиңырнаганды!* (С.Ч.) – «Не видеть бы их нам больше!».

Форма сослагательного наклонения глагола с первым субъектным лицом может быть использована для выражения синтаксического побудительного наклонения.

Бара, абри аколнхара ҳалаларын! – «Вступим-ка мы в колхоз!»; *Ах икнынза сцарын!* («Апс. л.») – «Пойду-ка я до царя!».

В редких случаях для выражения побудительного наклонения используется форма настоящего времени динамического глагола со вторым субъектным лицом.

Абарт әңқәйнцә ағывхә артың ағы шугоит! («Алаш.», 1972, 11, 20) – «Этих ребят ты (м.) быстренько до их места доведешь!»; *Ахыңқә урыңцоит. Уарха ақытта иналарғыланы ухынхәует. Аша-ра ухымзаит амала!*... («Алаш.», 1961, 2, 45) – «Пойдешь ты (м.) с детьми. Доведешь их до села Уарха и вернешься до рассвета!»

Во всех случаях своего выражения синтаксическое побудительное наклонение не имеет вопросительного варианта (в синтаксическом образовании).

Синтаксическое желательное наклонение

Синтаксическое желательное наклонение выражает желание говорящего, чтобы содержание предложения пришло в соответствие с действительностью. Желание это носит пассивный характер, т.е. от говорящего лица не чувствуется активности действия, в противоположность побудительному наклонению. Побудительному наклонению оно противопоставляется именно отсутствием в нем активного волеизъявления. Семантика желательного наклонения ирреальная.

Морфологическим средством его выражения является желательное наклонение глагола.

Сара абри ашәқәи иану здыруандаз! – «Знал бы я, что в этой книге написано»; *Ашәқәи сара исымандаз!* – «Имел бы я ту книгу!»; *Ари ҳзызуз дызустоу здыруандаз!* – «Знал бы я, кто так с нами поступил!»; *Арти ҳареи акы ҳаиңырнагандаз!* (С.Ч.) – «Развело бы нас с ними что-либо!»; *Сызғаб айара сызлығанды!* (С.Ч.) – «Смог бы я дать образование своей дочери!»; *Убри зымшала дтаркыз здыруандаз!* «Знал бы я, из-за кого его посадили!».

Синтаксическое желательное наклонение не имеет вопросительной формы выражения (в синтаксическом образовании).

Синтаксическое сослагательное наклонение

Синтаксическое сослагательное наклонение проявляется, как правило, в сложных синтаксических конструкциях. Это вызвано тем, что морфологическая сослагательная форма глагола, на которой оно основывается, имеет двойную временную ориентацию: на момент речи и на время действия глагола, выражающего условие, при котором могло бы осуществиться содержание сослагательной формы¹.

Синтаксическое сослагательное наклонение показывает, что содержание предложения при известных условиях могло бы осуществиться, но еще не осуществилось. И реальность его значения

¹ Л.П. Чкадуа. Система времен..., стр. 174.

обусловлена ирреальностью тех условий, при наличии которых оно могло бы осуществиться¹.

Леуан сишаырнатыр, апхъарагы афрагы сир҃арын! (Д.Гэ.) – «Если Леуан крестил меня, он бы научил меня писать и читать!»; *Кәастә схәы аагара иатәаишъозар, инапала иааганы исиркын!* (Д.Гэ.) – «Если бы Костя позволял себе усугубить мне, он доставил бы то мне сам!»

При синтаксическом сослагательном наклонении в позиции относительного компонента могут выступить желательная, условная и другие формы глагола инфинитной семантики.

Сызгаб айара сызылтында, ғынтәгы агыргын схасцарын! (Д.Гэ.) – «Если бя я мог дать образование дочери, то я дважды бы принял крещение!»; *Уи дахъцаз Леуан идыррын* (Д.Гэ.) – «Леуан былжен, куда тот ушел».

Синтаксическое сослагательное наклонение может иметь и вопросительную форму выражения.

Афныка дцарызу? – «Пошел бы он (м.) домой?»; *Алыбеи сара иасзааштыризи?* (М.Л.) – «Почему бы мне прислал Алыбеи то?»; *Ашәкәы сымазар сзамыңхъарызи?* – «Если бы я имел книгу, почему бы не прочитал?».

Субъективная модальность

«Субъективный момент в ходе любого познавательного акта выражается в том, что говорящий оценивает достоверность формирующейся у него мысли о действительности» (Панфилов В.З.).

Субъективная модальность в абхазском языке формируется оппозицией форм простой, проблематической, категорической модальности.

Абхазский язык располагает широкими возможностями выражения субъективной модальности. Превалирующими способами ее выражения являются морфологический и аналитический. Основой же аналитического способа выражения является сочетание определенной знаменательной части предиката с специальными

вспомогательными глаголами. Из трех видов достоверности: простая, проблематическая и категорическая, простая не имеет специальных показателей и выражается в формах изъявительного наклонения глагола-сказуемого, сопровождаемого соответствующей интонацией.

Проблематическая достоверность

Проблематическая достоверность обозначает такую связь, при которой факт соответствия содержания предложения действительности с точки зрения говорящего носит возможный, вероятный характер. Для выражения проблематической достоверности широко используется заглавная форма глагола. Образуется она, как известно, присоединением к глагольной (или временной) основе суффиксов **-заап**, **-заарын**. Специфичность этой глагольной формы заключается в своеобразии ее семантики, объединяющей объективно-реальное значение со значением субъективно-проблематическим. Значение субъективной модальности, сочетающейся в этой глагольной форме с объективно-модальным значением, может быть переведено словом **«оказывается»**.

Арт зегзы ахшара ссирқәа рымазаап, сынтаа аблжъаратә школқәа ирылгозаап, айара рїарц рҭахызаап, сара сырбарц рҭахижъете краацуазаап, аха сара агәлымф исзеилымкаазаап... (Ш.Ч.) – «Они все, оказывается, имеют прекрасных детей, все эти дети в этом году, оказывается, кончают школу и хотят учиться дальше, меня давно хотели увидеть, но я глупец об этом, оказывается, совсем и не знал»; *Схәыцра даара инаскъазаап, Са снырхара башытамзаап, Бнапқәа баша итатазаап, Амалазагы быңшазаап, Быңшзара ауафы дажъозаап* (Б.Ш.) – «Мечты мои, оказывается, напрасны, обо мне, оказывается, не думаешь, руки твои, оказывается, напрасно мягки, ни к чему, оказывается, твоя красота, она, оказывается, подводит человека»; *Излархәо ала, дықазаарын Аңсны Абраскыл захъзыз* (Д.Гэ.) – «Как говорят, оказывается, жил в Абхазии Абраскил»; *Амәаф ҭакәажәык ақамчыкны дгылазаарын...* (Абх. с.) – «Оказывается, стояла на дороге какая-то старушка с плетью».

¹ Там же.

Проблематическая достоверность может быть выражена также аналитически. В этом случае к знаменательной части предиката прибавляются вспомогательные глаголы **ақалара** – «сделаться», **акәхара** – «становиться». В качестве знаменательной части при данных вспомогательных глаголах выступает форма условного наклонения с суффиксом –р в будущем I-ом времени. Значение субъективной модальности, выражаемой этим сочетанием, может быть переведено как «вероятно», «возможно», «может быть».

Уи макъана дыңқыноуп, снатағы даазгар қалап (И.П.) – «Он пока молод, возможно, я его возьму в свои руки»; Иқалап иаарласны рбызшәақәа еубакыргы (И.П.) – «Возможно, они скоро поймут друг друга»; Уахъ ҳзымцар қалап (Д.Г.) – «Возможно, мы туда не сможем пойти»; Алиас ағны дыңазар қалап – «Алиас, возможно, дома».

Вспомогательный глагол **акәхара** (от акәзаара), сочетающийся с условной формой **-зар**, выступает также в форме будущего I-го времени:

Ус баша дбыздааузар акәхап (Д.Г.) – «Он тебя, возможно, просто так спрашивает»; Уажәы арахъ адәахы даадәылұузар акәхап (Д.Г.) – «Он, возможно, сейчас сюда во двор выйдет»; Аңәйзба уара дуаҳәшъазар акәхап (И.П.) «Девушка, видимо, доводится тебе сестрой».

Проблематическая достоверность нередко выражается предикатом из призрачной формы глагола и вспомогательной части. Значение проблематической достоверности выражается в знаменательной части предиката, объективно-модальное же значение вспомогательным глаголом.

...Ласа шибаз ажәған еимкъара еиҳагы аеартбааушәа ибеит (А.Г.) – «Ему показалось, что просвет в небе, замеченный, им раньше, еще больше расширился»; Мықә ихы дәфахан ажәған днаңаңшит: үзара иңәйлашаашәа иқан (А.Г.) – «Мыку поднял свою голову и посмотрел на небо: где-то там вроде просветлело»; Санрыхәаңшлоз сәғәи хъаауа, акы гәхъаазгожәа скалон (Ф. Иск.) – «Когда я смотрел на них, мне казалось, вроде бы скучал о чем-то»; «Москвич» хәлықығы схәзашәа зуит (Ш.Ч.) – «Я, вроде бы, купил маленький «Москвич»; Сарғыы сааччаашәа зуит (Ш.Ч.) – «И я вроде бы засмеялся»; Урт тәанайы хар имамшәа дыңан (Д.Д.) – «Пока они сидели, он вроде чувствовал

себя неплохо»; Сара снالыхәаччаашәа қасәеит... (Алаш.) – «Я вроде был засмеялся»; Саида зназы дааигәрьеит атахмада илирхаз ашәа, аха нас деңқәшшыхаа, акы деңқәнахәалазшәа даақалт (И.П.) – «Саида сначала обрадовалась песне старика, но затем притихла, что-то вроде было сковано ее».

Проблематическая модальность нередко передается прибавлением к вспомогательным глаголам, выступающим в сочетании с знаменательной частью в позиции предиката, суффиксов **-заап**, **-заарын**. Суффиксы **-заап**, **-заарын** в данном случае, как и в других случаях, не имеют лексического ограничения.

Сасрықәа уара уакәзаап! (Апс. л.) – «Сасрыква – это ты, оказывается!»; Бара баша бзиа баабозаарын, арахъ бхаңа дқыдцаланы дбызмазаап (Ш.Ч.) – «Ты, оказывается, не заслуживаешь нашей любви, оказывается, изdevаешься над своим мужем»; Уара зынза өадхәйисс сұрхъаозаап! (И.П.) – «Ты, оказывается, считаешь меня глупцом!»; Дара иарбанзаалакғы... акы усс ирымтхъазо иқалазаарын (Апс. л.) – «Оказывается, они не считались ни с чем!»; Апринциәкъагы иара иұзынтықаррағ инагзаны ихы дақәйтны дзықамлозаап (А.Г.) – «Даже сам принц в своем государстве не имеет, оказывается, полной свободы»; Уара, ииашан, ққаина шыахәзаап... (А.Г.) – «Ты и в самом деле, оказывается, хороший парень»; Шәара шәуағқыиаңәкъазаап... (Алаш.) – «Вы в самом деле, оказывается, добрый человек!»; Арт зегзы... аңара рұары рұқызызаап... (Ш.Ч.) – «Они все, оказывается, хотят учиться»; Лхәыцы данылба, аңауара далагазаап – «Когда она увидела своего ребенка, оказывается, начала плакать»; Ҳара аштағы ҳанғылаз, иара ағырышиара дағызызаарын – «Когда мы стояли во дворе, он, оказывается, готовился (собирался)».

Проблематическая достоверность может быть выражена и в сложных, синтаксических конструкциях. Это возможно в предложениях с условной инфинитной конструкцией.

Предикат в данном случае выражен сочетанием условной формы глагола на **-р**, **-зар** с вспомогательным глаголом **акалара** в форме изъявительного или сослагательного наклонения.

Арт иғызыцаа бзиаҳәқәа... аңәы илырхуа иалагар, иакәымк иамхаҳәар қалоит (А.Г.) – «Если эти его дружки начнут подтрунивать над ним, он, возможно, обронит что-нибудь»; Иқаларын ус иаанижь-

заргызы, Шъааб дахынхо ақаблахь уск иманы дықәнамгалазтғызы (Дж.А.) – «Он, возможно, так и оставил бы, если бы не появился по какому-то делу на том месте, где проживает Шааб»; Итқаларын иңсү еивіңыхны еивіңаханы дналаңзаргызы, убри аамтазы аписар даафнамышлазтғызы (Дж.А.) – «Он, возможно, и задохнулся, если бы в этот момент не вошел (в комнату) писарь».

Категорическая достоверность

Категорическая достоверность обозначает такую связь, при которой факт соответствия или несоответствия содержания предложения действительности с точки зрения говорящего носит категорический характер.

Выражается она посредством включения в предикат различных частиц-аффиксов. Наибольшее употребление в этой функции имеют частицы **-тәкъя, ау**.

Аха зынза саб дсылғуазаргызы, уи ұысымқар зүйәкъом (А.Г.) – «Если даже отец откажется от меня, я все равно обязательно вырублю его (дерево)»; Саташәымән, аха уи сара сахәартәңәкъям (А.Г.) – «Извините меня, я с этим действительно не справлюсь!»; Зны-зынла саб дызбаңәкъалоит ңұхызла... (Алаш.) – «Иногда мне действительно снится отец»; Абри аазымхәо аңара имайәкъям (Апс. л.) – «У того, кто это не купит, действительно нет денег»; Уа аматәхә еизганы еуқәйәкъан (А.Г.) – «Там действительно лежал стройматериал»; Илзыңшыңәкъан ағызыңа бзиақәа (А.Г.) – «Ждали ее действительно хорошие друзья»; Басиат дааптыңәкъеит, уағы дизнымылт (А.Г.) – «Басиат действительно взбесился, никто не смог его удержать».

Частица **ау** всегда предшествует основе глагола. Часто для усиления значения достоверности она сопровождается аффиксом повторности **х**.

Ажәфан ахътәи даулбаахыз, Дғылыңдаңғызы дауқахыз, Жәлары зегі шиҳаахуаз, Иқымхәи дызмыштыз (И.К.) – «Не спустился же он с неба, не был же он богом земли, его кровопийцу настигло возмездие»; Амашына шысмоу сұлахь иауаныху! (Алаш.) – «Не написано же у меня на лбу, что я имею машину!»; Аха дауцахуаз атахмада,

– иара арахь дааиаат (ситахызар ҳәа ах изицһаат (Апс. л.) – «Но не пошел туда старик, – Если я нужен царю, так пусть он сам пожалует ко мне, – сообщил старик царю»; Длыштыасын амаңааз аашытыхны данлахәаң, иаулымдырхуаз (Апс. л.) – «Когда она, подняв его, посмотрела на кольцо, узнала его (как было не узнать его)»; Ауха дауцахуаз, ңәғзала дығәжәажәо иршеит (Апс. л.) – «В ту ночь он не сомкнул глаз, дождался в муках утра».

Аффикс **х** иногда встречается в составе предиката самостоятельно с функцией подчеркивания значения достоверности. Глагол-предикат в этом случае выступает в вопросительной форме (но со значением риторического вопроса).

Ааи, дадхеит, знык сара уансұыхъашәа, урт үдсырбаҳуама! (Дз.Д.) – «Раз ты попал ко мне, разве я выдам тебя им!»; Сара уаҳ сназыштыхуадаз... (Дз.Д.) – «Кто бы пустил меня туда!»; Усқан ақытән ахақым дабақахыз (А.Г.) – «В то время в деревне не было врача (где можно было найти врача)».

Значение категоричности может быть выражено редко употребляемым в этой функции суффиксом **-тә (а)**.

Хәиқәаңыртә, ҳашөиқәаңуеи, – иұәйт аколнхара ахантәафы (А.Г.) – «Не отстанем от него, как же отстать от него, – сказал председатель колхоза»; Кеи, ңұшуыт, ататын сахартә!.. (Дз.Д.) – «Нет же, как же мне курить!»; Асқатәи милағ ахъкылсу лхала дрыласқартә... (Ш.Ч.) – «Не пустить же мне ее туда, где собирается множество различных наций».

Значение категорической достоверности может быть выражено предикатом из сочетания условной формы и вспомогательного глагола **акәзаара «быть»**.

Вспомогательный глагол **акәзаара** в форме настоящего времени в этом сочетании нередко сливаются с условной формой и дает будущее категорическое время¹.

Сара ашәкәи аасхәроуп – «Я обязательно куплю (должен купить) книгу»; Шытарнахыс бىдәжәалароуп иара иаҳынаҳауа (М.Л.) – «С этих пор должна обязательно разговаривать при нем»; Амши шыбзиоу ҳалшәыргароуп... (Б.Ш.) – «Пока погода позволяет, мы должны обя-

¹ Л.П. Чқадуа. Система времен... стр. 193.

зательно закончить то»; Ҳан-ҳаңсадгыл ҳаңсаҳароуп, Иҳалымшац ҳалхаршароуп (Б.Ш.) – «Мы обязательно должны быть достойны матери родины, что еще не успели, обязательно должны успеть»; Сара, дад, абра сиит, абра сагъыроуп (И.П.) – «Я, дад, родился здесь, вырос здесь и должен умереть обязательно здесь».

Значение категоричности характерно и для предиката условно-целевой формы и вспомогательного глагола **аказаара**¹.

Дук мыр҆ыкәа ақытә аизара ћар҆арц иќоуп (С.Ч.) – «На днях в селе обязательно должны созвать собрание»; Уайәашытахъ хәйләззы даарц дыќоуп (Д. Гә.) «Послезавтра вечером он обязательно должен приехать».

Простая, проблематическая и категорическая достоверности могут быть выражены и лексически, например, с помощью вводных слов и словосочетаний. Однако на этом способе выражения субъективной модальности мы здесь особо не останавливаемся.

Цабыргуп, ԛытраамҭак аколнхацәа русымҭақәа ашәќәы ианийошәа-егъиуашәа дыќан... (Дз.Д.) – «Правда, некоторое время он вроде бы фиксировал работу колхозников...»; Цабыргны, ауапшы дгыл ԛыт-чытк идкылашәа иман... (Дз.Д.) – «Правда вроде бы обрабатывал некоторую часть общественной земли...»; Ахәыцәа ақыр ихацхраат, аиашазы, ататын арашәареи арыпхреи рәы (Дз. Д.) – «Дети, правда, немного помогли нам в прополке и низке табака»; Ҳәарас иатхазузи, уи аға ақынза дазнагомызт... (Дз. Д.) – «Безусловно, это не хватило ему до нового урожая»; Ииашайәкъаны, уи дахынхозык снеихъеит (Ш. Ч.) – «В самом деле, я был у него дома раз»; Из-дыруада, амфа цөя изымдыруазар? (Ш.Ч.) – «Возможно, он дорогу хорошо не знает?»; Изамфа снағаңышызар, иашайәкъаны, илыбжышқәа иғаланы икон (Ш.Ч.) – «Взглянул я на него: в самом деле слезы текли у него по щекам»; Ездора ианынаидгыла, ирхианы ирымазар ақахарын, апългды неимәрцеит (А.Г.) – «Когда они подошли к Ездоре, видимо, заранее подготовили, подали ему лучший кусок мяса».

Лексически, с помощью модальных глаголов **алшара** – «мочь», **атаххара** – «желать», «намереваться» и др. могут быть выражены такие значения, как **желание, намерение, возможность...**

Шәара ишәылшоит абарт рахцара (Б.Ш.) – «Вы сможете их прогнать»; Иңегъ иласны ихаргылозар ҳалшон ағнқәа (Ш.Ч.) – «Мы могли еще быстрее строить дома»; Излабхәо ала, ачкәын аинститут дтәларц итәхүп (Ш.Ч.) – «По твоим словам, парень хочет в институт поступить»; Иарбан факультету быйзәларц ибтәхүп? «На какой факультет хочешь поступить?».

Категория времени

В формировании и выражении категории предикативности участвуют временные формы глагола с абсолютным времененным значением, с непосредственной временной ориентацией на точку отсчета. Точка отсчета – это грамматический момент речи.

Глагол абхазского языка богат временными формами, представленными в двух вариантах:

- 1) временные формы глагола изъявительного наклонения финитной семантики;
- 2) временные формы глагола изъявительного наклонения инфинитной семантики.

Временные формы в первом варианте выступают с абсолютным времененным значением и участвуют в формировании и выражении категории предикативности, временные же формы во втором варианте выступают с относительным времененным значением и не участвуют в формировании и выражении категории предикативности.

Синтаксический индикатив представлен восьмью временными формами глаголов изъявительного наклонения финитной семантики, из которых: пять – прошедших, одна – настоящая и две формы будущего времени.

Все они характеризуются непосредственной ориентацией на грамматический момент речи и абсолютным времененным значением¹.

¹ См. Л.П. Чкадуа. Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских значениях, стр. 11 и след.

¹ Там же, стр. 196.

Синтаксический индикатив всегда получает свое морфологическое выражение в предикате в формах восьми вышеприведенных временных образований.

Синтаксическое настоящее время в синтаксическом индикативе получает свое морфологическое выражение в форме настоящего времени как статического, так и динамического глагола финитного образования. Форма настоящего времени глагола финитного образования всегда имеет непосредственную ориентацию на грамматический момент речи и выступает с абсолютным времененным значением.

Предикат получает полное свое морфологическое оформление (в лице, времени, наклонении), и в том случае, когда он выражен именной основой.

Например:

Сара с-ыстудент-у-п – «Я студент» (букв. «Я студент есть»); *Алиас д-ышәкәыфф-у-п* – «Алиас писатель» (писатель – есть); *Адгәyr д-ңаф-у-п* – «Адгәyr ученик (ученик есть)»; *Ахра сара д-ысқызы-у-п* – «Ахра мой друг (мой друг – есть)»; *Уареи сареи ҳ-аикәла-цәо-у-п* – «Мы с тобой (я и ты) ровесники (ровесники – есть)».

Этим случаем объясняется отсутствие в абхазском предложении морфологически неоформленного именного предиката.

Синтаксическое настоящее время в зависимости от контекста, ситуации и др. форм употребления может иметь значения настоящего актуального, неактуального, повествовательного, абстрактного (Л.П. Чадуа).

Форма настоящего времени глагола инфинитной семантики ввиду относительности ее временного значения не используется для выражения синтаксического настоящего времени.

Синтаксическое прошедшее время в синтаксическом индикативе получает свое морфологическое выражение в пяти формах прошедшего времени глагола финитного образования, общим, объединяющим значением которых является выражение действия, предшествующего грамматическому моменту речи.

Форма аориста динамического глагола финитной семантики выступает с абсолютным времененным значением с указанием завершенности действия.

Адаыгба цеит – «Ушел поезд»; *Алиас дәркит* – «Алиаса посадили»; *Есма дычмазафхеит* «Эсма заболела»; *Шеит* – «Рассвело»; *Халеит* «Стемнело».

Аорист глагола инфинитной семантики не используется в предикате для обозначения синтаксического прошедшего времени.

Форма прошедшего несовершенного времени динамического глагола финитной семантики выступает с абсолютным времененным значением безотносительно к пределу и результату действия.

Абас шаанза аб иғәаткүаз иғарпын, ғызуан, ағаақ ашәа нақ изәафүаз Абахәгы гәынкүан (Б.Ш.) – «Так до рассвета стонал ачарпын несчастного отца внemля звуку ачарпына стонала и скала»; *Хъмур дзахуан, дсуан* (И.П.) – «Хъмур шила, кроила».

Форма прошедшего неопределенного времени динамических глаголов финитной семантики выступает с абсолютным времененным значением, с указанием одновременно на завершенность действия и на последующее действие.

Указание на последующее действие является спецификой ее семантики в отличие от аориста. В употреблении эта специфика проявляется в том, что отсутствие в предложении последующего действия вызывает значение незавершенности семантики. Поэтому в предложении за предикатом, выраженным глаголом в форме прошедшего неопределенного времени, обязательно следует другой глагол в форме, обычно, аориста.

Җамел ашырхәа дәғагылан ағны дындаылкьеит (И.П.) – «Тамел быстро встал и выбежал из дома»; *Антица ғымтәзакәа дәғагылан... азал д-ныфнысын... дындаылцит* (И.П.) – «Антица молча прошла через зал и вышла из дома».

Форма прошедшего неопределенного времени статических глаголов финитной семантики не имеет такого дополнительного значения указания на последующее действие и самостоятельно выступает в функции предиката.

Абрақа иқан Шъарифа, Селма, Уазамат (Д.Г.). – «Тут были Шарифа, Селма, Уазамат»; *Ашта агәтә игылан тәәйла дук* (С.Ч.) – «В середине поляны стояло большое липовое дерево»; *Камачыч... ағны дыкамызт* (Д.Г.) – «Камачич не было дома».

Форма давнопрошедшего времени глагола финитной семантики выступает с абсолютным времененным значением предшеству-

ющего действия с указанием некоторой длины отрезка до момента речи, т.е. с указанием степени отдаленности от грамматического момента речи.

Адәыңба цахъеит – «Поезд уже ушел»; *Дамеи Мактина длыштыңхъеит* (И.П.) – «Дамей уже перестал ухаживать за Мактиной»; *Ағычра шхәартам уажыгы шузиымкаацт* (Д.Г.) – «Ты еще не понял, что воровать нехорошо».

Форма давнопрошедшего упреждающего времени употребляется с абсолютным времененным значением с дополнительной относительной временной ориентацией. Причем значение дополнительной временной ориентации проявляется не в контексте, а заключено в самой временной форме глагола. Однако дополнительная относительная временная ориентация не мешает этой временной форме выступать самостоятельно в функции предиката.

Пышкың-ипа Манча хаңа иқәрагы крифахъан, ңсра зқәым ахъзирхахъан («Апс.жәл.рп.») – «Пишиач-ипа Манча-герой был уже в летах, и славою он уже гремел»; *Уи апқын аңызыңғажәе жәафық ауаа лыхшахъан* («Н.С.») – «Эта женщина родила уже 99 детей»; *Ишилашыңцара илашыцахъан* (И.П.) – «Было уже темно»; *Амра жәхъан еиңш ифеххъан, Җырыхуа ақыттан азаза баҳъан* (Б.Ш.) – «Солнце висело уже высоко, высохла уже роса в деревне Джирхва».

Синтаксическое будущее время получает свое морфологическое выражение в формах настоящего (в консистуативно обусловленной позиции) и двух формах будущего времени динамических глаголов финитной семантики.

Употребление формы настоящего времени динамического глагола финитной семантики для обозначения будущего синтаксического времени всегда контекстуально обусловлено и является обычным частым явлением в абхазском языке. Оно связано также и с аспектуальными различиями (Л.П. Чкадуа).

Иахъаңәкъа Андриа иңә ахә истоит (Д.Г.) – «Сегодня же я отдаю Андриу стоимость его быка»; *Са суңахымзар сюоит* (Къ. А.) – «Если я тебе не нужен, уйду».

Формы будущего I и будущего II времени глаголов финитной семантики являются абсолютными временными формами с непосредственной ориентацией на грамматический момент речи.

Они противопоставляются лишь по характеру модальной окрашенности (Л.П. Чкадуа).

Аиеи, убри азы ҳашлаңајәап (С.Ч.) – «Да, поговорим по этому поводу»; *Дамеи дақысып уара гәыбән утара, ...аөы ахә шәатәзызар, убрақагызы суцихраап* (И.П.) – «Дамея я заставлю снять с тебя обвинения, если же придется заплатить за коня, и тут я тебе помогу»; *Ақытсовет есқыынгызы ишәызғымхазашт, ишәыгу-ишәыбзу гәанаталашт* (С.Ч.) – «Сельсовет будет вас, поддерживать, раскрывать ваши недостатки»; *Ахы, улеңжәзиш, сылухәапшышт* («Н.С.») – «Сойди-ка с коня, я посмотрю на тебя».

Категория синтаксического времени имеет своеобразное выражение в формах синтаксических ирреальных наклонений.

В синтаксическом побудительном наклонении во всех формах его проявления синтаксическое время, как правило, не имеет морфологического выражения. Временное значение в побудительном наклонении всегда абсолютное. Модальное значение побуждения соотносится с грамматическим моментом речи непосредственно. Оно мыслится как последующее за грамматическим моментом речи. Форма выражения времени – синтаксическая.

Ей, уара ахәычи! Аөы ааги арахъ!.. («Алашара») – «Эй ты, мальчик! Подай сюда коня!»; *Ишәхәо закәызеи, бара, имажәамзар саргызы исашәхә!* (Д.Г.) – «О чем вы там говорите, если не секрет, скажите и мне тоже!»; *Уаха-заңәык уцақәырца, уаха-заңәык уөырба, Улеи, улеи узхара!* (Б.Ш.) – «В эту ночь ты побуянь, в эту ночь ты погарцуй, несись вдоволь, несись!»

Синтаксическое будущее время получает свое морфологическое оформление лишь в том случае, когда побудительное наклонение выражено формой будущего I времени глагола.

Бааи, ҳнеип иара иахъ, ирахтап ҳабжы! (Б.Ш.) – «Давай, пойдем к нему, отдадим свои голоса!»; *Хнеип ағнықа!..* (Б.Ш.) – «Зайдем-ка домой»

Синтаксическое желательное наклонение предполагает такую семантику, которая может осуществляться после момента речи.

Ориентация на момент речи при этом непосредственная и единственная.

Время и в данном случае выражено синтаксически.

Значение будущего времени сохраняется и в тех случаях, когда синтаксическое желательное наклонение выражено формами прошедшего времени глагола желательного наклонения.

Абри ашәкәы сара саңхъахъандаз! – «Эта книга была бы мною уже прочитана!»; *Хаи, зыбжы газ агба сара истәышәа икандаз!* (С.Ч.) – «Пароход, что гудит сейчас, был бы моим!»; *Азқәа хы҆йт, шыңа амш аеааннакыландаз!* (С.Ч.) – «Реки разлились, погода прояснилась бы уже!»; *Сашыцәа шәрымбандаз..!* (С.Ч.) – «Мои братья не заметили бы вас!»

Категория лица

Синтаксическая категория лица, наряду с категориями модальности и времени, выражает отнесенность высказывания к действительности через ситуацию речего общения, создаваемую соотношением его участников, поэтому под синтаксической категорией лица следует понимать соответствие субъекта носителя действия и объекта одному из трех лиц участников-неучастников общения.

<i>Миха сара с-иаазоит</i>	«Миха меня растит»
<i>Миха уара у-иаазоит</i>	«Миха тебя (м.) растит»
<i>Миха бара б-иаазоит</i>	«Миха тебя (ж.) растит»
<i>Миха иара д-иаазоит</i>	«Миха его (м.) растит»
<i>Миха лара д-иаазоит</i>	«Миха ее (ж.) растит»
<i>Миха ҳара ҳ-иаазоит</i>	«Миха нас растит»
<i>Миха шәара шә-иаазоит</i>	«Миха вас растит»
<i>Миха дара (и)-иаазоит</i>	«Миха их растит».

Синтаксическое лицо может быть выражено самыми различными средствами (лексически с помощью личных местоимений, морфологически-личными формами глагола, синтаксически – структурной основой предложения).

В абхазском языке синтаксическое лицо получает свое выражение преимущественно в личных аффиксах, указывающих на лицо не только субъекта, но и объекта (объектов.). Выполняя функцию отсутствующих в абхазском языке падежей, они наряду с лицом, числом и классом (в определенных случаях), указывают

своей строго фиксированной позицией и на субъектно-объектные различия в непереходных и переходных глаголах.

Например: *Аїафцәа ахәычқәа х-р-ацәажәоит* – «Учителя (мы) с детьми разговариваем»; *Ар҆афцәа ахәычқәа шә-р-ацәажәоит-* «Учителя с детьми разговаривает»; *Ар҆афцәа ахәычқәа и-р-ацәажәоит* – «Учителя с детьми разговаривают»; *Ар҆афцәа ахәычқәа шәхәцәажәоит* – «Учителя (вы) с детьми (нами) разговаривает»; *Ар҆афцәа ахәычқәа шә-р-ацәажәоит* – «Учителя с детьми (нами) разговаривает»; *Ар҆афцәа ахәычқәа р-ацәажәоит* – «С учителями дети разговаривают».

Как видно из сопоставления этих предложений, слова артцафцәа – «учителя», ахәычкуа – «дети» в них выступают в функции и субъекта, и объекта, и первого лица, и второго, и третьего, не претерпевая при этом абсолютно формальных изменений. Различия субъектно-объектные личные и числовые (единственное и множественное) выражаются лишь личными аффиксами.

Бывают определенные случаи, когда личный аффикс (субъектный или объектный) опускается в сказуемом, а именные компоненты (субъект и объект) не имеют значения лица.

Например, субъектный: *зегъы-цеит* – «все ушли»; *афы-ҳәуеит* – «конь пасется»; объектный: *ашәарыцаф ажъа* – *ишиит* – «охотник убил зайца»; *аїафы ашәкәы* – *ааихәеит* – «ученик купил книгу».

В таких случаях синтаксическое лицо выражается всей структурной основой, т. е. синтаксической позицией именного компонента в структурной основе. А синтаксическая позиция именного компонента в отношении лица выявляется в оппозиции морфологически невыраженного ряда с морфологически выраженным рядом. Тут надо учитывать то, что функция синтаксического лица выявляется в синтагматическом ряду, т. е. в синтаксических отношениях между соответствующими компонентами синтагмы.

Сравним:

1. Миха ауафы д-иаазеит	«Миха вырастил человека»
2. Миха ала и-аазеит	«Миха вырастил собаку»
1. Миха д-цәажәоит	«Миха разговаривает»
2. Афы (и)-ҳәуеит	«Конь пасется».

Следует отметить, что опускается личный аффикс третьего лица (субъектный и объектный) в позиции непосредственно после относительного компонента (объектного или субъектного) (примеры выше). А в других позициях он не опускается.

Например, в препозиции:

<i>и-ҳәуеит аәы</i>	«пасется конь»,
<i>и-ҳәуеит аәқәа</i>	«пасутся кони»,
<i>и-цәажәоит ахәычқәа</i>	«разговаривают дети».

Сара артцафы с-и-ацәажәоит – «Я с учителем разговариваю».

Опускаются субъектные аффиксы единственного числа второго лица **у, б** при глаголе-сказуемом в положительно-повелительной форме.

Например:

<i>уара ахәычы д-(у)-ааза</i>	«ты (м.) вырасти ребенка»
<i>бара ахәычы д-(б)ааза</i>	«ты (ж.) вырасти ребенка»

Данный случай опущения субъектного аффикса не является позиционным, а увязывается с историей классно-личного спряжения глагола¹.

Бывают случаи, когда субъектный аффикс в именном составном предикате заменяется аффиксом относительного местоимения, не различающего ни лица, ни числа, ни класса.

Аффикс и в данном случае указывает лишь на то, что соотносительный с ним компонент синтагмы имеет функцию субъекта.

<i>Сара акиацәымшәо сибашифуп</i>	«Я бесстрашный боец»
<i>Уара акиацәымшәо еибашифуп</i>	«Ты бесстрашный боец»
<i>Иара акиацәымшәо еибашифуп</i>	«Он (м.) бесстрашный боец»
<i>Ҳара акиацәымшәо еибашиңауп</i>	«Мы бесстрашные бойцы»
<i>Җемыр акиацәымшәо еибашифуп</i>	«Темыр бесстрашный боец» и т. д.

Синтаксическое субъектное лицо не имеет своего морфологического выражения и в том случае, когда структурная основа

предложения полностью лишена синтаксической позиции субъекта. Таких примеров немного в абхазском языке, но встречаются.

Например: *Ишеит* – «рассвело»; *Хытоуп* – «холодно» («холодно есть»); *Зынроуп* – «зима» (зима есть).

Однако, с нашей точки зрения, надо учесть то обстоятельство, что действие или состояние, которое выражено компонентом структурной основы, соотносится синтаксически с третьим лицом. По крайней мере, говорящий и собеседник воспринимают семантику такой структурной основы, как не относящуюся к ним, т. е. ни к первому, ни ко второму лицу, а к какому-то иному, следовательно, третьему. При полном же отсутствии значения лица нельзя было бы понять, к чему относится эта семантика. Здесь можно заметить лишь отсутствие деятеля, процессуального субъекта, или иначе субъекта действия. В аналогичной структурной основе отсутствует отношение между подлежащим и сказуемым. Семантика структурной основы со значением процесса или состояния непосредственно соотносится с действительностью. Схематически это можно изобразить так:

$$P \rightarrow D$$

И в данном случае семантика структурной основы соотносится с действительностью посредством категорий синтаксического наклонения, времени и лица. Разница заключается в том, что категория синтаксического лица здесь соотносит не отношение подлежащего и сказуемого с действительностью, а семантику предиката непосредственно с действительностью.

Существующая многочисленная литература по этому поводу и сами языковые факты не дают более правдоподобного решения этого вопроса.

Безличные предложения, соотносимые с личными типа «лахнет листвой», не встречаются в абхазском языке.

Личные аффиксы обозначают наряду с лицом, число и класс.

В связи с этим следует определить соотношение категории числа и класса с категорией предикативности.

Сразу же следует указать, что категории числа и класса не имеют непосредственного отношения к формированию и выражению категории предикативности.

¹ См. К.В. Ломтадзе. Бессубъектные формы абхазского переходного глагола. ИКЯ, т. II. Тбилиси, 1948, стр. 1 (на грузинском языке, резюме на русском).

Функция синтаксической категории числа заключается в том, что она дифференцирует субъект и объект с точки зрения принадлежности их к одному из двух чисел – единственному или множественному без конкретизации количества.

Аәафы иааихәеит ашәкәы – «Ученик купил книгу»; *Аәафцәа иаархәеит ашәкәә* – «Ученики купили книги».

Категория синтаксического класса проявляется лишь во втором и третьем лице единственного числа. Функция ее заключается в конкретизации субъекта и объекта с точки зрения принадлежности их к одному из двух основных грамматических классов – к классу человека и классу вещей.

Зина лхәычы акриәләеит – «Зина накормила своего ребенка»; *Ацгәы аңа акраңанаңеит* – «Кошка своего котенка накормила».

Как мы уже отметили выше, синтаксическое субъектное (иногда и объектное) лицо в структурной основе предложения может иметь обобщенное или неопределенное значение лица (кстати, здесь можно указать на тот факт, что значение неопределенности и обобщенности лица может проявляться лишь на синтаксическом уровне. Лицо глагола как морфологическая единица не может иметь этих значений).

Обобщенное значение характерно для второго и третьего лица единственного числа. Однако употребление аффиксов второго и третьего лица единственного числа не связано с выражением определенного числа.

Оно является лишь формой выражения значения обобщенности лица:

Уапхъа икаҳауа у-ихымычан (поговорка) – «Перед чужой бедой не смейся (букв. не смейся над тем, кто раньше тебя упал)».

Для выражения значения неопределенности используется показатель третьего лица множественного числа **р//д** или **и**.

Астудентциәа чаихыхра идәықәырәеит – «Студентов послали на сбор чая»; *Афны ртиуеит* – «Дом продается (букв. дом продают)».

И в приведенных случаях не приходится говорить об отсутствии синтаксического лица, следует лишь указать на его специфическое значение.

Здесь ни лицо, ни число, ни класс не являются определенными. Значение, которое выражено личным аффиксом, может одинаково

относиться ко всем лицам, но и только лицам. Следовательно, значение лица вовсе не потеряно, оно только обобщенное или не определенное.

Завершая этот параграф, мы можем сделать некоторые выводы.

1. Категория синтаксического лица, если не путать ее с процессуальным субъектом, иначе с деятелем, или же логическим субъектом, является характерным признаком предикативности в абхазском языке. Она дифференцирует субъект и объект как говорящий адресат и не участвующий в речи¹.

2. Категория синтаксического лица получает свое морфологическое выражение преимущественно в личных аффиксах двух рядов, сочетающих эту функцию с функцией выражения субъектно-объектных отношений. Таким образом; категория синтаксического лица неотделима от субъектно-объектных отношений, устанавливющихся в соответствующих моделях структурной основы предложения в абхазском языке.

3. В немногих случаях синтаксическое лицо может не иметь своего морфологического выражения. В этих случаях оно выражается конструктивно-синтаксически.

Интонация

Интонация, как единица фонетики, не обладает значением, поэтому не может участвовать в формировании и выражении предикативности. Интонацию можно определить как сопутствующий структурную схему предложения элемент, но не конституирующий. Несмотря на универсальный характер использования интонации, роль ее в различных языках не одинакова. Например, как показывают материалы разговорной речи, письменного и литературного языка, роль интонации в предложениях абхазского языка ограничена. Это будет понятно, если учесть, что, во-первых, она почти не используется в вопросительных предложениях для выражения вопроса, поскольку вопрос в них выражается специальными мор-

¹ См.: Ш.К. Аристава. Сказуемое (сказуемое и сказемость). В сб.: «Сборник материалов по абхазскому языку». Тбилиси, 1970, стр. 39.

фологическими средствами, во-вторых, для абхазского языка не характерны так называемые номинативные предложения, в которых интонация объявляется основным, порою, и единственным средством выражения предикации. Роль интонации в основном, сводится к выделению компонентов логической фразы, наряду с другими средствами их выделения. Такие типы предложения, как повествовательные, побудительные, желательные и вопросительные имеют соответствующее интонационное оформление, однако вопросительная фразовая интонация в предложениях, в которых вопрос имеет морфологическое выражение, почти совпадает с повествовательной интонацией.

СТРУКТУРНАЯ ОСНОВА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Основу предложения составляют компоненты, участвующие в обозначении и выражении синтаксического значения предложения – предикативность. К ним относятся подлежащее, сказуемое и лично-относительное дополнение. Структурная основа предложения бывает однокомпонентной, двухкомпонентной, трехкомпонентной и четырехкомпонентной.

Однокомпонентная основа предложения

Для выражения однокомпонентной структурной основы используются абсолютные глаголы в форме третьего субъектного лица единственного числа класса вещей, обозначающие различные метеорологические и физические явления природы, наличие предметов и т.д. Синтаксическую позицию субъектного аффикса в них занимает (как это и положено) показатель третьего лица единственного числа класса вещей, аффикс ряда *Д* и. Однако аффикс этот в данном случае функционально и семантический пустой, в связи с чем он может присутствовать или отсутствовать, не вызывая при этом малейшего изменения в структурной основе.

Например:

и-шеит – «рассвело», но: *шеит*;
и-хәлеит – «стемнело», но: *хәлеит*;
и-хътоуп – «холодно (есть)», но: *хътоуп* и т. д.

Субъект в такой конструкции совершенно не мыслится. Действие или состояние ни семантически, ни грамматически не приписывается, ни процессуальному (реальному), ни грамматическому субъекту. Это явление нельзя увязывать с морфологической безличностью глагола, так как в абхазском языке, как известно, нет

безличных глаголов. Те же глаголы в других случаях употребляются с определенным значением лица. Они могут быть релятивными и даже переходными.

Например: *Ус үағемиҳарала ҳшемилатәаз икъақъаза иаа-харшеит* (Б. Шь. «Ацынцәарах», 83) – «Так в мухах дождались мы рассвета» (букв.: «мы заставили то рассветать»). *Хәлеижытәи акъы Ҵзомеи, изырши? («Апс. л.», II, 266)* – «Стемнело только что, как же так рассвело (кто заставило то рассветать?)»; *И-х-архәлеит, шытә ҳдаықәлаанза!* (Из разговора). – «Стемнело, отправились бы уже (мы заставили то стемнеть)!»; *Атыша Ҵаулан, аха Гәында дышынтарыжызыңәкъа и-аа-лырлашеит* («Н.С.») – «Пропасть была темная, но как только туда бросили Гунду, в пропасти стало светло».

– Вышеназванные глаголы могут изменяться по лицам и морфологически и синтаксически, и в абсолютной форме с иной (переносной) лишь семантикой.

Например, *с-шеит, у-шеит, б-шеит, ҳазшеит...*

Иахъа у-шеит (ушаны үкоуп) – «Сегодня ты (м.) в хорошем настроении (т. е. расцвел)»; *И-лашьцеит уан рыңца лдунеи* (Из народной песни). – «Закатилось солнце твоей матери (букв.: стемнел мир твоей матери)»!

Бессубъектное употребление глаголов в вышеприведенной функции, видимо, связано с своеобразием логической структуры мыслей, выражаемых этими синтаксическими конструкциями.

В связи с этим представляет интерес тот факт, что аналогичные мысли передаются бессубъектными конструкциями и в тех языках, в которых они (эти мысли) выражаются двусоставными (субъектно-предикатной) конструкциями.

Например, анализируя аналогичные конструкции в немецком языке В. Г. Адмони пишет: «Если в бытийных предложениях конкретный предмет или явление определяется самой общей формой бытия, то в безличных предложениях положение обратное: конкретным характером обладает здесь форма бытия, а обобщенно неопределенный характер свойственен «производителю» этой формы бытия, который чаще всего выражается здесь в форме безличного номинативного es»¹ (Es regnet).

¹ В.Г. Адмони. Введение в синтаксис немецкого языка. М., 1955, стр. 192.

То же самое мы имеем и в английском языке, в котором «безличные предложения отличаются от русских безличных предложений тем, что в них безличность выражена не отсутствием подлежащего, а в семантической опустошенности подлежащего или в его безличности»¹. (It is dark и «Темно»; It is getting dark и «Темнеет»).

Однако, как нам кажется, полное отсутствие синтаксической позиции субъекта не означает абсолютного отсутствия синтаксического лица.

Дело в том, что семантика анализируемых конструкций мыслится как принадлежащая третьему синтаксическому лицу.

Как мы видели выше, при подстановке других лиц значение лица восстанавливается (с-шуеит, у-шуеит) с одновременным перемещением семантики. Личное употребление этих глаголов вполне может коррелировать с безличной формой их употребления. Однако значение третьего синтаксического лица вовсе не совпадает со значением субъектного лица; здесь субъект и действие как бы слиты, видимо, недифференцированы.

В синтаксисе абхазского языка однокомпонентные конструкции не занимают значительного места. Нам удалось собрать (из всех сфер употребления) лишь около сорока примеров этой конструкции. Однако обойти их нельзя потому что, во-первых, у них специфическая структура, во-вторых, они повторяются часто в тексте (при описании явлений природы и т. д.), в-третьих, они пополняются за счет инноваций. Инновации эти характерны для абжуйского диалекта и литературного языка, в меньшей мере встречаются в бзыбском диалекте. Они основываются на абсолютных глаголах, которые, принимая суффикс превратительности -тә, теряют парадигму субъектного лица. Аффикс -тә придаст глаголу значение долженствования.

Например, сравним:

с-цоит – «я иду»,

у-цоит – «ты (м.) идешь»

б-цоит – «ты (ж.) идешь»

¹ А.И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 157–158.

д-цоит – «он (она) (ч.) идет»
и-ца-тә-уп – «надо пойти»
и-цоит – «оно (в.) идет»
х-цоит – «мы идем»
шә-цоит – «вы идете»,
и-цоит – «они идут».

Аффикс **и**, занимающий позицию субъекта, функционально пустой, он может одинаково отсутствовать или присутствовать. Например: **и-цатәуп, -цатәуп**.

Лассы афны́ка игъежътәуп, дысзыңшуп уа сыхаара, акыр҆цаара ицатәуп, аха еигъуп афны аңхара («Алаш.») – «Надо скоро вернуться домой, там ждет меня милая, надо мне и погостить, но лучше тепло родного очага».

Этот случай не следует путать с другим случаем, когда суффикс **-тә**, прибавляясь к основе переходного глагола, дает непереходный личный глагол. Например:

и-аа-с-хәеит – «я купил то», *и-аахәа-тә-уп* – «надо купить то»; *ис-т҆иуеит* – «я продаю то», *и-т҆и-тә-уп* – «надо продать то»; *и-с-фоит* – «я ем то», *и-фа-тә-уп* – «надо есть то».

Превратительный суффикс прибавляется и к релятивному непереходному глаголу, при котором глагол теряет парадигму субъектного лица. Однако в данном случае сохраняется парадигма объектного лица, и глагол образует не однокомпонентную, а двухкомпонентную структурную основу (об этом подробно см. ниже).

Предикат в однокомпонентной структурной основе может быть выражен глаголом, глагольно-именным и фразеологическими сочетаниями, в которые входит обязательно глагол в безличном употреблении.

Однокомпонентная структурная основа предложения встречается:

1. При описании физических и метеорологических явлений природы:

Ахәылбыъехархь инеихъан (С.Ч.) – «Тянулось к вечеру (вечерело)»; *Хәлеит абар инеихашә* (Б.Ш.) – «Стемнело»; *Адырфаены акәын, хәылбыъехан* (И.П.) – «Это было на второй день, был вечер»; *Иаатынчраеит* («Алашара») – «Стало тихо, стихло»; *Хәылпазын*

(Къ. А.) – «Был вечер»; *Ишеит* (С. Ч.) – «Рассвело»; *Еилахәлахъан* (И. П.) – «Уже было темно».

2. При описании наличия предметов и явлений:

Баҳчароуп (С.Ч.) – «Сад есть»; *Аресторан афы гәыргъаран, фыжәран, крыфаран* (И.П.) – «В ресторане было радостно (дарила). Пили (питье было), ели (еда была)»; *Иахъа гәыргъароуп Алиас ифны* (Д.Г.ә) – «Сегодня радость (есть) в доме Алиаса»; *Тынчрахеит...* (Б.Ш.) – «Стало тихо»; *Мәышан* (А.Г.) – «Воскресенье было»; *Хақаитроуп, гәыргъароуп СССР иқәынхо ажәлар рзы* (И. К.) – «Свобода, радость (есть) для народов СССР».

3. Со значением долженствования.

Аусхәартта ақынза ицатәуп (И.П.) – «До сельсовета надо сходить»; *Афны́ка игъежътәуп* (из разговора) – «Надо вернуться домой».

В связи с однокомпонентной структурной основой предложения нельзя не упомянуть о так называемых номинативных (именных) конструкциях.

Специальное изучение этого вопроса показало, что для абхазского языка в целом не характерны номинативные конструкции. Они не встречаются в разговорном языке и языке фольклора. Некоторое употребление они имеют в литературном языке.

Встречаются при описании природы, в ремарках к пьесам. Однако чувствуется их искусственность, и они не имеют пока значительного распространения. Нехарактерность, искусственность именных структурных основ для абхазского языка объясняется тем, что любая именная основа в позиции предиката обычно получает предикатное грамматическое оформление.

Сравним: *аңафы* – «ученик», *но: д-҆афуп* – «он (ч.) ученик есть»; *ар҆афы* – «учитель», *но: д-҆ыр҆афуп* – «он (ч.) учитель есть» и т. д.

В литературном языке они встречаются под влиянием русского языка.

Москва. Кремль. Абъяр палата. Лакәны шумаҳацзар аиԥш збаҳада! (Вл. Ан.) – «Москва. Кремль. Оружейная палата. В сказке только увидеть такое!»; *Москва. Уафы игәи т҆зырзызаауа ажә аҳауа иалоуп* (С.Ч.) – «Москва. Душераздирающее слово в воздухе».

Аңхын. Ашылжь. Арбағ ғыртұан (Б.Ш.) – «Лето. Утро. Петухи пели»; *Азынра. Бзиа илбон Шъасиа азынра* (А. Г.) «Зима. Любила Шъасиа зиму».

В русском и других языках, где они (номинативные предложения) имеют распространение, номинативные конструкции рассматриваются обычно как самостоятельные предложения, в которых значения лица, времени, модальности выражены синтаксически. Иногда выражение значения предикативности приписывается интонации.

Сравним: положение А. М. Пешковского «Слово море... не принадлежит к числу предикативных. Поэтому оно нуждается в особой, предикативной интонации..., которая и помогает ему выразить отдельную мысль»¹.

В абхазском языке номинативным конструкциям нельзя приписывать статус самостоятельной структурной основы потому, что, во-первых, они всегда конститутивно обусловлены; во-вторых, в конститутивно обусловленной позиции они заменяются однокомпонентной структурной основой глагольно-предикативного строя.

Сравним: *Азын* – «Зима», но: *Зынроуп* – «Зима есть», *Аңхын* – «Лето», но: *Пхынроуп* (*пхынуп*) – «Лето есть»; *Аңхын. Ашыкъ...* (Б.Ш.) – «Лето. Утро», но: *Пхынуп. Шыкъуп* – «Лето есть. Утро есть».

Нельзя не учитывать и тот факт, что для абхазского языка они вообще не характерны.

Номинативные конструкции в абхазском языке можно квалифицировать лишь как эквиваленты предложений, которые в конститутивно обусловленной позиции могут быть использованы для выражения мысли. Да и в других языках их конститутивная не обусловленность вряд ли является абсолютной. Это видно, хотя бы, из того, что они при исследовании приводятся обычно в контекстуальном окружении.

Например:

Она! Вся кровь во мне остановилась (А. Пушкин, Борис Годунов)...

Славная осень! Здоровый, яркий, воздух усталые силы бодрит (Н.Некрасов, Железная дорога)².

¹ А.М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 173.

² См.: В.В. Бабайцева. Односоставные предложения в современном русском языке. М., 1968, стр. 116.

Двухкомпонентная структурная основа предложения

Проведем эксперимент над следующими двумя предложениями:

1. *Миха иахъа поездла Ақәақа дцеит* – «Миха сегодня поездом в Сухуми поехал».

Заур ҳара ҳархәтәхъ днанагеит – «Заур попал в нашу часть (Заур привело в нашу часть)»;

Миха ... поездла Ақәақа дцеит; Миха... Ақәақа дцеит; Миха...дцеит; Заур ҳархәтәхъ днанагеит; Заур... днанагеит.

В результате последовательного и полного удаления компонентов в первом предложении мы получили структурную основу из двух компонентов – из субъекта и предиката. Экспериментирование второго предложения дало тоже двухкомпонентную структурную основу, но не из субъекта и предиката, а из объекта предиката.

В соответствии с этим двухкомпонентная структурная основа предложения представлена в абхазском языке в двух типах:

- субъектно-предикатная двухкомпонентная структурная основа;
- объектно-предикатная двухкомпонентная структурная основа.

Субъектно-предикатная двухкомпонентная структурная основа предложения

Субъектно-предикатная двухкомпонентная структурная основа дает, в свою очередь, два варианта, порождаемые своеобразием строя предиката.

Первый вариант представляет структурная основа из субъекта и предиката, выраженного абсолютным глаголом с субъектными аффиксами из ряда **Д**, занимающими первую позицию. Второй вариант представляет структурная основа из субъекта и предиката, выраженного релятивным двухличным глаголом с субъектными аффиксами из ряда **Л**, занимающими вторую позицию при нулевой позиции объекта.

Рассмотрим первый вариант.

В первом варианте предикат выражен всегда абсолютным глаголом, в котором синтаксическая позиция субъекта фиксируется субъектными аффиксами ряда **Д**, занимающими первое место.

Айыс шәхәоит – «Птичка поет»; *Ахәычы д-Җәыеүит* – «Ребенок плачет»; *Бара б-ыңшоуп* – «Ты (ж.) красивая»; *Уара у-кәашоит* – «Ты (м.) танцуешь»; *Анаңәқә жжаза и-иңалон хланы* (И.К.) – «Звезды огненно-яркие низвергались в бездну»; *Ашыхарахь и-иңеуан аптақә ббаза* (И.К) – «Мчались (шли) к горам облака»; *Д-неиуеит аңәйзба ақыта мәхәастала* (Б. Ш.) – «Идет девушка по деревенской тропе».

Во втором варианте предикат выражен релятивным двухличным глаголом, в котором синтаксическая позиция субъекта фиксируется субъектными аффиксами из ряда **Л**, занимающими второе место. Объектный аффикс, занимающий первое место, в предикате функционально пустой. Вариант этот имеет ограниченную сферу распространения. Он ограничен кругом глаголов, обозначающих в основном различные физические и метеорологические явления природы. В непереходном абсолютном варианте они дают однокомпонентную структурную основу (см. выше), при переходном (формально-грамматическом) релятивном же варианте дают описываемую двухкомпонентную структурную основу.

Уара алашара ырцәаны и-у-рлашьцеит – «Выключив свет, ты (м.) сделал темно»; *Хара ус уаңеимшара җшелатәаз и-къақыза* и-аа-х-аршеит (Б. Ш.) – «Мы до утра коротали ночь (сидя до утра мы заставили рассветать)»; *Сара ашә аартны ауадағы и-с-ырхытәйт* – «Открыв дверь, я в комнате сделал холодно (букв. перевод)».

Сюда же относятся конструкции типа: *Сара ус (и)-с-ҳәап* – «Я так скажу»; *Сара ус (и)-з-уп* – «Я так поступлю (сделаю)», в которых синтаксическая позиция объекта отсутствует полностью.

Элемент **ус** «так» в аналогичных конструкциях выступает в функции частицы и примыкает к предикату.

Объектно-предикатная двухкомпонентная структурная основа предложения

В объектно-предикатной двухкомпонентной структурной основе синтаксическая позиция субъекта полностью отсутствует, структурная основа организуется из объекта и предиката. Личный аффикс, занимающий в предикате позицию субъектного префикса, функционально пустой, однако он не выпадает, если сказуемое выражено переходным глаголом. Например: *Сара уаҳъ с-а-гейт* «Меня туда перевело (повело)».

Если же сказуемое выражено релятивным непереходным глаголом, префикс, занимающий позицию субъектного аффикса, может выпасть, однако в текстах, как правило, он сохраняется.

Иара абрақа ақытәнхамға, арахәаазара... ухәа реиңш икоу аздаарақә ақыр и-рыхәапштауп, и-азаатғылаттауп ахәаҳхәттара атагылазаашья («Алашара», 1975, 2 стр. 86).

Бывают редкие случаи, когда в объектно-предикатной двухкомпонентной структурной основе предложения синтаксические позиции косвенного объекта и субъекта полностью отсутствуют.

Сара уаҳъ с-а-х-нагеит – «Меня туда понесло»; *Иара Җақа д-а-Җ-на-гейт* – «Его под низом потянуло»; *Ишаркко ианалага амишәгъя (и)-а-х-на-гейт* («Н.С.») – «К утру погода прояснилась».

Объектно-предикатная двухкомпонентная структурная основа предложения не имеет большого распространения, однако, наличие ее в языке является очевидным фактом.

(Хара) ...ҳаңсадғылы бзиахә кажыны ұланат ҳашаштыаз ұхаңым х-а а-на-гейт (М. Л., 1, 158) – «Покинув свою прекрасную родину, искали мы рай, а попали (привело нас) в ад»; *Гәыбғанс иутқозеи, де-иляхоуп, д-ах-на-гейт Ақыргызы* («Алашара», 1970, 3, 8); – «Нельзя его обвинять, некогда ему, Аджыра куда-то повело (понесло)»; *...Ианакәзамыз д-ышытәннакит (иара)* – «Не вовремя уложило его (заболел он)».

Үңқәйнамқә аиаңу-х-на-мыршаеи (уара), -ләгеит Шыашкәагзы арахъ дааҳәны (Ал. Г.) – «Ты тоже далек от молодости, не вчера ты родился, – сказала Шашкуа, повернувшись (сюда)»; *Ақә амуижытәи азы ақыр и-а-гхеит* (А.Г.) – «С тех пор как нет дождя речка намного

убавилась»; Игәгзы өеимызт, днасқаңыңхаза еиңа-еиңа д-а-к-уан (иара) (А.Г.) – «Он был болен, все больше и больше захватывало его»; Абри ашытых кыр шықса ңхан еиңи зны сеитананагеит (сара) сахыбыңаз атыңан («Аңсны Қапшь, 1975, март 15) – «Прошло много времени после этого, я вновь попал (привело меня) в то же место, где был»; Ҳыттан ари ағның ңхәйскывы дыңсны дыкған, рыңха, убри диңәуарц акәзаарын иғәи итәз, аха арахь д-а а-на-гейт (иара) (Аңсны Қапшь, 1975, март 15) – «В нашем селе в этот день умерла одна женщина, царство ей небесное, он собирался, видимо, ее оплакивать, но его сюда повело»; Ахәйчәа ирыңхраатәуп – «Детям надо помочь».

Трехкомпонентная структурная основа предложения

В трехкомпонентной структурной основе предложения предикативное ядро предложения составляют три компонента, полное удаление каждого из которых вызывает разрушение структурной основы. Это положение наглядно можно продемонстрировать на следующем примере:

- 1) Сара иацы ашәкәтпиртағы иаасхәеит ашәкәы ғың – «Вчера я в книжном магазине купил новую книгу (книгу новую)»;
- 2) Сара ... ашәкәтпиртағы иаасхәеит ашәкәы ғың;
- 3) Сара... иаасхәеит ашәкәы ғың;
- 4) Сара... иаасхәеит ашәкәы ...;
- 5) Сара... аасхәеит... ;
- 6) ... и-аа-схәеит ашәкәы ...;
- 7) аасхәеит...;
- 8) Сара ашәкәы.

Как видно из эксперимента, полное удаление из предложения объекта (в пятом варианте), субъект (в шестом варианте), субъекта и объекта (в седьмом варианте) и сказуемого (в восьмом варианте) вызвало разрушение предикативной основы предложения соответственно в пятом, шестом, седьмом и восьмом вариантах.

Трехкомпонентная структурная основа представлена в двух вариантах. Первый вариант представляет трехкомпонентная основа, состоящая из субъекта, объекта и предиката. Второй вариант пред-

ставляет структурная основа, состоящая из ближайшего объекта, косвенного объекта и предиката при нулевой позиции субъекта.

Субъектно-объектно-предикатная трехкомпонентная структурная основа предложения

Субъектно-объектно-предикатная трехкомпонентная структурная основа предложения является одним из наиболее распространенных типов структурных основ.

Сара ашәкәы аасхәеит – «Я купил книгу»; Җемыр Адшың д-л-а ңәажәоит – «Темыр с Адшой разговаривает»; Аңағы арғағы д-и зызырғаеит – «Ученик слушает учителя».

Д-и-моугәшьеит иара ахшара (Б.Ш.) – «Не имел он детей»; Дамеи Мактина д-л-ыштыңхьеит (И.П.) – «Дамей уже перестал ухаживать за Мактиной»; Ҳәйк ахәйчәа амца иаҳахатәаз иара (и)-и-хәаңшуан (И.П.) – «Тroe детей, сидя у очага, смотрели на него»; Ах имаҳәңәа ағыңың ағанхы (и) аа-р-гейт («Аңс. л.») – «Два зятя царя принесли оленье молоко»; Атажмада ғыңың ағыңхәсақәа (и)-и-дтәалан («Аңс.л.») «Две домохозяйки сидели вместе со стариком»; Ҳаңырат әңүрәлә (и)-и-рхәмаргеит ағы (Б.Ш.) – «Хаджарат скачет (гарцует) на коне (заставляет коня торцевать)»; Аңабырг аңсы д-а-рғылоит (пословица) – «Правда воскресит мертвца»; Ерцахә шла ахра ирхагылоуп урт ҹапшыауда (Б.Ш.) – «Седой Ерцаху сторожит их, стоя у их изголовья»; Абнатә рбағы ағнатә арбағы дәйлнацион (поговорка) – «Дикий петух выгонял домашнего петуха из дома»; Анади амаҳмыз а-тахуп (пословица) – «Ленивой лошади нужны шпоры»; Шәа-ра и-шә-ылшоит абарәт рахцара (Б.Ш.) – «Вы сможете их прогнать»; Асас асас диңәымғын ағыңыагы аңшама и-цәым-ғын (поговорка) – «Гость гостя ненавидел, обоих хозяин ненавидел».

Редко встречается структурная основа предложения, состоящая из ближайшего объекта, косвенного и предиката при нулевой позиции субъекта. Синтаксическая позиция субъекта в таком типе структурной основы полностью отсутствует. Аффикс, занимающий позицию субъектного показателя, функционально пустой.

Ацҳа иавсыз ацҳа д-а-҃-нагеит (Поговорка) – «Кто миновал мост, того понесло под мост»; *Ачымазаф, апс-пхзы (и)-икә(натәоит)* «Больной потел (больного обливало холодным потом)».

Четырехкомпонентная структурная основа предложения

Четырехкомпонентная структурная основа не содержит незнакомый нам новый компонент. Она основана на трехкомпонентной структурной основе с повторением объектного компонента, т. е. состоит из субъекта, предиката и двух объектов (ближайшего и косвенного, или двух косвенных).

Сара уара и-у-стоит ашәкәы – «Я тебе (м.) дам книгу»; *Сара атәразы и-л-сырзахуеит айқы* – «Я заставлю портного (ж.) сшить платье»; *Аблах ахыхъ (уара) (и)-у-х-а-на-р-штуеит* (Поговорка) «Боль глаза заставляет тебя забыть про головную боль»; *Сара ахәычы и-л-заа-с-хәеит ахәмарга* – «Я для ребенка купил игрушку».

Глагол в абхазском языке морфологически вмещает до четырех личных аффиксов (например, *д-у-з-л-а-с-ырцәажәоит* – «Я заставлю его поговорить с ней для тебя»), однако в текстах и разговорной речи нам не удалось зафиксировать предикат с соответствующими субъектно-объектными аффиксами. Структурная основа предложения с предикатом такой структуры была бы пятикомпонентной, состоящей из одного субъекта, трех объектов и предиката.

В текстах не очень часто встречается и четырехкомпонентная структурная основа предложения.

Существуют в языке такие типы структурных основ предложений, для которых частичное отсутствие субъекта является характерным. Таковыми являются структурные основы обобщенно-личных и неопределенno-личных предложений.

Синтаксическая позиция субъекта в предикате структурной основы обобщено-личных предложений фиксируется субъектным аффиксом второго лица единственного числа класса мужчин **у**, выступающим с обобщенным значением лица.

Уапхъа икаҳауа у-ихымычан (Поговорка) – «Над чужой бедой не смейся». Формант **у** в таком случае нельзя увязывать с определенным лицом, числом и классом. Он имеет значение любого лица,

числа и класса, в чем и заключается обобщенность его значения. Это видно, частично, хотя бы из того, что в обобщенно-личных предложениях он (формант **у**) заменяет субъектный показатель того же второго лица единственного числа класса женщин **б**. (В других случаях такая замена исключается).

Например: В тексте повествование идет от лица невесты, которую впервые вводят в дом будущего супруга:

...Уаргъа шьапы нхы-у-гоит ашәхым... *Нас – уарма. Еизаашәо изахны иушәу айқы қәашза у-ныфналоит уи афны ...Егырт ифналогы иршәу қәашқәоушәа у-боит. ...Ус ухы уфаханы, иуғаршәу укасы ҭағаза уалԥшны у-нарылаԥшыхуеит* (А.Г.) – «Правой ногой переступаешь порог... Затем – левой. В нарядном белом новом платье войдешь в этот дом. Тебе кажется, что и все остальные одеты в белое... Так, подняв голову, сквозь тонкую косынку посмотришь на людей...».

Структурная основа предложения с обобщено-личным синтаксическим субъектным вторым лицом и частичным отсутствием субъекта не представляет собой особый бессубъектный тип структурной основы предложения.

Ее нельзя отнести к типу бессубъектной структурной основы по следующим признакам.

Во-первых, в ней мы имеем не полное отсутствие субъекта, а частичное, т. е. синтаксическая позиция в предикате фиксируется субъектным аффиксом. Бывают случаи отсутствия и субъектного аффикса в предикате, но это продиктовано не структурой обобщено-личного предложения, а формой повелительного наклонения переходного глагола, в которой субъектный аффикс второго лица единственного числа вообще выпадает. Например: *и-у-фоит -иф! И-у-гоит -ига! Иаа-б-хәоит -иаахә!*

Кроме того, надо учитывать и тот факт, что отсутствие морфологического показателя субъектного лица не равняется отсутствию синтаксического субъектного лица. Синтаксическое лицо в таких случаях выражается всей структурной основой в оппозиции со всеми другими личными формами (первого и третьего лица единственного числа, всех лиц во множественном числе.) И, наконец, – наличием и морфологического показателя в той же повелитель-

ной форме непереходных глаголов. Сравним: *ига! но: у-аңхъя!* *Илааха! но: у-иацәажәа!* и т. д.

Нхафәас кыру, аамстәаңс крыф! (Поговорка) – «Работай по-крестьянски, ешь по-княжески»; *Азәы изы иңаңа, ухазы иңа* (Поговорка) – «Делай для другого, учись для себя»; *Уфатә ағыма убаңәкъары* *утаңызар, умаашын, аеага кы, аиха қы...* *аzlагарахъ ухала уца* («Алашара», 1970, 3, 5) – «Если хочешь по-настоящему прочувствовать вкус своей еды, то не ленись, возьми мотыгу, возьми топор... и на мельницу сам сходи!».

Во-вторых, обобщенно-личные предложения не исключают наличия варианта и с субъектом.

Уара арахъ у-аҳоит, иара наң даҳоит (Поговорка) – «Ты сюда тянемшь, а он туда тянет».

Более того, наличие субъекта в обобщенно-личных предложениях с третьим субъектным лицом единственного числа является обязательным.

Ар ирнымиац даңаңа ғәғәоуп (Поговорка) – «Кто не встречался с войском, тот герой»; *Азырыши иаңәшәаз амца дақәңалт* (Поговорка) – «Тот, кто испугался горячей воды, прыгнул в огонь»; *Аца иаблыз ахышәашәагы даңаңон* (Поговорка) – «Тот, кто обжегся о горячее, дул на холодное»; *Аңайуашъа ззымдыруаз ихы ңиңеит* (Поговорка) – «Тот, кто не умел оплакивать покойника, разбил себе голову»; *Ауағы иңсы ахынзатоу зегзы д-реигәңүазароуп* (Д. Г.) – «Человек пока живет, должен надеяться на все».

Синтаксическая позиция субъекта фиксируется в предикате субъектным аффиксом третьего лица множественного числа и или *р* (*д*) в неопределенno-личных предложениях.

Ауапақаңара ззымдыруаз азы даадыргон (Поговорка) – «Посыпали по воду, ту, которая не умела делать бурку»; *Толбашъ ҳәа Төркән дәкарәеит* (Д. Г.) – «Тамадой назначили Торкан».

Архынақәа ржыы аңынгыи и-р-фоит (А. Г.) – «Серых дроздов и летом едят»; *Сара аманура сахылану азахырта аремонт азықаңара и-аңуп* (И. П., V, 13) – «Ателье, в котором я работаю, ремонтируют»; *Апункт ағы аусура и-алагахъан* (И. П., II, 185) – «На пункте уже приступили к работе»; ... *Араион ақнытә ателефон и-асит* (И. П., II, 126) – «Из района позвонили»; *Сара арра и-сыңхъеит...* (И. П., II, 226) – «Меня призвали в армию».

Как наглядно видно из примеров, и структурную основу определенно-личных предложений нельзя отнести к типу бессубъектных структурных основ.

Этому препятствует и тот факт, что предложение с неопределенno-личной (субъектной) семантикой встречается и с субъектом.

В таких случаях субъект выражен обычно неопределенным местоимением.

Азәы өыла диасны дцион (И. П.) – «Кто-то проезжал верхом на коне»; *Азәы иуаңаңәа ашыхака ирәшүан* (Поговорка) – «Кто-то помогавших ему отвлекал от дела, заставляя смотреть на горы»; *Шыукурымашынаңәа ирықәтәданы иныңәоит* (Б. Ш.) – «Некоторые на своих машинах разъезжают».

Сюда же можно отнести и предложения, в которых субъект выражен в форме неопределенности.

Кармаңыск шәаңәон абжы ҳаракны (Б. Ш.) – «Пел какой-то соловей»; *Нхағык дыңан* («Апс. л.») – «Жил-был какой-то крестьянин». Здесь можно говорить лишь о частном отсутствии субъекта.

Таким образом, обобщено-личные и неопределенno-личные предложения основаны на той же субъектно-предикатной структурной основе предложения с той лишь разницей, что в них наличие субъекта не является обязательным.

Структурная основа описываемых предложений может быть двух-, трех- и четырехкомпонентной в соответствии с количеством объектных компонентов. А субъектный (частично) и предикатный компоненты в структурной основе всегда наличны. Поэтому структурную основу такого состава нельзя отнести к однокомпонентной.

Как мы уже указывали выше, организующим центром всей структурной основы предложения является предикат. В предикате фиксируются синтаксические позиции субъекта и объекта (объектов) посредством субъектно-объектных аффиксов, указывающих на синтаксическое лицо, число и класс (в определенных случаях) субъекта и объекта (объектов). При отсутствии в структурной основе предложения субъекта или объекта синтаксические функции отсутствующих компонентов могут выполнять частично субъектно-

объектные аффиксы. Поэтому в тексте и в устной речи структурная основа предложения большей частью встречается не в полном своем составе. Может отсутствовать субъект, может отсутствовать и объект (объекты). Это происходит, безусловно, не без некоторой поддержки контекста. Однако предикат вместе со своими субъектно-объектными аффиксами может в миниатюре воспроизвести всю структурную основу предложения. Основная причина этого, конечно, частичное отсутствие субъектно-объектных компонентов. При полном же отсутствии хотя бы одного компонента, как указывали выше, структурная основа разрушается.

Это положение не касается, естественно, однокомпонентной структурной основы предложения, в которой отсутствие единственного компонента равняется ее разрушению.

В структурной основе (двух-, трех- и четырехкомпонентной) предложения часто отсутствует субъект при сохранении в предикате фиксирующего его функцию субъектного аффикса.

Пыткын д-шәон ақәаңара дыңаланы дахьцоз (И.П.) – «Немного и боялась (она-женщина), проходя через лес»; *Есма лхъаа иахәартахашаз егъ-рзығамызт, егъы-рзығамызт* (Д.Г.) – «Не могли (они) придумать ничего, что могло бы облегчить страдания больной Эсмы»; *Цоуп, сыңымақә урыңын, аха убри ақарагы унықаңызгахъеит* (С.Ч.) – «Правда, ты пас моих коз, но тебя (я) столько же и кормил»; *Ағычра шхәартам уажыгын и-у-зелимкаацт* (Д. Г.) – «(Ты) до сих пор не понял, что воровать нехорошо»; *Уара уиаанзагъ угара қа-х-Җахъан* («Н.С.») «До твоего рождения (мы) сделали твою люльку».

Опущение субъектного или объектного компонента в структурной основе предложения представляет собой эллиптическое явление. Однако здесь можно говорить, лишь о частичном, неполном эллипсисе, поскольку во всех случаях опущения компонента в предикате остается формант, фиксирующий синтаксическую позицию отсутствующего компонента.

Как мы отмечали выше, есть определенные случаи, когда при наличии субъекта или объекта в структурной основе предложения его фиксатор в предикате отсутствует. Например: *Ала -тәоуп* – «Собака лежит»; *Сара ашәкәы -аасхәеит* – «Я купил книгу».

Однако при опущении субъекта или объекта его фиксатор в предикате обязательно восстанавливается. Сравним: *Агәарп ағы ала -тәоуп* – «Во дворе собака лежит»; *Сара ашәкәы и-аасхәеит* – «Я купил книгу»; но: *Агәарп ағы и-тәоуп* – «Во дворе лежит (сидит) то»; *Сара и-аасхәеит* – «Я купил то». Таким образом, и в данном случае мы имеем дело с частичным эллипсисом.

Можно считать эллипсисоподобным (но не эллипсисом) частичное отсутствие субъекта в обобщенно-личных и неопределенном личных предложениях, поскольку отсутствие субъекта для их предложений является более характерным.

Приведем примеры опущения объектного компонента в структурной основе предложения.

Уи апара ифан, иус збаны ұшыышықәса атқарпа и-қәырәеит, иңбаабаахә ихганы дааит... (И.П.) – «Он растратил деньги, при судили (ему) четыре года лишения свободы, после истечения которого (он) вернулся»; *Ман, макъана қәгъара лыдибалом Саида* (И.П.) – «Нет, пока ничего плохого не замечает (он) в ней»; *Саида ацкы асалам илтөеит...* (И.П.) – «Саида дала ответ на (его) приветствие»; *Иңеигала рзымдырзо еразнак ақарахәа иааиртит (ашә)* (И.П.) – «К их удивлению (он) открыл мгновенно (дверь)». *Илаң излықагом длыхәапшуеит (лара)* (И. П.) – «Не может (он) отвести от нее глаз, смотрит (он) на нее»; *Идмыргылт аштағы, иқам ақәаңарағы!* – «Не поставили (они) во дворе (машину), нет (ее) и в саду»; *Леуарса илаңи нақәшәеит* (И.П.) – «Леуарса заметил (машину)».

Очень редки случаи опущения предиката в структурной основе предложения в сплошном повествовательном тексте. Чаще это бывает в диалогической речи. Опущение предиката возможно лишь при контекстуально обусловленной позиции, где предикат предыдущего предложения повторяется в последующем предложении. И это понятно, ибо предикат опускается полностью, т. е. синтаксическую позицию предиката не могут фиксировать другие компоненты структурной основы.

Агамаңы ашықа ddyықәлеит, Ашыкамаңы – ағақа – «Агамадж отправился в горы, а Ашхамадж – к морю».

Формы простого предложения

Формами простого предложения являются синтаксические категории, посредством которых формируется предикативность. К ним относятся категории лица, времени и модальности.

Формы синтаксического лица

Предложение изменяется по трем формам синтаксического лица.

<i>Сара с-цәағәоит</i>	«Я пашу»
<i>Уара у-цәағәоит</i>	«ты пашешь»
<i>Иара д-цәағәоит</i>	«он пашет»
<i>Хара ҳ-цәағәоит</i>	«мы пашем»
<i>Шәара шә-цәағәоит</i>	«вы пашете»
<i>Дара (и)-цәағәоит</i>	«они пашут»

Предложение изменяется по восьми формам синтаксического времени:

<i>Сара сшахәеит</i>	«Я спел»
<i>сара сшахәоит</i>	«я пою»
<i>сара сшахәон</i>	«я пел»
<i>сара сшахәан</i>	«я спел...»
<i>сара сшахәахьеит</i>	«я уже пел»
<i>сара сшахәахъан</i>	«я уже пел»
<i>сара сштахәап</i>	«я спою»
<i>сара сшәхәашт</i>	«я спою»

Предложение изменяется по десяти формам объективной и субъективной модальности:

<i>сара ашәкәы сапхьюоит</i>	«я читаю книгу»
<i>уара ашәкәы уапхья</i>	«ты прочти книгу»
<i>уара ашәкәы уапхъанда</i>	«ты прочитал бы книгу»
<i>сара ашәкәы сапхъарын // сапхъашан</i>	«я прочитала бы книгу»

<i>сара ашәкәы сауамыңхъах</i>
<i>сара ашәкәы сапхъаңәкьеит</i>
<i>уара ашәкәы уапхъазаап // уапхъазаарын</i>
<i>сара ашәкәы сапхъар җалап</i>

«я прочла книгу»
«ты прочитал книгу»
«я, наверное, прочту книгу»

Все вышеприведенные синтаксические формы образуют парадигму предложения.

Конструкции предложения

В абхазско-адыгских языках, как и в других кавказских языках, мы имеем две основные конструкции предложения: номинативную и эргативную. Номинативную конструкцию мы имеем при непереходном глаголе-сказуемом, эргативную – при переходном глаголе-сказуемом. При номинативной конструкции подлежащее выражается формой именительного падежа, при эргативной конструкции – формой эргативного падежа.

В абхазско-адыгских языках по-разному выражаются эти две конструкции. В адыгских языках они выражаются падежными формами:

Унэр шыт – афны гылоуп. Подлежащее **унэр** выражено именительным падежом, глагол-сказуемое **шыт** непереходный; чытыум цыгъ-р ыбытыгъ – кошка поймала мышку, глагол-сказуемое переходный, подлежащее **чытыум** выражено эргативным падежом.

В абхазском языке конструкции предложения выражаются функциональной и позиционной оппозицией двух рядов субъективно-объективных формантов ряда «**Д**» и ряда «**Л**». При номинальной конструкции субъект-подлежащее обозначается глаголом-сказуемым аффиксами ряда «**Д**», занимающими первую позицию, при эргативной конструкции субъект-подлежащее выражается аффиксами ряда «**Л**», занимающими в глаголе-сказуемом вторую или третью позицию в зависимости от количества лиц:

Ахәычы д-ҟауеит – «ребенок плачет»; глагол-сказуемое не-переходной, субъект обозначен аффиксом ряда «**Д**» и занимает

первую позицию; *An ахәычы длааҙоит* – «Мать воспитывает ребенка» – глагол-сказуемое «длааҙоит» переходной, субъект обозначен аффиксом ряда «Л», занимающим вторую позицию.

Как видно, не зависимо от отсутствия падежных форм, механизм конструкции предложения выражается морфологически путем функциональной и позиционной оппозицией двух рядов субъектно-объектных аффиксов.

СТРУКТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Целью настоящей главы является выявление структурных различий повествовательных, вопросительных, побудительных и желательных предложений. Причем имеются в виду различия, которые касаются структурной основы предложения.

В специальной литературе не раз отмечалось то положение, что функциональная классификация предложений не имеет под собой чисто научной основы ни с функциональной, ни со структурной стороны. Так, например, у И. П. Распопова читаем: «Следует отметить, что такое деление, проводимое хотя бы в чисто семантическом плане, с точки зрения строгой научной логики, не вполне правомерно. Названные функциональные типы предложения по тем признакам, которые им могут быть приписаны, во всяком случае, неравноценны»¹.

В самом деле, с одной стороны, повествовательные и побудительные предложения могут быть противопоставлены вопросительным по информативности и определенности своей семантики, но, с другой стороны, побудительные и вопросительные предложения противопоставляются повествовательным по признаку адресованности собеседнику своей семантики.

То же самое наблюдается и в структуре функциональных видов предложений. Известно, например, что вопросительные предложения в русском и многих языках базируются преимущественно на структурной основе повествовательных предложений. Они, за редкими исключениями, не имеют собственной структурной схемы².

¹ И. П. Распопов. Строение простого предложения в современном русском языке, стр. 86.

² См. по этому поводу: «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970. стр. 570.

Данные абхазского языка в этом отношении не проявляют принципиальных, сугубо специфических особенностей, но могут расширить, пополнить наши представления о функциональных видах предложений.

Забегая, вперед, мы можем отметить тот факт, что функциональные виды предложения в абхазском языке проявляют больше структурных различий, чем это имеет место, например, в русском языке. Различия эти касаются главным образом грамматических форм предиката, а не самого строения структурной основы предложения.

Повествовательные, вопросительные, побудительные и желательные предложения могут строиться одинаково на однокомпонентной, двухкомпонентной, трехкомпонентной и четырехкомпонентной структурной основе. Следовательно, в конструктивном отношении они могут быть абсолютно тождественными.

Повествовательные предложения

Повествовательные предложения всегда несут определенную информацию, рассчитанную на собеседника, но непосредственно не адресованную ему. Модальность повествовательных предложений всегда реальная, проявляющаяся в положительной или отрицательной семантике синтаксического индикатива.

Характерной грамматической особенностью повествовательных предложений, отличающей их от других функциональных видов предложений, является специальная финитная форма предиката.

Предикат в синтаксическом индикативе в повествовательном предложении как в положительной, так и отрицательной форме оформляется суффиксами финитности **-ит**, **-т**, **-и**, **-п**. Они оформляют предикат как глагольной, так и именной основы в формах всех времен.

Таким образом, поскольку предикат в повествовательном предложении преимущественно выражается в форме синтаксического индикатива, можно сказать, что повествовательные предложения противопоставляются другим видам предложений не только в функциональном, но и в формально-грамматическом отношении.

Предикат повествовательного предложения в форме настоящего времени

Ақармайыс нықәтә-аақәтәо, Амыг ғәатә, ажыц ғәатә, Амфа шытыых ициот, ициот, Абгахәыцы қәараңоит (Б.Ш.) – «Соловей, пересаживаясь с ветки на ветку, пробирается через лес, лисица следует за ним»; *Абгахәыцы тәаны ихәыцуеит, ақармайыс иаңашыцуеит...* (Б.Ш.) – «Лисица в раздумии завидует соловью»; *Иңшуп, иңшуп, амшәи абгеи, Цхагәтәнаныңза дара ңшуп* (Б.Ш.) – «Ждут и ждут медведь и волк, до полуночи они ждут»; *Адунеиажә цәгъя уеижъагоуп, Ех ҳағоу дутроуп, Шьюкуы рзыҳәан уңсырьшагоуп, Шьюкуы рзы ухъантроуп* (Б.Ш.) – «Мир, ты обманчивый, врагу гостить у тебя, одним ты приносишь отдых, для других ты тяжел»; *Ахшаа дызмоу иажәра шкәакәоуп, Димоуп ғәығыртас* (Б.Ш.) – «У кого наследник, тот счастливый, наследник – надежда для него».

В предикате отрицательной формы настоящего времени место финитного суффикса занимает аффикс отрицания **м**.

Уи иаапсара сара сапсагәышыам... (Д.Г.) – «Я не стою его трудов»; *Убри ауарбажә шыны агәи агәайәеи ансмоу егъсзыреиуам...* («Апс.л.») – «Если я не получу сердце и печень коршуна, я не спасусь»; *Уи атхәызба дыззымдыруа Адунеиаф дықазам, Лзара тартар еихытаруа, Лсахъа ҳәашъак амазам, Абшытгалагы уи дбашазам, Зегъы илъиртоит анату, Ма атоурыхаф ифашиазом, Уи шьамтәила дшақәиту* (Б.Ш.) – «Она известна всему миру, стройна, красива, и ее родословная не простая, все уважают ее, истории известно, что т она владеет своей страной».

В форме аориста

Афашистциә хфык ишьит. Ашъа иаҳәа инахьишьит, Амаӡа зҳәоз, ийәахқәаз Ақыаадқәа шытихит... – «Трех фашистов убил он, потекла по лезвию кровь, взял с собой секретные документы»; *Дтыңит нақ азыткәа баара, Деитаныңалт абнеиқәара, Рымахә дүкәа зегъ еилыш Аңла игылоу раңхъа азыжъ днығынгылеит игазго* (Б.Ш.) – «Вышел он из болота, пошел дальше опять по лесу, подошел к берегу голубого озера, покрытого ветвями деревьев»; *Иара ихала*

уа дааңшит, уи деиңасуа дыхыңашыт, Ибла ңысадақәа анаңшит (Б.Ш.) – «Проснулся он, замерз, дрожит от холода, с трудом открыл глаза и бросил взгляд в сторону»; Алғыс абұзы ауаса амысит, Ауасақәа абға ркымсит, Абға Зама дашыламхысит, Зама иабұзар айға бжымсит, Ахәнинаңқәа рыцеихамсит, Цис ахәнинаң тұханамырсит, Иара ңан, ахчат иахысит, Аха уаққажә ңис дамысит... (Б.Ш.) – «Ольховые листья овцы не тронули, волк овец не тронул, Зама в волка не выстрелил, крысы не тронули ремень ружья Замы, кот не тронул крыс, но княгиня кота не тронула».

В форме прошедшего несовершенного времени

Қытқак ағы хар змамыз Хаңа шыахәк дынхон, Хаталагыы қәгъара зламыз Уағыс дрыңхыазон (Б.Ш.) – «В одной деревне жил славный мужчина, был он добрый, занимался хозяйством»; Зны аб ирахә ашыха иқыдолон, Иаргы дңон хъчара, Иңқаын хәйчи дидгъежылон, Диҳаон ус иара (Б.Ш.) – «Однажды отец собирался перегнать скот в горы, сынок его крутился около него и просил...»; Икәадырматәа ақәынақәа Еїәошәа иңхаян, Иеенқәа ҳарак аеимтәқәа ңағыа иеырғауан (Б.Ш.) – «Седло его сияло отделкой своей, словно звезда, конь его вороной гордо гарцевал»; Даҳъаланхоз ақытәғы нхағық ағы бзия дақетәар қаломызт... (И.П.) – «В той деревне, где он жил, крестьяне не имели право ездить на хорошем коне...»; ...Иан лгәазхара дызиегәрығомызт (И.П.) «Мать его не могла наблюдатьсья на него»; Ицаз азынра қәгъан узхәомызт (И.П.) – «Нельзя было сказать, что прошедшая зима была суровая».

В прошедшем неопределенном

Хтарпа-рқыақъа ачыха ыргыало, Иарак изшаңан, Иаҳәа хәыш ду неидхало Разныла ихфаңан (Б.Ш.) – «Башлык его был как бы создан для него. Сабля его с белой рукоятью была отделана серебром»; Ибжыы бзиан, ахаара аңан, Аурыс ашәа уи азқазан (Б.Ш.) – «Голос был у него хороший, приятный, пел хорошо русские песни»; Афронт нырыңа иқытә шытән, Аха иқытә аза дахын. Уа аңстазаара ағакын (Б.Ш.) – «За линией фронта лежало его село, но там хозяйствничал

враг, там была другая жизнь»; Дықан аҳак, уи шъарда мазарала дығағәан, хшара димамызт («Апс.л.») – «Жил-был царь, был он богат, но не имел детей»; Ацәғьюура иламызт (И.П.) – «Он не делал плохих поступков».

В форме давнопрошедшего времени

...Уи макъана дагыымицт, дихъазаргы дагыымшәйызыт... («Апс.л.») – «Он еще не родился, если даже родился, то пока молод (еще не возмужал)».

В форме давнопрошедшего упреждающего времени

Амра лашо жәхъан еиңи ифеихъан, ҆зырхәа ақытә азаза бахъан (Б.Ш.) – «Солнце уже поднялось высоко, сошла уже роса»; Алашыңара уи даларшәын, Иблақәа ңаҳъан, Ибарғын-хахә ашы алашәын, Амат дырфахъан (Б.Ш.) – «Он лежал в темноте, был он уже слеп, его шелковые кудри были в крови, змеи уже съели его»; Иүжәша азыхъ ахы ыңнамхызыт, Макъана уңшыкан. Уан лызхара улзымаазыт, Ишәлалури уан! (Б.Ш.) – «Ты был еще молод, мать твоя еще не успела наглядеться на тебя, как перенести ей горе такое!»

В форме будущего I времени

Ахра иавңы амра ангыло, Сәйрғъо сазыңшлап, Ақаңқаңқәа аныңхъарыло рыбжыса саҳалап (Б.Ш.) – «Буду смотреть на восход луны из-за хребтов, буду слушать вечернею порой пение горных индеек»; Атың ағы шыыкъа сыйлан ахшица сырхиалап (Б.Ш.) – «Буду вставать ранним утром и готовить горячее молоко»; Ушәарыңан шәарах жыыла Уааир уаапсаҳа, Иудызгылат нас хмаңырла ахырәэ ӡфаны (Б.Ш.) – «Когда ты с охоты вернешься с добычей, я встречу тебя с ахмачиром (деревянной кружкой), полным молока»; Аңла сыйкатәа сшәаҳалап, Уара уеиңшәәкъа қыаф зулап (Б.Ш.) – «Буду петь сидя на дереве, как и ты, буду блаженствовать»; Ус акәзар, ара уаха сихылаңшып, сара дсышытрым... («Апс.л.») – «Если это так, то я сегодня ночью буду сторожить его, не пущу я его»; Ҭемыр

сара дызласзымдыруа егъузхәарым (И.П.) – «Ты мне не раскроешь таких черт Темыра, которых я бы, не знал».

В форме будущего II времени

Аейә амзеиңи изытхашт, Ләғызцә раңхъа убла лгоит, Лажә хаара угәры итәнәашам, Умфа аркъаңеит, умфа аухашам, Игәры жыжыаган иузаанхоит (Б.Ш.) – «Не светить же звезде солнцем, раньше своих подруг привлечет взгляд, ее сладкие речи сердце наполняют, дорогу твою укоротят, успокоят тебя»; Аейәақәа еиңиңи итхашам, Ашәтқәа фәйла зегыны бзиам, Ажәа ртамзар итшахашам, Гәыла иртхатәхар уи поезиам (Б.Ш.) – «Не все звезды одинаково светят, не все цветы одинаково пахнут, не отлитое слово – не красивое, сердцем не утомленное – не поэзия»; Саннеилак сыхәмаршт. Сылдырратә сылбашт, сыйбызы Җарза иналахашт. Сәказшы еиллыргашт (И.К.) – «Когда я примчусь туда на гарцуящем коне, она узнает меня, голос мой услышит, поймет мой характер»; Шарпыеңәа макъана избазом, Аха шытә иаагылашт ишамшамуа (Б.Ш.) – «Утреннюю звезду еще не вижу, но она взойдет скоро».

В заглазной форме

Ихъзеи, мишән, Хоцъан ду, Илалазаап азфа ду, ИннарҖәазаап иттаацәа ду, Икәзаазаап ирахә, иғнра ду (Д.Г.) – «Что же случилось с Ходжан ду, оказывается, зараза его одолела, уничтожила его семью, скот и двор»; Излархәо ала, дықазаарын Аңсны Абраскыл захъзыз (Д.Г.) – «Как об этом говорят, оказывается, был в Абхазии Абраскил».

Предикат в повелительном предложении может быть выражен глаголом в форме обусловленного наклонения. Однако форма обусловленного наклонения преимущественно употребляется с побудительным значением. Употребление ее в повелительном предложении, как правило, обусловлено контекстом.

Үгәры иаанагарын, үцаһаным мчыс икәз зегыны зынакала еиңтүйит ҳәа (С.-Ч.) – «Можно было полагать, что все силы ада разом вышли из ада»; Сара съязшыз уара, аеата Җыамхәыха дубар, егъя

дүңоушыарын («Аңс.л.») – «Кто удивляется мне, тот как бы удивился, если бы увидел сына оленя Джамхух»; Цлак ашәара амра анхалак сгыларын, сөеилахәаны ңшак аасфарсы шыбыжъхъа сфарын, шыбыжъыштың – уахъа, нас сыйытәларын (Д.Г.) – «Вставал я по утрам поздно, прогулявшись немного, обедал, вечером ужинал, а затем ложился спать».

Бывают случаи употребления вопросительных, особенно отрицательно-вопросительных форм глагола для выражения предиката повествовательного предложения. Однако это связано с транспозицией вопросительного предложения в повелительное. В этом случае вопросительное предложение выступает со значением риторического вопроса.

Згәры шытыңуа аңәқәырәкәа Уа урйысуа урымами, Аңша унырдоит апра шлақәа, Аимәағ иғба угарами (Б.Ш.) – «Вздыбленные волны тебя качают, седые паруса тебе веер, разбойничий корабль тебе люлька»; Арахъ уааир цқыа ҳнамтәози... (Б.Ш.) – «Если бы ты подошел сюда, сели бы мы поудобнее»; Ақармаңыс баша ишызма, Ари амбо зынза ижәизма... (Б.Ш.) – «Соловей ведь даром не смотрел, как же мог он этого не заметить!»

Бывают и случаи транспозиции побудительных предложений в повествовательные. Случай эти обусловлены контекстом.

У қашәымдан ҳәа иаҳыа хәлаанза урықылхәала, дара иқардаң қарәоит – «Кричи на них целый день, запрещай им, а они свое продолжают».

Вопросительные предложения

В функциональном отношении вопросительные предложения противопоставляются другим видам предложений отсутствием в них позитивной информации. «Они направлены от того, кто не обладает позитивной информацией и хочет ее получить, к тому, кто является потенциальным носителем позитивной информации»¹.

Однако вопросительные предложения не могут характеризоваться единой семантикой и общей, модальностью. Семантическое

¹ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, стр. 545.

разнообразие вопросительных предложений может распространяться от прямого вопроса, до вопроса подтверждения.

Ниже мы акцентируем свое внимание на структурной характеристики вопросительных предложений.

Прежде всего, следует отметить тот факт, что вопросительные предложения в абхазском языке обладают своей собственной грамматической структурой, отличающей их от других видов предложений. Особенность эта обусловлена наличием вопросительных образований глагола наряду с невопросительными образованиями. В позиции предиката вопросительных предложений выступают именно глаголы вопросительного образования. Вопросительные и невопросительные глагольные образования противопоставляются грамматически также по категории финитности-инфinitности. Вопросительные глагольные образования лишены категории финитности, соответственно и аффиксов финитности. Соответствующее формально-грамматическое различие наблюдается в формах предикатов вопросительных и повествовательных предложений. Предикат вопросительных предложений не оформляется формантами финитности **-ит**, **-т**, **-н** и **-п**. Вместо них здесь мы имеем вопросительные суффиксы **-ма**, **-зеи/зи**, **-и**, **-у**, **-да** и **-ба** (последний префигируется). При общей грамматической вопросительной семантике суффиксы эти проявляют различия в других частных значениях.

Предикат вопросительного предложения с вопросительным суффиксом –ма

Вопрос, выражаемый суффиксом **-ма**, всегда связан непосредственно с семантикой самого предиката и через него с семантикой всего предложения. Суффикс **-ма** используется, таким образом, при необходимости получения информации относительно осуществления или не осуществления действия или другого признака, обозначенного предикатом. Он прибавляется к временным финитным основам положительного глагола-предиката.

Уа узхылъыз уажәгъы ишәтүама? Җыц иағума азхара? Насгъы дарбан, иңсы тоумя Уаггылазәз ашәкәы абра? (Б.Ш.) – «Цветет

ли еще тот цветок, с которого тебя сорвали? Растет ли он до сих пор? И кто он, жив ли еще тот, кто вложил тебя в книгу?»; Ижәбома ари ашәкәы (И.П.) – «Видите ли вы эту книгу?»; Избоузеши урт? Партфелума? Стол мгоума? (И.П.) «В чем же они лежат? В портфеле? В столе?»; Егы амчыбъз азы ҳцаїдәкъома нас? (И.П.) – «На следующей неделе в самом деле пойдем?»; Уара абри Наңха Къагәа ҳәа даара зыхъз дуны икоу дудыруама? («Апс.л.») – «Знаешь ли ты прославленного Напха Кугагу?»; Бышытәлама бара? – «Ты легла?».

Предикат с вопросительным суффиксом –у

Вопрос, выражаемый суффиксом **-у** также относится к семантике предиката. Он может быть охарактеризован как вопрос-уяснение, используемый при необходимости удостовериться в совершении или несовершении процесса, обозначаемого предикатом. Вопросительный суффикс **-у** прибавляется к времененным основам глагола-предиката.

Ҳазгъари, уашьзәа убар иудыруоу? («Апс.л.») – «Хазгиари, если увидишь своих братьев, ты узнаешь их?»; Иқалаңәкъар-ушь, анаңылбейт, аибашыра? (И.П.) – «Неужели, в самом деле, будет война?»; ...Абри уара иушәу арратә форма апхәис илишылъар илнаалауо-у, илнымаалауо-у? (И.П.) – «Если военную форму твою оденет женщина, подойдет ей или не подойдет?»; Акриәбәдә-у ма? Аңсәа бывхәо-у қәнагала? (М.Л.) – «Ты накормила его? Хорошо ли встретила ты его?»; Абри асасааирта ашә дахцәажәз-у? (М.Л.) – «Он говорил что-либо о довери гостиной?»; Сагъаса, ухайы, абарыт рчара уахаан-у? (М.Л.) – «Сагиаса, дорогой, ты помнишь их свадьбу?»; Ари дудыруо-у? (М.Л.) – «Ты знаешь этого?»; Сара иссааиуа джалар-у? «Найдется ли такой человек, который бы меня переборол?»; Хыызла акәу, хымзәгла дәтахо-у? (Б.Ш.) – «Погиб он с позором, или со славой?»; Амайура бало-у ашкол бәтә-у? – дәаат Никә (И.П.) – «Ты (ж.) служащая или учишься в школе? – переспросил Нику»

Предикат с вопросительным суффиксом –и

Вопросительный суффикс **-и** используется преимущественно при предикате, выраженном глаголом отрицательной формы. Од-

нако значение отрицания в таком случае затемнено, ослаблено, порою до его полного отсутствия. Предикат такой структуры используется с подтверждительно-вопросительным значением, со значениями риторического вопроса, подлинного вопроса. Нередко в предикат включается суффикс интенсивности **-за, -зе**.

Айдаңшып иағызами хұтатын? Цқыя ихаазами хуаи хазына ағылама? (Б.Ш.) – «Разве не напоминает наш табак красное яблоко? Разве не сладок вкус прекрасного нашего чая?»; *Ағы зәстәәз бара бзыноуп.* Исааныбылар қамлар-и?! – «Для тебя (ж.) я сделал вино. Нельзя ли тебе поднять бокал?»; *Ленин ожә адәйгеба дәтымдүе-и,* Ленин иоум-и иззыңшу (Б.Ш.) – «Ведь Ленин сейчас сойдет с поезда, Ленина же ждут тут?»; *Иқалази нас, иараби, Бзиа сбымбазо-и?* Имабкуз-и қыуқрысаби, Уаҳа бғәл мбылзо-и? (Б.Ш.) – «Беда ли со мной приключилась, не любишь ты меня? К чему мучить чужого парня, неужели у тебя сердце не бьется?»; Зәғы шытыңду аңқәйрәпқәа Уа уртсыса урымам-и. Аңша унырдоит апра шлақәа Аимтәаф иғба угарам-и (Б.Ш.) – «Вздыбленные волны тебя качают, наганяют на тебя белые паруса вражеского корабля»; *Ала ылырқынан аға зышыз Уа абри артыс иакәымхо,* Шықасык ала дхайамхо-и! (Б.Ш.) – «Вытравив собаку, кто убил оленя, это будет он, за год он вырастет, возмужает»; *Аеңәақәа кәиц хатам-и Атырғеңшіш итқоит.* Ҳәыхәи ңыси рашияттәами, Уәзара ргәапхеит (Б.Ш.) – «Звезды, словно искры, светят, птицы пенье прекратили, хотят, чтобы ты уснул»; *Арашәарах шәымбазо-и?* Амра мғылац, Абна мәыхау, шәымбазо-и? (Б.Ш.) – «Не идете ли на работу? Солнце еще не взошло, лес еще не проснулся, не видите-ли?».

Предикат с вопросительными суффиксами **-зеи/-зи, -и, -да**

Вопросительные суффиксы **-зеи/зи, -и, -да** используются для выражения вопроса, относящегося к субъекту или объекту. При субъекте и объекте класса вещей используются суффиксы **-зеи/-зи, -и**, при субъекте же и объекте класса человека используется суффикс **-да**. Они прибавляются к временным формам инфинитной основы глагола-предиката, образованной аффиксами относительных местоимений **и, з**. Предикат такой структуры используется преимущественно с подлинно-вопросительным значением.

Ари амаңдаз бызта-да? («Апс.л.») – «Кто тебе дал этот перстень?»; *Зақаф ртіда ағаңа рәғаңы?* Зақаф агада хынта амхәңыр? (Б.Ш.) – «Сколько людей продали в рабство? Сколько людей унесло маходжирство?»; *Измырз-зи жәйтәаахыс ҳабызшә,* Ирғызыца иаҳхәоит иаҳья ара? (Б.Ш.) – «Как сохранился с древних времен наш язык?..»; *Измырз-зи ҳчеиңкыка, ҳатату?* Изарту-зи иқвақыаза ҳгәаша? Измырз-зи ҳашәақәа ихаңатәу? (Б.Ш.) – «Как сохранились наше гостеприимство, наш почет? Почему открыты наши двери? Как сохранились наши героические песни?»; *Ага итқынчу снығынғылан, ла слизхәыштап, изурызы?* Аңақәырә билгә-былгәа ишытталан Са сығаттыхаз ирхәары-зи? (Б.Ш.) – «Усевшись на берегу моря, буду думать о ней, что же мне скажут волны о моей думе?»; *Ҳқытта рбаңқәа ирхәаша-зе,* Ақисиңәа еуқәғытуа? (Б.Ш.) – «О чем поют деревенские наши петухи?»; *Данааилак иасхәарызыи Ныға?* (Б.Ш.) – «Когда вернется Ныгу, что же я ему скажу?»; *Исықазыршода нас аңсыма Санңслак абра?* Сөи скәадыры иақәтәарыда?... (Б.Ш.) – «После смерти кто же меня похоронит? Кто же будет ездить на моем коне?»; *Абасгы шаанза игылада?* (Б.Ш.) – «Кто так рано встал?»; *Зығны анеира згәи амыхәода?* (Б.Ш.) – «Кто не желает заглянуть в свой дом?»; *Ахәынтқар,* ухаңкы, саазго-да сара ағмыг абра («Апс.л.») – «Светлейший государь, кто меня, глупца, сюда приведет?»

Предикат с вопросительным аффиксом **-ба**

Аффикс **-ба** используется для выражения обстоятельственно-вопросительного значения. Он сочетается с обстоятельственными элементами **аҳь, ан, ш**, вместе с которыми предшествует основа глагола-предиката. Глагол-предикат и в данном случае, как видно, инфинитного образования.

Вопрос, выражаемый аффиксом **-ба**, может иметь обстоятельственное значение места, времени и образа действия.

Иш-па-ғиаан ахахә кәамтә? (Б.Ш.) – «Как оно (дерево) выросло на скале?»; *– Ожәы-уаштән дан-ба-цәыртцуе?* (Б.Ш.) – «Когда же он появится?»; *Ихы-иәы еихачча, ных...* Иабақоу? Азәгъы ибашам, ибылзейт. Игәы еилгара, сышь... Иабақоу? Иқам, иқам, ихәашеит

(Б.Ш.) – «Где же его улыбающееся лицо? Оно сгорело. Где же его мудрость сердца? Нет ее, она разбита»; Алтыкә да-бақоу? – дұаит Есма... (И.П.) – «Где Алтыкү? – спросила Эсма»; Ҳаб, ҳаб рыңда, ҳаныжыны уабацой?.. (И.П.) – «Отец наш, бедный отец, куда ты идешь, оставив нас?»; Иабақаларишь адокументқәа, ахсаалақәа? (И.П.) – «Где должны быть документы, карты?»; Ишпоухәеи сымхәеи уара ағыбырхәа? (И.П.) – «Как ты сказал, я тебя спрашиваю, ротозей?»; Ишпақалеи абри? (И.П.) – «Как случилось это?»; Ихаҳамтқәа, ишпахаҳамтои Кутат? (И.П.) – «Верим, как же мы не верим, Кутат?»; Җаара пхашъарам, уабанзатәиу, уххъ згейт? (И.П.) – «Извините, вы откуда?»

Предикат вопросительного предложения без вопросительных суффиксов

Встречаются случаи употребления глагола инфинитной формы без вопросительных суффиксов в позиции предиката вопросительного предложения. В таких случаях вопросительные суффиксы заменяются вопросительной интонацией. В этой функции чаще встречается условная форма глагола, образованная суффиксами **-зар**, **-р**. Относительное временное значение условной формы глагола в этих случаях снимается вопросительной интонацией. Этот вид предиката можно квалифицировать как особенность вопросительного предложения, поскольку условная инфинитная форма глагола, как уже было отмечено выше, в силу относительности своего временного значения вне вопросительной интонации не может выступить в позиции предиката.

Ара зыңсы зшю Соуқар Андарбу дахығноу жәдүруазар? (И.П.) – «Может вы знаете, где живет отдыхающий здесь Соукар Андарбу?»; Бара ибдүруазар дахығноу? (И.П.) – «Может, ты (ж.) знаешь, где он проживает?»; Ахәмаргақәа узаасхәап утахызы? (И.П.) – «Куплю я тебе игрушки, если ты хочешь»; Қынтиеи уареи үзаракыр шәеибабазар?.. (И.П.) – «Ты с Кунтой, может быть, где-нибудь встретились?»; Пхәызбаки ҹқыннаки абас иааиуан иубазар? («Апс.л.») – «Парень с девушкой проходили здесь, ты их не видел?»; Иқалап, Леуарсагы иғәи лызцаазар? (И.П.) – «Может быть, она по-

нравилась и Леуарсе?»; Издыруада, сыхъзгы жәдүрырыц шәтәхызы? (И.П.) – «Возможно, вы хотите узнать, как меня зовут?»

Бывают редкие случаи употребления повествовательного предложения с предикатом, выраженным глаголом финитного образования, в функции вопросительного предложения. И в данном случае для выражения вопроса используется вопросительная интонация.

Уара излоуҳәо ала, аколнхара қалаанза уағ бзиа дықамызд? – дұаит аңаңа гәымжыңа (И.П.) – «По твоему заявлению, до возникновения колхозов не было хороших людей? – спросил бородатый»; Уара укоммунистзар қалап? – дұаит аңаңа гәымжыңа (И.П.) – «Ты, наверное, коммунист? – спросил бородатый»; Аеафра азырханы уағы изаарыхуам? Ҳаргызы баша аңыбала аабоит? (И.П.) – «Нельзя получить высокий урожай? И мы напрасно трудимся?»; Нас уара ихомәзозаап ҳабригада еизарағы ирыласхәаз? (И.П.) – «Оказывается, ты не веришь тому, что я объявил на собрании нашей бригады?»

Для выражения вопроса в вопросительном предложении могут быть использованы вопросительные слова. Предикат, к которому примыкает вопросительное слово, и в данном случае выступает вне финитных суффиксов.

Зықыр, иарбан айаңа узасуа? (Б.Ш.) – «Дзыкур, почему ты по стакану бьешь?»; Артыс имоу иарбан гәтүхоу? (Б.Ш.) – «Что беспокоит парня?»; Изакәзызи мишән, иғәи иалоу? (Б.Ш.) – «Что тревожит его сердце?»; Иарбан рапхъа дызлагара? (Б.Ш.) – «С чего ему начинать?»

Побудительные предложения

Побудительные предложения всегда связаны с выражением волеизъявления, направленного на осуществление чего-либо. Значения волеизъявления могут быть разнообразными, они охватывают категорическое требование, смягченное требование, требование-просьбу, допущение, желание с оттенком требования, согласие.

В структурном отношении побудительные предложения проявляют ряд особенностей.

1. В позиции предиката побудительного предложения выступают преимущественно глагол в повелительном наклонении и конъюнктив.

Побудительное предложение с предикатом, выраженным глаголом повелительного наклонения, обозначает категорическое требование, направленное ко второму субъектному лицу единственного или множественного числа. Первое и третье синтаксические субъектные лица в данном случае исключаются. Второе синтаксическое лицо единственного числа не получает своего, морфологического выражения в том случае, когда в позиции предиката выступает переходный глагол повелительного наклонения положительной формы, субъектное лицо в этом случае выражено синтаксически.

Уара уансмыхәа цәгъароуп илахынәа, иутажу сзыу, қваранцыис сқай!.. (Б.Ш.) – «Если ты мне не поможешь, я пропаду, сделай со мной, что хочешь, сделай меня рабом!»; Азә джъа, азәгъы дкы, иаанхазгъы даных! Аңсыцәгъа дүңылар, парада дыхы! (Б.Ш.) – «Одних обдуривай, других изолируй, а остальных уничтожь! Жадного встретишь, купи его деньгами!»; Сан, иабақоу, иаасырба, Абырфынлыых сыйхтырпә?! (Б.Ш.) – «Мать, где же он, подай мне шелковый мой башлык?!»; ...Хшык ацара изырхия, Уи данааилак иныриа!.. (Б.Ш.) – «Приготовь ему горячего молока, когда он придет, подай ему!»; Ей уара ахәычи! Аөы ааги арахы!.. («Алашара») – «Эй, ты, мальчик! Подай сюда коня!»; Ирығәәаны скыз Чиа! («Алашара») – «Крепко держись за меня, Чиа!»; Абар, иаанкыл сара стапанча, уи амц ахәарц залшом... Уара утәы еибамгар арах иааг, уи сара исыт!.. («Алашара») – «Вот, возьми мой пистолет; он не обманет... А свой, сделавший осечку, подай мне сюда!..»; Аха, сымра, уааи умҗышыкәа, сылах иқәйриш ушәахәа. Са сыйхымзаз сусқәа Саңхья иааг еицирхәхәа. Сұхәоит усқан: ан лыбжы хая Слымча иттарғы «шышиш нани!» Слымча иттарғ арфаши мчымха Өеихак шамам уахи-ени! «Уари дада» – днаргоит тацак, Уи ашәала сгәи шышишы! Урт инрыңца ңсыуа хайдак апқацахәа иқамч абжы! (Б.Ш.) – «Солнышко мое, иди ко мне, освети своими лучами мой лоб! Дела, которые я не успел сделать, перенеси на будущее. Прошу тогда: дай мне услышать сладкий голос матери, поющий «шиши нани» (колыбельную)! Дай мне услышать шуршание ручейка! Дай, мне услышать свадебную песню! Прибавь к ним свист плети абхазца-молодца!»

В остальных случаях синтаксическое субъектное лицо получает свое морфологическое выражение.

Дыхәхәеит уи: Ирласны шәаах, уара сөы! (Б.Ш.) – «Крикнул он»: «Быстро подайте мне коня!» Ахы, дад шыңа шәца!.. («Алашара») – «А теперь, дети мои, вы сами идите!»; Шыңа уеыжәй Ҳабашы! («Алашара») – «Теперь сходи с коня, Хабаш!»; Шәара шәңала, уаргыы унеила, Иаса! («Алашара») – «Вы идите, и ты иди, Иаса!»; Ей уара афаетон хъча, уекәа унарыс! (Б.Ш.) – «Эй ты, кучер, погони коней!»; Уаха заңдык уцәкәрпә, Уаха заңдык уеырба, Улеи, улеи узхара! (Б.Ш.) – «В эту ночь ты разливайся, в эту ночь ты покажись, беги, беги вдоволь!»; Уахатәи айх шәхашәмымыштын! («Алашара») – «Сегодняшнюю ночь запомните!»; Аңшәма уқазар уаадәылә! (И.Л.) – «Хозяин, если ты дома, выходи!»; Улахәыхыз сажаеинраала, улахәыхыз улахәых! (А.Л.) – «Будь бодрым, мой стих, бодрым!»

Как видно из примеров, предикату в описываемом случае представлен чистой основой глагола, вне временных и финитных показателей.

При выражении смягченного требования к предикату прибавляется частица-суффикс **-ишь**.

Да уаасәапшишь, да уаасәапшишь, Убла тбакәа сынтарпшишь (Б.Ш.) – «Дай-ка взглянуть на тебя, на твои большие глаза!»; Унахцәәжәеишь нас Арсана, уоуми ахы зку! (Б.Ш.) – «Скажи-ка слово, Арсан, ты же руководитель!»; Ифишь, иф уаахан абни! (Б.Ш.) – «Съешь-ка, съешь вот это!»

При отрицательной семантике к предикату побудительного предложения прибавляется частица-суффикс **-н**.

Җааиттүт усқан: «Сиәом сара, Уаргы умшәан, угәы ртәнч (Б.Ш.) – «Крикнул он тогда: «Я не боюсь, и ты не бойся, успокойся!»; Уи шәицәымшәан шәара («Алашара») – «Вы не завидуйте ему»; Уагырмачән, кыргыз ртәумән!.. («Алашара») – «Не ругай и не корми их!»; Саргыз аттаацәара ду ағы, Ҳақәит таацәара ғың ағы сышәхашәмымыштын, сышагәлаша Жәахаа гәйіқаңагала! (Б.Ш.) – «И в семье большой, свободной, не забудьте, помяните добрым, тихим словом»; Ари ауағ дықам, уаанымхан уаха, Сымала сунмыжын, уааини сеиқәирх! (Б.Ш.) – «Нет этого человека, не оставайся сегодня, не оставляй меня одного, вернись и помоги мне!»

Побудительные предложения с предикатом, выраженным коньюнктивом, обозначают повеление, допущение с оттенком по-

веления, предупреждение-увещевание, согласие. При чистом повелении в качестве синтаксического лица выступает третье лицо единственного и множественного числа, в остальных же случаях – все три лица.

Амала шумхәаат Чиа! («Алашара») – «Однако, чтобы ты не сказал ни слова об этом, Чиа!»; Шыңда уеизгъы ишоит, Ачаңшыңаңа цаны маңк рыңсы рашыаат («Алашара») – «Уже рассветает, дежурные пусть пойдут и отдохнут немногого!»; Исаиз ауағы ивизиттә карточка сзааитшааат (Д.Гә.) – «Пришедший человек пусть придет мне свою визитную карточку»; Ҳазшыңаңы ҳашшыаат, абраңәкъа зегъы цартта ҳа ҳамазам үзаралмазар үзаргъы! (Е.Ш.) – «Пусть убьют нас всех здесь, некуда нам идти!»; Шәгәр ишахәэз збеит, аха шәхымхәаат! («Н.С.») – «Я вижу, что вас обрадовало то, но чтобы вы не пожалели!»; Ахайа ичхара учхарахааит, апхәыс лыгәаңыра угәаңрахааит! (Поговорка) – «Пусть ты будешь наделен терпением мужским, решимостью женскою!»; Идыруазааит апхәызба рыңқа дангәақлак акы шлылшо! (Д.Гә.) – «Пусть он знает, на что способна девушка!»; Амыңхә сфаңаеит, исзыңалхалааит (К. А.) – «Я переех, пусть мне на пользу пойдет!»; Уи айкыңыс Камачың лыхыңзааит (Д.Гә.) – «Пусть зовут ее Камачич».

2. В функции предиката побудительного предложения выступает форма т. н. будущего категорического времени глагола¹, выражающего синтаксическое побудительное наклонение.

Волеизъявление в этом случае имеет значение повеления с оттенком долженствования. Например:

Аңұзызба деікәхархароуп! (И.П.) – «Мы должны спасти девушки»; Са суал ишәйқау іаҳыаңәкъа исоуроуп! (Б.Ш.) – «Вы мне сегодня же должны вернуть долг!»; Инхо-инңуа ағғызы ижәыроуп. Аха иус ихеимырштыроуп! (Б.Ш.) – «Крестьянин иногда должен и выпить, но о своем деле никогда не должен забывать»; Еилахәарак ултсоит, исхаштыз нас, ианлымухуа улеихырхәароуп уағас! (Б.Ш.) – «Она тебе даст, что я забыла, сверток, когда она тебе подаст его, ты должен ей поклониться!»; Абри наган аққаражә Қыч ианлуңталак, Ианлутто нан, ушхырхәаша удырроуп, Ҳамтак уаалзыңы, лара

данаңхъалак, Атқак уманы са сахь упрыроуп! (Б.Ш.) – «Когда это ты подашь княгине Чич (тогда ты должен знать, что надо ей поклониться), ты немного подожди, когда она прочтет, с ответом ты должен полететь ко мне!»; Ҳан-Хаңсадгыл ҳаңсахароуп, Ихалымшаң ҳалхаршароуп (Б.Ш.) Мы должны быть достойны матери-Родины, чего еще не успели, должны успеть»; Ахәақәа цөйтәуп, ибылтәуп! (С.Ч.) – «Межи надо уничтожить, сжечь!»; ...Ешас сбыңхъазозар бсыңхраароуп! (И.П.) – «Если ты меня считаешь братом своим, ты должна помочь мне!»

Как видно из вышеизложенного, повелительное наклонение глагола, конъюнктив и будущее категорическое время глагола являются характерными средствами выражения предиката побудительного предложения. Они не характерны для других видов предложений.

Бывают случаи транспозиции повествовательного предложения в побудительное. Это достигается главным образом побудительной интонацией. Предикат в таком случае может быть выражен:

1. Формой будущего первого времени глагола финитной семантики первого субъектного лица:

Шар еиғъхап, Махател. Аау, аау, ҳаршап! («Алашара») – «Лучше дождаться утра, Махател. Да, дождемся утра!»; Ҳаҳыгылоу хәзырык иманшәалам, бгәи иацәымзымзар, ҳнымфахыбын! (И.П.) – «Здесь немного неудобно, отойдем в сторону, если не возражаешь!»; Ҳара зегзы ҳнаты еикәирша аколнхара ҳарәәзәап! (С.Ч.) – «Мы все дружно укрепим колхоз!»; Егъырт ирхәогызы сазызырғышиш!.. (И.П.) – «Послушаю-ка, что другие скажут!»; Ҳлеип ағныш!.. (Б.Шб.) – «Зайдемте домой!»

2. Формой настоящего (настояще-будущего) времени глагола финитной семантики второго субъектного лица:

Ахәыңқәа урыңцоит. Уарxa ақытa иналаргыланы ухынхәуеит («Алашара») – «Пойдешь с детьми. Доведешь их до села Уарха и вернешься, чтобы рассвет не застал тебя... – поручили кому-то»; Абарт aчкaынцa ачывхәа ртың aфы иугоит! («Алашара») – «Вот этих ребят доведешь до их места!»

3. Формой обусловленного наклонения первого субъектного лица:

¹ См.:Л.П.Чкадуа. Система времен..., стр.193.

Бара, абри аколхоз ҳалаларын! (С.Ч.) – «Послушай (ж.), поступим в колхоз!»; Уара, сдәықәларын аҳаынтықар иахь! (Д.Гә.) – «Послушай (м.), отправлюсь-ка я к государю!»

Бывают единичные случаи транспозиции желательных и вопросительных предложений в побудительные.

1) Сахъузәауагы мдырс сумтхазакәа исоухәандаз убри зыхъяз авбақәа (Д.Гә.) – «Не сочти меня глупцом за то, что я тебя спрашиваю, объяснил бы ты мне причину случившегося».

2) ...Ари закә шәахстәу соухәар қамлари? (Б.Ш.) – «Не сказал бы ты мне, что за шрам?»

Мы встретили единственный литературный пример транспозиции побудительного предложения в повествовательное.

Уәшиш насихәо, уара аңғәвара ула, Ауачарәа урықәлан ирхәла, ишыла. Сара сұхзызо уйәахра сағыз... (Б.Ш.) – «Смотри, что он говорит, ты совершил преступления, ограбляй купцов, убивай их, а я, дрожа, буду прятать тебя...»

Желательные предложения

В желательных предложениях предикат выражен желательным наклонением глагола, организующим синтаксическое желательное наклонение. В них отсутствует элемент волеизъявления, они обозначают эмоционально окрашенную устремленность к действительности, желание говорящего, чтобы содержание предложения соответствовало действительности. Предикат желательного предложения лишен финитных суффиксов, он оформляется суффиксами **-нда**, **-ндаz**, прибавляющимися к временным основам глагола.

В качестве синтаксического субъектного лица могут выступить все три лица. Желательные предложения ограничены рамками синтаксического желательного наклонения и не имеют большого распространения.

Акырзыруа дагыуанда, дагыуағанда! (Поговорка) – «Умный (человек) был бы и родственником твоим, и врагом твоим!»; Дызыруанда абри абаа ақағара хыс иамоу ауағы! (Д.Гә.) – «Знал бы я, кто руководил строительством этого храма!»; Уара уеы мчы-

ла ифуанда, сара сөи – насыпла! (Поговорка) – «Скакала бы твоя лошадь силой, а моя – счастьем!»; Паса иухәыцуа уара иумандаз, ашытых иухәыцуа сара исымандаз! (Поговорка) – «Первое твое решение осталось бы тебе, а второе твое решение – мне!»; Убриссоумхәакәа ұытқ уара иутәны исықәындаз! (Д.Гә.) – «Был бы я в долгую перед тобой, чем слышать от тебя такой разговор!»; Гәүілжәара сзырымуандаз! (Б.Г.) – «Не рассстроили бы они меня!»; ...Хазғаб аңара даанахәандада.. – «Попала бы наша дочь в школу!»; Ҳаи, зыбжы газ ағба сара истаушәа иқандаз! (Д.Гә.) – «Был бы пароход, который гудит, моим!»; Сәәкүеит, шанды! Амра гылар, Избоит сыйыхақәа хъзыркны (Б.Ш.) – «Мучаюсь, рассвело бы! Вздохнет солнце и я увижу горы свои, омытые золотыми лучами»; Амфа ухәама, амфа башоуп, Ҳырламшәандада ағышәыг! (Б.Ш.) – «Обойдемся без дороги, не попали бы к зверям!»

КОМПОНЕНТЫ СТРУКТУРНОЙ ОСНОВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Субъектный компонент

Подлежащее в абхазском языке не имеет специальной грамматической формы, которая отличала бы его от других компонентов предложения. Это объясняется отсутствием категории склонения в абхазском языке. Однако имя в абхазском языке не является грамматически аморфной частью речи. Оно располагает своими морфологически выраженнымми категориями. К ним относятся категории общности, определенности, неопределенности, притяжательности, превратительности и др. Имя не во всех этих категориях выступает в функции подлежащего. В этом отношении противопоставляются категории общности, неопределенности, определенности, притяжательности и форма лишения, превратительная и послеложные формы имени. Последние формы имени не выступают в функции подлежащего. Они не характерны и для ближайшего объекта. Подлежащее и ближайший объект могут быть выражены лишь общей, определенной, неопределенной и притяжательной формами имени.

Общность синтаксических форм подлежащего и ближайшего объекта в противоположность косвенному и простому объектам (в некоторых случаях) наводит на мысль о том, что, во-первых, в имени уже, хотя и слабо, но наблюдается функционально-грамматическая оппозиция форм: общая определенная и неопределенная, формы имени противопоставляются превратительной форме, форме лишения и послеложным формам; во-вторых, общность словарных форм имени для подлежащего и ближайшего объекта находит свою аналогию в общности формы именительного падежа (независимой словарной формы) для субъекта (при переходном глаголе предикате) и ближайшего объекта (при пере-

ходном глаголе-предикате в иберийско-кавказских языках, обладающих эргативной конструкцией).

В оппозиции словарных форм имени и формы превратительности получают свое отражение зчатки формирования системы склонения в абхазском языке, о чём уже известно из специальной литературы¹.

Наряду с именами существительными синтаксическую позицию подлежащего могут занять субстантивированные имена прилагательные, местоимения, числительные, инфинитная форма глагола, масдар, словосочетание, инфинитная конструкция и т. д.

Имя существительное в синтаксической позиции подлежащего

Нарицательные имена существительные в категории общности являются типичной формой выражения подлежащего.

Аиа҃әқәә жожа ү-нҭалон хланы (И.К.) – «Звезды огненно яркие низвергались в бездну»; *Ашхараҳь инеуан аԥтақәә ббаза* (И.К.) – «Мчались (шли) к горам облака»; *Аԥстазаара ԥхъақа аца ү-аԥын* (И.П.) – «Жизнь продолжала идти вперед»; *Днеуеит аԥхәызба ақытә мфаҳәастаала* (Б.Ш.) – «Идет девушка по сельской тропе»; *Аҳәсақәә неицәажәеит* (Д.Г.) – «Женщины переговорились».

Неопределенная форма имени в синтаксической позиции подлежащего

Нарицательные имена (и фамилии) в категории неопределенности часто занимают позицию подлежащего.

Карма҃ыск шәаҳәоит абжы ҳаракы... (Б.Ш.) – «Соловей (какой-то) поет звонко»; *Нхафык дыѣкан* («Апс.л.») – «Жил-был какой-то крестьянин»; *Аим҃әацәә рахъ уағ д-цеит* (И.К.) – «К грабителям пошел какой-то человек»; *Ра҃т дыѣтәм զба зныѣәом* (Поговорка) – «Пароход без негра не поплынет (пароход, в котором нет негра)»; *Арыдбак дыѣланы д-цәажәон* (И.К.) – «Арыдба (какой-то) стоя говорил».

¹ К.В. Ломтатидзе. Проблема склонения в абхазском языке (на грузинском языке, резюме на русском). Изв.: ИЯИМК, т.ХII. Тб., 1942, стр. 183–197.

Значение определенности в именах существительных (нарицательных) определяется контекстом, в собственных же (в фамилиях) – ударным префиксом **а** – (другие собственные имена по своей семантике являются всегда определенными).

Амаршын д-цеит иуа бара Ашәықа. («Апс. л.») – «Маршан пошел в Ашвы к родственникам»; *Абыркәынданбақа қылара идәүіләйт* – «Быркундбовцы отправились совершать набеги»; *Шарқазық Алиас Торқанраа рәғы д-аат* (Д. Гә.) – «Однажды утром Алиас пришел к Торкану».

Притяжательная форма имени реже встречается в синтаксической позиции подлежащего.

Лхы-лұзың ңиңде лхаччоит, лыбла шаша тұңыцьыааует (С.Ч.) – «Лицо ее красивое всегда в улыбке, красивые ее глаза сияют»; *Лыхиды ңиңде шықтыруа лыбда иқәын* (И.П.) – «Ее красивые косы лежали на ее спине»; *Аңеи бзид иаб д-әа-хоит* (Поговорка) – «Отец хорошего сына молодеет»; *Сашың ашкол ахъ д-цеит* – «Мой брат пошел в школу»; *Мәфада-шыттра ишытқысаа и-неиуеует са срашь саманы* (Н.Б.) – «В неизведанные дали мчит меня мой араш».

Местоимения в синтаксической позиции подлежащего

В синтаксической позиции подлежащего встречаются личные, указательные, неопределенные, определенные, отрицательные и притяжательные местоимения.

Личные и указательные местоимения довольно часто занимают синтаксическую позицию подлежащего.

Сашаң мәдәкәа са саанғасуам (Б.Ш.) – «Не допев до конца свою песню, я не перестану петь»; *Уара у-еихабуп, иара деиңбуп!* (Б.Ш.) – «Ты старше, пусть он будет в роли младшего!»; *Шәеңцимаазең нас шәара?* (Б.Ш.) – «Не пришли вы вместе?»; *Лыңсатда бзиахааит, рыңха, лара аңаҳәартә д-ыкоуп, Сара амцхәартә с-ыкоуп* (И.П.) – «Царство ей небесное, она там, где правду говорят, а я здесь, где не правду говорят»; *Үрт тәауп, ипхоуп* (Б.Ш.) – «Они в тепле и сыты»; *Үрт гәаныла ибзиаңәкъаны еибадыруан* (И.П.) – «Они (те) друг друга понимали очень хорошо без слов»; *Шәарт шыапқыақъараа, зыңза шә-еилагеит!* (Б.Ш.) – «Вы, широколапые, совсем с ума сошли!»; *Үи*

дәгүйчүеит, дәғәйчүеит... (Б.Ш.) – «Тот ворует...»; *Үи шәаңхъа дтәоуп* (С.Ч.) – «Он сидит перед вами».

В функции подлежащего выступают также:

1. Неопределенные местоимения:

Цюуқы ааиуеит ихәмаруа, иччо (Б.Ш.) – и «Кое-кто, (кто-то) идет шутя, смеясь»; *Өйла азәы диасны дцион* (И.П.) – «Верхом на лошади кто-то проезжал».

2. Определенные местоимения:

Зегзы рнапқаа еиңиркьеит, нас инатәеит (Д.Гә.) – «Все похлопали в ладони и сели»; *Шәааскъа зегзы!...* (Б.Ш.) – «Приближайтесь все!»; *Досу рхы ахынахоу ицеит* – «Каждый пошел куда попало».

3. Отрицательные местоимения:

Илақәа шақышақъо ашта иаатғағыжыт, аха азәгъы дықамызт (С.Ч.) – «Глазами он обшарил весь двор, но никого не было».

4. Определительные местоимения:

Ихатда дылан ашта ағәттаны – «Сам (он) стоял посреди двора».

Имя прилагательное в позиции подлежащего

Выступая в функции подлежащего, имена прилагательные субстантивируются. В этой функции выступают обычно, качественные прилагательные.

Ақыағ днамзеит, ау дымлақәит (Поговорка) – «Короткий не достал, длинный не нагнулся»; *Ағәақ д-жәаҳәафүп* (Пословица) – «Мученик хороший рассказчик».

Имя числительное в позиции подлежащего

В функции подлежащего выступают количественные, сортировочные, порядковые и др. имена числительные. В этой функции они приобретают значение предметности.

Количественные числительные до десяти в классе вещей выступают в функции подлежащего обычно в сочетании с именами, которыми они сливаются.

Ағрық еибашыуан, Хабжықыт дқәашон (Поговорка) – «Два войска воевали между собой, а Хабжкут плясал»; *Иара уа дышигылаз ө-усасақ аат* («Апс. л.») – «Пока он стоял там, подошли к нему две овцы».

Количественные числительные в классе человека, порядковые и собирательные числительные могут самостоятельно выступать в функции подлежащего.

Илеибартәақәеит афыцъагы («Апс.л.») – «Сели оба»; Шәаи, шәыбжъык шәеициқәгыл («Апс. л.») – «Давайте, все семеро станьте вместе!»; Афыцъагы ყытраамтәк ფყртуамызт (И.П.) – «Оба долго молчали»; Уи душыр, имыцхәра уайәы дубап! Убригыы үгәйдә! Ахфыкгыы д-жалоит... (Б. Ш.) – «Его убьешь, другойстанет! И того убей! Третий появится».

Инфинитная форма глагола в позиции подлежащего

Выступая в функции подлежащего, инфинитная форма глагола приобретает значение предметности.

Акыр ззеилу акреимаркуеит (Поговорка) – «Спорят (между собой), обычно, те, у кого есть что-то общее»; Иуваануа аанды уаленишиуеит (Поговорка) – «Кто тебя победит, тот заплетет тебя в забор»; Изша илабашы аакыдхны дәәықалоит (Поговорка) – «Кому суждено потеряться, тот возьмет свою палку и сам уйдет».

В этой же функции выступает и масдар:

Ари нахыс анықәара еиҳагы имариахара икоуп (И.П.) – «В будущем передвигаться (ходить) будет легче»; Ақазаара ас сәәы ахшәеит, ахысхыра сымч ашәеит (Б. Ш.) «Жить мне надоело, беготня сломила меня».

Инфинитная конструкция в синтаксической позиции подлежащего

Синтаксическую позицию подлежащего в структуре абхазского предложения нередко занимает инфинитный оборот или инфинитная конструкция.

Ашылж ишьацәхныслаз шыбыжъаанза дышацәхныслоит (Поговорка) – «Споткнувшийся (человек) утром спотыкается до полуночи»; Ила асаулра ахыртәз Кадыр зынза дараапкит (И.П.) – «Кадыра взвесило то, что его сыну предложили должность есаула»; Атырқәа гаәа ршыапы нықәдыргылеит зтәыла ныжыны иказ (С.Ч.)

– «Ступили на турецкую землю (берег) те, чтошли туда, оставив свою Родину»; Абилет змаз иңысны ашәах рәынархеит (И.П.) – «Имевшие билеты (те, у кого были билеты) двинулись к дверям».

Конструкция эта, как и другие инфинитные обороты, состоит из двух и более знаменательных слов, объединенных общностью синтаксической функции. Организующим центром конструкции является глагол инфинитной формы.

Уахсит иақәпәз дхайазаїәын («Н.С.») – «Боровшийся с Уахситом был одинок»; Зыбжы газ Уахсит дишьрацы иәаихеит («Н.С.») – «Тот, чей голос раздался, направился на Уахсита, чтобы убить его»; Зтәы сықәу, уайәы уеизгыы уеизгыы даауеит («Апс.л.») «Тот, кому я должен, обязательно завтра придет».

Конструкция эта не имеет своего соответствия в русском языке. Она в абхазском языке выступает в функции придаточного предложения подлежащего. Однако в абхазском языке она лишена абсолютной грамматической предикации и не представляет собой придаточного предложения. При дословном переводе конструкция эта более соответствует причастным оборотам русского языка. Однако синтаксическая позиция эта не характерна для русского причастного оборота.

Астол иахатәақәаз неибарччеит (И.П.) – «Сидевшие за столом засмеялись»; Аәы заараз шыапыла дыхыңыуеит... (Б.Ш.) – «Вырастивший коня плетется пешком».

Инфинитная конструкция подлежащего переводится на русский язык большей частью придаточным предложением подлежащего.

Сасра имцац асас дизнықәгом (Поговорка) – «Тот, кто не бывал в гостях, не может принимать гостей»; Зхы ҳатыр ақәызә азәгыы ҳатыр иқәи҃оит (Поговорка) – «Кто себя уважает, тот уважит и другого»; Уала ихәааз дыхәазеит, гала ихәааз деитанхеит (Поговорка) – «Тот, кто разорен родственниками, разорен навсегда, а тот, кто разорен врагами, заживет заново».

Инфинитная конструкция во всех случаях, когда она занимает позицию подлежащего, субстантивируется и получает грамматическое значение предметности. Значение предметности грамматически выражается личным аффиксом, посредством которого эта

конструкция вступает в синтаксическую предикативную связь с сказуемым.

Са исықәрышаны итәз рыхқә рықәйжыны и-зырған (А.Г.) – «Сидевшие вокруг меня, опустив головы, слушали»; *Адырфаены ауал зқазыз ие-и-зеит* («Апс.л.») – «На второй день должен скрыться»; *Ауал згартаз дычко далагеит* (Апс.л.) – «Тот, кто должен был получить свой долг, стал смеяться».

Как уже было отмечено выше, исследуемая инфинитная конструкция характеризуется относительной смысловой цельностью и синтаксической неразложимостью. Относительная смысловая самостоятельность достигается с помощью глагола инфинитной формы обозначающей действие или состояние и выступающей в одной из временных форм. Однако действие, здесь не увязывается с определенным действующим лицом, т. е. внутри инфинитной конструкции нет выраженного ни лексически, ни грамматически действующего лица, нет синтаксического подлежащего лица. Личный аффикс заменяется здесь аффиксами относительных местоимений **и** или **з**, которые не различают ни лиц, ни числа, ни грамматических классов. Конструкция сама целиком выступает в функции подлежащего и занимает синтаксическую позицию подлежащего.

Ари з-баз иңар-шын ах иа-р-хәеит («Апс.л.») – «Увидевшие это удивились и сообщили об этом царю»; *Ажәлар и-реиуаз д-аагылан ие-и-хәеит аусқә зеңшраз* («Апс. л.») – «Представитель народа вышел и передал ему о предстоящем деле»; *Абас ахра и-адиааз ахреиши д-ығә-әәоуп* (Б.Ш.) – «Рожденный скалой крепок, как скала».

Бывают случаи, когда в инфинитной конструкции и глаголе-сказуемом выступают разные подлежащие. В таком случае подлежащее инфинитной конструкции может получить словесное выражение и обозначаться в глаголе инфинитной формы личным показателем. И в таком случае вся инфинитная конструкция, получив предметное значение, выступает в функции подлежащего глагола-сказуемого и обозначается в нем личным аффиксом.

Ах ине-и-шытыз уи ахабла, ағнқә зегзы рышәқә ғәкәаны и-р-беит («Апс. л.») – «Присланые царем (те, которых прислал царь), когда пошли по деревне, увидели, что столбы на всех домах помечены».

Таким образом, реальное подлежащее инфинитной конструкции не получает в сказуемом своего выражения.

В инфинитной конструкции инфинитная форма глагола выступает в одной из временных форм. Однако эта временная форма выступает с относительным значением с дополнительной временной ориентацией. Временное значение глагола инфинитной формы определяется через отношение ко времени глагола. Однако в связи с субстантивацией всей конструкции иное значение ослабляется.

Аха убасқан акахуда знаңауз құаад бұзыцк ииңдеит цахак иақарас (Б.Ш.) – «В это время подавший кофе подал ему кусочек тонкой бумаги»; *Мышки ахра зауз шәфқы рхы хисеит* (Поговорка) – «Получивший на один день престол царя срубил сотням людей головы»; *Ә-жықак ирышыталаз акғызы изымкит* (Пословица) – «Погнавшийся за двумя зайцами ни одного не поймал».

Является относительным и значение модальности, выраженной этой глагольной формой. Инфинитная форма глагола, как и в других инфинитных конструкциях, не может выступать в функции сказуемого, она не может завершить высказывание, в связи с чем оборот не получает интонационной и смысловой законченности и не поддается синтаксическому членению. Исследуемая инфинитная конструкция, заняв позицию подлежащего, выступает в grammatischekое отношение с сказуемым. Грамматическая предикация всего предложения формируется именно этим отношением, в результате чего мы получаем не два предикатных центра, а один и только один.

Между инфинитной конструкцией и сказуемым устанавливается, как между обычным подлежащим и сказуемым, предикативная связь. Связь эта выражается аффиксом ряда **д** или **л** в зависимости от переходности и непереходности глагола-сказуемого. Показатель финитной конструкции, выступающий в позиции подлежащего, всегда является синтаксически субъектным лицом.

Ұала ихәаз дыхәазеит, ғала ихәаз д-еиттанхеит (Пословица) – «Разоренный родственниками разорен навсегда, разоренный врагами заживет опять»; *Аңғыла зхәйциуа ңәғъала диасуеит* (Пословица) – «Злоумышленник умирает плохой смертью»; *Ағы иашызыз*

иңсәә иңәуан (Пословица) – «Пьяный оплакивал своих покойников»; *Аандан идыргылаз агәтә дәталон* (Пословица) – «Тот, кого поставили на краю, лез во внутрь»; *Итәаны ирымбыз дғыланы иөд-и-робон* (Пословица) – «Тот, кого не заметили на месте, тот встал и показался».

Как видно из вышеприведенных примеров, глагол инфинитной формы, выступающий организующим центром инфинитной конструкции, образован аффиксами относительных местоимений **и, з**. Однако встречаются единичные случаи, когда инфинитная форма образована обстоятельственным элементом **-ахъ**. В таком случае синтаксическая связь выражается морфологически лишь в сказуемом аффиксом подлежащего.

Иң асаулра ахъиртәз Кадыр зынза дараапкит (И.П.) – «Кадыра взбесило то, что его сыну предложили должность есаула»; *Диәәптиңхатуа днаңышы-аапшуа, дартынчумызыт Надиен иареи ренииара иалышаз ахъизымдыруа* (И.П.) – «Его беспокоило то, что он не знал пока ничего о результатах встречи его с Надей».

Как показывают материалы, инфинитная конструкция в подавляющем большинстве случаев выступает в функции подлежащего третьего лица единственного числа, реже множественного числа. В редких случаях она выступает в функции подлежащего второго и реже первого лица единственного и множественного числа.

Кроме организующего центра – глагола инфинитной формы – в конструкцию могут входить имена существительные, местоимения, числительные, наречия, прилагательные, масдар, деепричастные формы и др.

Уахсит иақәпәз уаҳа илымшо дааңсан, дкаңаит («Н.С.») – «Боровшийся с Уахситом устал и упал»; *Уахсит абни алашара қазжо еили-каарцы адәықәлара иеазикхъян, аха ешъас дәказәз дишытуамызыт* («Н.С.») – «Уахсит уже не раз собирался отправиться туда, чтобы узнать, кто там светит, но не разрешал ему тот, кто его побратал»; *Азырыши иақашәаз амца дақәңалеит* (Поговорка) – «Испугавшийся горячей воды прыгнул в огонь»; *Шәфык идырүо шәфык дрыңсоуп* (Пословица) – «Тот, кого сто человек критикует, тот всех их стоит»; *Рахәйрхара иңаз дақәшаҳатхеит* («Апс. л.») –

«Шедший за добычей скота согласился»; *Са исықәыршаны итәаз рыхқәа рықаңжыны изырауан* (А.Г.) – «Сидевшие вокруг меня, опустив головы, слушали».

Связь между элементами конструкции осуществляется посредством притяжательных, личных аффиксов, послелогами, союзами, примыканием, позицией и т. д.

Хъзыла иңсыз уара уоуп («Апс. л.») – «Погибший с честью есть ты»; *Ах инеиштыз ахабла иалалт...* («Апс. л.») – «Те, которых послал царь, вошли в село»; *Ағы иашызы иңсәә иңәуан* (Пословица) – «Опьяневший оплакивал своих покойников»; *Аандан идыргылаз агәтә дәталт* (Пословица) – «Тот, кого оставили на краю двора, влез во двор»; *Зұс рызбоз сара сакын* (Апс. л.) – «Кого судили, был я»; *Зыңсы еиқәхаз ҳаңсы ҳаманы ҳцеит* («Апс.л.») – «Уцелевшие (мы) ушли в попыках».

Бывают случаи, когда позицию подлежащего занимают однородные инфинитные конструкции, связанные между собой интонацией. С глаголом-сказуемым они связаны субъектным аффиксом, являющимся общим для всего оборота.

Ладатә иаая, ғадатә иаая, амрагыларахътә, амраташәарахътә иаая убыстәи ииасуан («Н.С.») – «Шедшие с юга, шедшие с севера, шедшие с востока и запада проходили оттуда»; *Үи датәа-зымбоз, игәтасуаз иацы, иахъа ишъамхнышлан икалт ркырц* (Б.Ш.) – «Кто не считался с ним, кто толкал его вчера, сегодня будут преклоняться перед ним».

Инфинитная конструкция подлежащего, как видно из примеров, большей частью встречается в повествовательных предложениях. Бывают случаи, когда она встречается и в составе вопросительных, побудительных предложений.

Изакәйтә гәагузеи Омар дзықашәаз? (Б.Ш.) – «С какой местью столкнулся Омар?»; *Абилет змоу шәтәл амашына!* (И.П.) – «Те, у кого есть билеты, садитесь в машину!»

Следует отметить, что инфинитная конструкция, занимающая позицию подлежащего, встречается преимущественно в пословицах и поговорках. Нередко встречается в литературном языке. Она является обычной и для разговорной речи.

Словосочетание в синтаксической позиции подлежащего

Позицию подлежащего могут занять синтаксически (функционально) неразложимые словосочетания, состоящие из: 1) имени существительного с другим именем существительным; 2) количественного имени числительного с существительным; 3) местоимения с другим местоимением; 4) имени существительного с местоимением.

Словосочетание в целом связывается сказуемым, как и подлежащее, субъектным аффиксом.

Хәык ахәычқәа амца иахъахатәаз иара и-хәаңшуан (И.П.) «Тroe детей, сидя у очага, смотрели на него»; *Кытәк ағы инхон ფыცა аишицәа* («Апс. л.») – «В одной деревне жили два брата!»; *Уаа ფажәаფык рабцъар кны дара амфа ркын* («Апс.л.») – «Человек двадцать вооруженных сидело в засаде»; *ფыცა аҳасахаычқәа ақызхъча ләы инкылсит* («Апс.л.») – «Две девушки пришли к птичнице»; *Хаңаки ფәыыски реиңш ხаиқәгәыгүа ხакоуп уареи сареи* (И.П.) – «Мы с тобой надеемся друг на друга, как супруги»; *Аччаҳәа ататын рыпхуа Ахмат ифызциаи иареи аказарма и҆аттаан* (И.П.) – «Табак низали Ахмат и его друзья, сидя в сарае».

Сказуемое

Сказуемое – это конституирующий компонент структурной основы предложения. Он выступает организующим центром предложения. Сказуемое в предложении абхазского языка наряду с модальновременными отношениями вмещает в себя функции субъектно-объектных отношений. В нем грамматически сконцентрированы синтаксические функции и именных, и глагольных компонентов предложения других языков (например, русского).

Ядром сказуемого является глагол. Широкие синтаксические возможности сказуемого продиктованы полисинтетизмом глагола абхазского языка. Однако понятия «глагол» и «сказуемое» не соотносительны. Они не соотносительны, хотя бы, потому, что относятся к разным языковым уровням.

Категории глагола проявляются в парадигматической оппозиции его форм. Сказуемое же – результат сложных синтакси-

ческих соотношений субъектно-объектных и модально-временных планов. Выше мы указывали, что границы словесных и синтаксических компонентов структурной основы предложения не совпадают. Синтаксические компоненты структурной основы предложения находятся в семантическом взаимопроникновении, взаимозависимости, взаимообусловленности. Части же речи вообще не связаны с такими синтаксическими отношениями. Лексико-морфологическая единица (например, глагол) организуется внутренними своими лексико-морфологическими средствами.

Сказуемое же не ограничивается рамками одной лексической единицы. Он может состоять из одного, двух и более самостоятельных лексических единиц, каковыми являются, например, составной глагольный и составное именное сказуемое. Кроме того любая именная основа, оказавшись в позиции сказуемого оформляется личными и модально-временными показателями, т. е. предиктивно оформляется.

Различие глагола и сказуемого заключается не только в этом.

Не всякий глагол может взять на себя функции сказуемого. Существует в абхазском языке ряд глагольных образований, морфологическое строение которых не позволяет им выступить в функции сказуемого. Вопрос этот подробно освещен в монографии Л.П. Чкадуа «Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах». Однако на некоторые моменты мы все же укажем здесь.

Как известно, в абхазском языке по словообразованию и морфологической структуре, глаголы делятся на две группы: глаголы финитного строя и глаголы инфинитного строя. Глаголы инфинитного строя, в свою очередь, подразделяются на вопросительные и невопросительные. Ядром сказуемого являются глаголы финитного строя и глаголы инфинитно-вопросительного строя. Глаголы же инфинитно-невопросительного строя в конструктивно необусловленной позиции не могут выступить в позиции сказуемого. Это связано с тем, что они характеризуются неопределенностью своей семантики и относительным временным значением. Причем неопределенность семантики и относительность временного значения продиктованы не контекстом, а при-

сущи глаголам инфинитно-невопросительного строя структурно, что дает им возможность выступать в функции организующего центра инфинитных конструкций, заменяющих в абхазском языке придаточные предложения.

Глаголы финитного строя в позиции сказуемого. Глаголы изъявительного наклонения финитной семантики в позиции сказуемого

Глаголы изъявительного наклонения финитной семантики обладают абсолютным временным значением и являются основным средством организации синтаксического индикатива. Они выступают в позиции сказуемого в восьми временных формах.

Форма настоящего времени

Синтаксическую позицию сказуемого может занять форма настоящего времени статического и динамического глагола изъявительного наклонения финитной семантики.

Аңсынтаила икач惆ут амра акапҳара, Игэырѓоут иахъа, ишатුеут аԥсабара, Алада ихәмаруеут ага ацәкәырҭара, Афада и҆зъазъазуеут ашъха фаскъара (Б.Ш.) – «Апсны купается в солнечных лучах, радуется, цветет природа, на юге играет волнами море, на севере блещут горные громады»; Абла ахътам алағырӡ аауам (Пословица) – «Где нет глаз, там нет и слез»; Амра хааза иҳақәыч惆ут, Амшын гәырѓа агәы иеифеиуеут, Ерцахә т҆гыла иҳалапшуеут, Хөыц нхара иазгәырѓауа (С.Ч.) – «Нас освещают сладкие, солнечные лучи, море от радости волнуется, Ерцаху стал и смотрит на нас, радуясь нашей новой жизни». Иңшуп, иңшуп амшәи абгei, Цхагәтәнаныңда дара ҭшуп (Б.Ш.) – «Ждут, ждут волк и медведь, ждут они до полуночи».

Форма аориста

Аорист выступает в позиции сказуемого со значением однократно совершенного действия.

Төркан дналбаан днеин арахә аатициеит (Д.Г.) – «Торкан спустился (с балкона) и выгнал скот»; Шарҭазык Алиас Төрканраа рөы дааит (Д.Г.) – «Однажды ранним утром Алиас пришел к Торкану»; Аңшәмаңхәыс дәғагылан дығхалт афны, иаадәйлылгейт айәца азна азы, инеилыркит (М.Л.) – «Хозяйка вышла, вошла в дом, вынесла оттуда стакан воды и подала ему»; Ицеит урт амишәа, Имфасит схәычра, Исызхайт, сցъацеит, Сарҭысхеит сара (И.К.) – «Прошли те дни, и прошло детство, вырос я, возмужал»; Иңкыш-пәкүшза лылахь аԥхзы чаврала иаалырбеит («Алашара») – «Она вытерла со лба крупные капли пота платком».

Форма прошедшего несовершенного времени

Форма прошедшего несовершенного времени выступает в позиции сказуемого со значением прошедшего незаконченного действия.

Иара ацашьа камыршәкәа ицион, ицион (И.П.) – «Она(машина) шла и шла, не убавляя скорости»; Абас шаанза аб игәақуаз иәарпын զызуан, Агәақашәа нақ изәфауаз Абахәгъы гәынқуан (Б.Ш.) – «Так до рассвета стонал ачарпын (свирель) несчастного отца, слушавшая песню горя, вздыхала скала; Пыткъызы дшаон ақәаңара дыңаланы дахъцоз (И.П.) – «Она, проходя через лес, немного побивалась»; Камачыч хәычы арт ирхәоз лаҳазомызт, дҭахәхәа дыңәан (Д. Г.) – «Маленькая Камачич не слышала, что они говорили и сладко спала».

Форма прошедшего неопределенного времени

Форма прошедшего неопределенного времени статического и динамического глагола выступает в позиции сказуемого со значением однократного совершенного действия с указанием на последующее действие.

Тәмел ашырҳәа дәғагылан афны дындаылкьеит (И.П.) – «Тамел встал вспыхах и выскочил из дома»; Аңхәызба лөы анылызәзәа, ҹамфақәак азы лжәын, нас даақәгъежын, лыңхал алакар инаңаргыланы, ӟыла иртәны лкәақәа инықәыргылан, амфахәаста

даныланы лұғыналхеит («Н.С.») – «Девушка, умывшись, выпила несколько глотков воды, а затем повернулась и кувшин свой поставила под желобом, наполнила водой, поставила на плечо и пошла по тропе»; Җарак қәбк азна акәаң жәуа икнахан, егъирахъ ғыңға арғарцә абысста еилахә ақәаб иахагылан («Апс.л.») – «На одном месте варился полный котел мяса, на другом двое ребят стояли над котлом, перемешивая мамалыгу».

Форма давнопрошедшего времени

Форма давнопрошедшего времени, выступая в позиции сказуемого, указывает на отдаленное прошедшее время.

Үареи сареи акыр ұйабаа еицаабахъеит (С.Ч.) – «Мы с тобой много в жизни трудились»; Ағынчра шхәртам уажәыгы иузеилымка-ацт (Д.Гә.) – «Ты до сих пор не понял, что воровать нехорошо»; Цоуп, сыңымақәа урызын, аха убри ақара унықәызгахъеит (С.Ч.) – «Правда, ты пас моих коз, но я столько и кормил тебя»; Мамоу упсы злоу ма-къана исоумхәацт («Н.С.») – «Нет, ты еще мне не сказал, где твоя душа»; Дамеи Мактина длыштықхъеит (И. П.) – «Дамеи уже перестал ухаживать за Мактиной».

Форма давнопрошедшего упреждающего времени

Форма давнопрошедшего упреждающего времени, выступая в позиции сказуемого, указывает на отдаленное прошедшее время, предшествующее другому действию.

Леуарса Мез иеы дақәтәаны дцахъан (И.П.) – «Леуарса верхом на лошади Меза»; Уара уааиаанзагы абрақа ахәсақәа рызхара ихацәхъан (Д.Гә.) – «До твоего прихода женщины уже ругали вдоволь нас»; Қиынқылағ-ица Манча хайа иқәрагъ крифахъан, ңора зқәым ахъз ирхахъан («Апс. жәл. рп.») – «Пшикиач-ипа Манча – герой был уже в летах и славой он уже гремел»; Лара уи асалам шәкәы уажәадагы дағхылақхъан (И. П.) – «Она это письмо не раз уже перечитывала»; «Уара уиаанзагъ угара қаҳҗахъан («Н.С.») – «До твоего рождения, мы уже подготовили тебе люльку».

Форма будущего первого времени

Форма будущего первого времени, выступая в позиции сказуемого, обозначает действие, которое обязательно совершившись в будущем.

Шәалага аус ғыңға, ишәйшхараап ақытсовет, ҳаиҳабыра, атрактор-қәагы шәзаап (С.Ч.) – «Начните новое дело, помогут вам сельсовет, наше правительство, пришлют и тракторы»; Аус ғыңға азыныказы иаңуп аудадафрақәа, аха уртғызы ақакала шәйриаап (С.Ч.) – «Новое начинание всегда связано с трудностями, но вы, их победите»; Ахра иаңынды амза ангыло сәғәрғъо сазыңшап, Ақаңқаңқәа аныңхъарыло рыбжы саҳалап (Б.Ш.) – «Я с радостью буду наблюдать восход луны из-за хребтов, слушать пение горных индеек».

Форма будущего второго времени

Форма будущего второго времени, выступая в позиции подлежащего, обозначает действие, в совершении которого говорящий уверен.

Ақытсовет есқынгызы ишәйзөлымхазаашт, ишәигәу-ишәибзуо гәннаталашт (С.Ч.) – «Сельсовет будет всегда заботиться о вас, выявлять ваши недостатки»; Ахы, улөүжәйшиш, слаяхәәпшышт («Апс. жәл. рп.») – «А ну, сходи-ка с коня, я погляжу на тебя»; Сан-неилак сыхәмарашт, Сылдырратә сылбашт, Сыбжы ғақаңа инала-хашт, Қазашы еиллыргашт (И.К.) – «Когда я примчусь к ней, погорцую на коне, она узнает меня, услышит мой пронзительный голос»; Бара избо даға уамак ҳалабгалашт (И.П.) – «Я уверен в том, что ты придумаешь еще какую-либо дерзость».

Форма будущего категорического времени

Форма будущего категорического времени, сочетая в себе значение категоричности с оттенком повеления, выступает часто в позиции сказуемого.

Сара, дад, абра сиит, абра саазеит, абра сагыңсыроуп (И.П.) – «Я, дад, родился здесь, вырос здесь и должен умереть здесь»; Уажәыңәкъа

ииз аққаын хәызы иаҳтароуп хъзык (Д.Г.) – «Мы должны сейчас дать имя родившемуся ребенку»; Хан-хаңсадғыл ҳаңсаҳароуп, иұалымшарц ҳалхаршароуп (Б.Ш.) – «Мы должны быть достойными матери-Родины, чего не успели еще, должны успеть»; Сара истәхуп агара! Аха уи агара гара еиңшымзароуп, уи агара аихартәа иаlhзароуп. Насгы ахала агәйдықәа ийсүазароуп, аха ианысыа ашытыбжь игароуп имаҳаузароуп («Н.С.») – «Мне нужна люлька! Но она не должна походить ни на какую другую люльку, она должна быть вылитая из железа, она сама должна качаться, но ее шум не должен доходить до ребенка»; Ахәақәа цқьатәуп, ибылтәуп (С.Ч.) – «Межи надо уничтожить, сжечь». Ақәаттан үзара ицәйіңдәахтәуп (С.Ч.) – «Плуг надо где-нибудь прятать»

Заглазная форма глагола в позиции сказуемого

Заглазная форма глагола совмещает в себе значения реальной объективной модальности и субъективной модальности с оттенком неуверенности, сомнения, которые исходят всегда от говорящего.

Заглазная форма глагола обладает финитной семантикой и абсолютным временным значением. Встречается нередко в позиции подлежащего.

Схәйцира шъарда инаскъазаап, Са снырхара башытамзаап, Бнапқәа баша итатазаап, Амалағазы бытшазаап, бытшзара ауағы дажъозаап (Б.Ш.) – «Надежда моя, оказывается, удалилась, ты обо мне, оказывается, не думаешь, напрасны нежны, оказывается твои руки, напрасно, оказывается, красивая ты, красота твоя, оказывается, подводит человека»; Әарынк ңиқарц днавалазаап иаҳәйзба хәызы кны, дымшәйз үйыршын баша ирҳазаап арахә ицәшәаны (Б.Ш.) – «Оказывается вышел срезать ачарпын своим маленьkim ножом, а скот испугался, оказывается, приняв его за медведя»; Амфағы тәкәажәык қамчык кны дғылазаарын («Апс.л.») – «Оказывается, на дороге стояла какая-то старушка с плетью»; Излархәо ала дықазаарын Аңсны Абраскыл захъзыз (Д.Г.) – «Как об этом говорят, в Аңсны, оказывается, был Абраскил».

Сослагательное наклонение глагола в позиции сказуемого

Сослагательное наклонение, образованное суффиксом **-рын**, в позиции сказуемого выступает с ирреальным значением, с относительном или абсолютным времененным планом в зависимости от контекста.

Абсолютное временное значение оно имеет в контексте с побудительной семантикой, в сложных же синтаксических конструкциях – относительное временное значение.

Сослагательное наклонение, образованное суффиксом **-шан** выступает обычно с побудительной семантикой с абсолютным времененным значением.

Еидгылеит хаңынырха еибашырала... Угәы иаанагарын үаҳаным мчыс итәз зегзы зынкала еиңтүйт ҳәа (С.Ч.) – «Столкнулись они в войне насмерть... Можно было подумать, что все силы ада вышли разом». Сара сөйсшырын, сыйың тұысхрын бәз ишалымсуз здыруазар (Ш.Р.) – «Я бы покончил с собой, если бы знал, что это тебя не заденет»; Хычас даазгар исташа здыррын (Д.Г.) – «Если бы я его брал в качестве пастуха, я бы знал, что ему положено»; Уара, сәйықәларын ахәйнәтқар иаҳ (Д.Г.) – «Отправлюсь-ка я к государю»; Зегзы схарштың сидтәаларын сәз иркышәашәаз иркәандарын (Д. Г.) – «Забуду-ка я все зло, сяду-ка я рядом с ним, успокоит он обиженное сердце»; Уара Дамеи, ак уасқәарын (И.П.) – «Слушай-ка Дамей, скажу я тебе что-то»; Шәарах ахъағору шымдырзou? Хәызык сшаарыцирын («Апс. л.») – «Не знаете ли вы, где водится дичь? Поохочусь-ка я немного»; Ақәанза сцашан иаҳ! – «Погеду-ка я сегодня в Сухуми».

Конъюнктив в позиции сказуемого выступает со значением ирреальной модальности. Ирреальное значение проявляется с допускательной или побудительной семантикой. В обоих случаях конъюнктив имеет абсолютное временное значение.

Ирхадмырштааит, изызырфааит ҳабаңа рашәа... (С.Ч.) – «Пусть послушают, пусть помнят песню наших отцов»; Убри злахынә ҳшо, – иҳәеит ашаңа руазық, – убас лахынәс имазааит дғылыл ҳарак ақны ңұаызбак длеилахааит, дзеилахаз аңұаызба дима дшаауа амца неицираланы дыблааит («Н.С.») – «Тот, счастье которого мы обсуждаем, – сказал один из ангелов, – пусть будет наделен таким счастьем;

Пусть он влюбится в девушку далекой страны. Когда он возвратится с нею, пусть по дороге он сгорит в огне; Пытрак лхала дықазаат, лгэы лхаштып, – иҳәеит Леурса (И.П.) «Пусть побудет еще она одна, придет в себя, – сказал Леурса».

Глаголы повелительного наклонения в позиции сказуемого

Глагол повелительного наклонения выступает в позиции сказуемого со значением ирреальной модальности и абсолютного времени.

Да уаасқаңшишь, да уаасқаңшишь. Убла тбаақә снырттарғшишь! (Б.Ш.) – «Посмотри-ка мне в глаза, посмотри мне в глаза, дай взглянуть в твои глаза!»; Уахазайык уцәқәырта, уахазайык уөйрба, Улеи, улеи узхара! (Б.Ш.) – «В эту лишь ночь волнуйся, в эту лишь ночь красуйся, лейся лейся, вдоволь!»; Ифишь, иф, уахан абни! – «Съешь, съешь, возьми то!»; Улахәыхыз, сажаенираала, улахәыхыз улахәых (А.Л.) – «Будь бодрым, мой стих!»; Уи шәиңамышыцын шәара («Алашара») – «Вы не завидуйте ему!»; Уагырмацихан, кыргыз рәоумыдан! – иҳәеит Пифагор («Алашара») – «Не ругай их не корми! – сказал Пифагор»; Уаарылаңшишь арт ىەвжәйиз, зәир удыруазар аасырхан... (Б.Ш.) – «Взгляни на спешившихся, если кого знаешь, скажи мне!..» Угәы пүмжәан, уеумыргәкын Ҳабаш («Алашара») – «Не нервничай, береги сердце Хабаш»; Уаңхыа, ухата ублақәа рыла иумбари... («Алашара») – «Прочитай, увидишь сам своими глазами»; Дад, уахъааз ала уца, Акгыз згап ҳәа уақымгәигын! (Б.Ш.) – «Сынок, иди туда, откуда пришел, не старайся забрать с собой ничего».

Глаголы желательного наклонения выступают в позиции сказуемого с ирреальным модальным значением пожелания или побуждения. Временное значение при этом у них абсолютное.

Сәәкүеит, шанда! Амра гылар. Избоит сыйхакәа хъзыркны (Б.Ш.) – «Мучаюсь, рассвело бы! Солнце взойдет, увижу мои горы, освещенные золотыми лучами»; Уигыз илшо аабандаз... (Д.Гә.) – «Увидели бы мы и его возможности (что он может)»; Алиас дыдмырзында, ари сымхызы арахә еимырәаргы (Д.Гә.) – «Не посадили бы Алиаса, если бы даже я лишился урожая...»; Иаамушаз, иаҳамгәағышаз анаагәағы, уажәштың усгызы ма ҳазгаб айара даанахәандаз (Д.Гә.) – «Раз мы решились на все, хотя бы нашу dochь приняли в школу»; Даныхәычыз

зынзаск даҳмыштындаz Aқәақа (Дж.А.) – «В детстве не послали бы его в Сухуми»; Ҳаи, ара итәаны қрызфоз саақәшәандаз! (Д.Гә.) – «Встретился бы я с тем, кто здесь сидя ел»; Аи, дыздыруандаз абри абаа ақайара хыс иамоу ауағы (Д.Гә.) – «Знал бы я того, кому поручено строительство этого храма»; Зынза газасгы сумпхъаңдандаz! (И.П.) – «Не принял бы ты меня за глупца!»

Вопросительные формы глагола изъявительной семантики в позиции сказуемого

Вопросительные формы глагола изъявительной семантики выступают в позиции сказуемого со значениями реальной модальности и абсолютного времени преимущественно в вопросительных предложениях. Они выступают в функции сказуемого во всех временных формах изъявительного наклонения.

В форме настоящего времени

Бзиа бибозаргы Җемыри бареи шәеиңшума? (И.П.) – «Если даже он любит тебя, Темыр разве достоин тебя?»; Уабаңоу, сара исоумхәаզоу? («Аңс. л.») – «Куда ты идешь, не скажешь мне?»; Ҳазгъари, уашыңаа убар иудыруоу? («Аңс. л.») – «Хазгари, ты узнаешь своих братьев, если увидишь их!; Абри уара иушәу арратә форма атқәыс илшәйләр илнаалоу, илнýмаалоу? (И.П.) – «Если оденет женщина твою военную форму, подойдет ей или нет?»

В форме аориста

Акриғабдоу ма? Аңшәа быйзхәоу қәнагала (М.Л.) – «Ты его накормила? Уделала ему должное внимание?»; Ҳзышытоу ашәарах атәартә жәбама? (Б.Ш.) – «Вы не обнаружили следы преследуемого нами зверя?»; Зәир дидырма, иқалази, афаст (Б.Ш.) – «Кто-либо узнал его?»; Даҳытәыда, дыжәдырма ари атұңызар (Б.Ш.) – «Откуда он, кто-либо узнал этого купца?»; Мшәан, исхаشتма? Ақалтқәа ңасыреу? Ожә даағналар азахра сшағу? (Б.Ш.) – «Не забыл ли я подогнуть подол? А вдруг он зайдет пока я завершу шитье?»

В форме прошедшего несовершенного времени

Абри асасаирта ашә дахәажәазу? (М.Л.) – «Говорил ли он о двери в гостиницу?»; Дудыруазу, Җъат, Қаласа ауачар? (Б.Ш.) – «Знал ли, Джат, Каласу-торговца?»

В форме прошедшего неопределенного времени

Иаковхеит, уаргы уақәшәама ишәакь? (Б. Ш.) – «Яков ты испугался его ружья?»; Абас маңара үказма, Гагра? (Б.Ш.) – «Такая ли была всегда Гагра?»; Аа, аратәуп, крышәтәхызма? (Б.Ш.) – «Да, я местный, хотели Вы что-либо?»

В форме давнопрошедшего времени

Ари дудыруоу? Дубахьюма ұаракыр? (М.Л.) – «Знаешь ли ты его? Видел ли ты его где-либо?»; Җәгъала дыңшазаап, дубахьюуара? (Б.Ш.) – «Оказывается, она очень красива, видел ты ее?»

В форме будущего времени

Сұабаақә зегзы набжәазрыма?.. Гәағшақә исыштыоу сағсыжърыма? (Б.Ш.) – «Пропадет ли весь мой труд? Прошу ли я тех, кто преследует меня?»; Уи даарушь нас ҳқытта ақынза (Б.Ш.) – «Приедет ли он в нашу деревню?»; Дабацеи мишән, лара Астанда, Истроузарыш лақәажәартә? (Б.Ш.) – «Где же Астанда, удастся ли мне поговорить с ней?»

Глаголы инфинитно-вопросительного образования в позиции сказуемого

В позиции сказуемого встречаются глаголы обстоятельственно-вопросительного и относительно-вопросительного инфинитного образования со значением реальной модальности и абсолютного времени.

Глаголы обстоятельственно-вопросительного образования в позиции сказуемого

Инфинитная основа глагола обстоятельственно-вопросительного строя образована обстоятельственными элементами **ахъ, ан, ш**. Для выражения вопроса в них используется вопросительный аффикс **ба (па)**.

В функции сказуемого они выступают в формах времен изъявительного наклонения.

В форме настоящего времени

Ачымазағ дышқақоу? (Д.Г.ә.) – «Как себя чувствует больной?»; Нас арт ирзыңар ишқақалоу? («Алашара») – «Как они будут выглядеть, если вырастут?»; Қытак рыңқа дныжыны сабоугоу сара? (И.К.) – «Оставил дочь целого народа, куда ты заберешь меня?»; Ишәмәфаңыси аконференция? («Алашара») – «Как прошла конференция?»; Уа Кудинат ҳрыңхара зықәшәаз, ҳаштоуфеи, ұланат, ҳалганы ұлаңым ҳашқаугеи?! («Апс. л.») – «Как ты нас погубил, Кудинат, как же ты привел нас из рая в ад?!»; Ҳаит, ҳара адауцә ҳариааиуан, ғарак шәхазымкылеи?! («Н.С.») – «Мы великанов побеждали, как же мы не смогли остановить люльку?!»

В форме прошедшего несовершенного времени

Бара бөғи ақазаара шәстәхымхоз, аха ағұдара сырымтәйт, ишқазурыз («Апс. л.») – «Как же я могла не желать оставаться у тебя, но не дали мне другого срока!»; Уара иуатәашыны абрانза ушқамааиуаз! – «Как ты мог позволить себе не приходить сюда!»

В форме будущего I времени

Ажәлар шәсіхәаңри сара сашыа ишъра сашытаз ааргама-хар? (И.П.) – «Как посмотрит на меня народ, если выяснится, что я хотел убить брата?»; Аа, Соуқарраағы ауп уаҳа сабақалара? – «У Соукара, где я еще могу быть?»

В функции сказуемого встречается также глагол обстоятельственно-вопросительного образования в форме сослагательного наклонения. Сказуемое в данном случае имеет ирреальное модальное значение.

Икама инаден аағышны ахақә дасыр ишпейфыршаарыз («Апс.л.») – «Оправив лезвие кинжала, если бы он ударил камень, как бы он его разрезал!»; *Аха усгыры иштоубарыз Хымур сара бзия дызбоит, уара улыцрың ҳәа сузнеир?!* (И.П.) – «Как бы ты посмотрел на то, если бы я пришел к тебе и сказал: «Оставь ты Химур, я ее люблю?»

Глаголы относительно-вопросительного образования в функции сказуемого

Инфинитная основа глаголов относительно-вопросительного строя образована аффиксами относительных местоимений **и, з.** В качестве вопросительных аффиксов здесь используются суффиксы **-да, -зеи, -зи, -и.**

Сказуемое и в данном случае имеет значение реальной модальности и абсолютного времени. В функции сказуемого глаголы относительно-вопросительного строя выступают в формах времени изъявительного наклонения.

В форме настоящего времени

Дарбан ҳара ахымзғұзырго, уи еиңш згәағыуда? («Н.С.») – «Кто смеет опозорить нас, кто на это решится?»; *Бара, ари ашәкәы зтәйда* («Алашара») – «Чья эта книга?»; *Урт үзстәда, иззашиуе?* («Алашара») – «Кто они такие, на что они жалуются?»; *Уи бзиоуп, аха ىхираарас шәзықәгәйгуе?* («Алашара») – «Это хорошо, но на какую помочь вы рассчитываете?»; *Уи ағыза амаңура аңхәйизба иазылуазе?* – «К чему такая служба для девушки?»

В форме аориста

Изгада ара иқәыз ашәкәы? – «Кто взял книгу, которая лежала здесь?»; *Изәда иахъатәи аурок?* – «Кто выучил сегодняшний урок?»; *Узаашытзеи Алыбеи?...* (М. Л.) – «Для чего прислал тебя Алыбеи?»

В форме прошедшего несовершенного времени

Илхәцуазеи Хымур абри ағен? (И.П.) – «О чём думала Химур в тот день?»; *Изаҳаудаз уи иихәоз?* – «Кто слышал то, что он говорил?»

В форме давнопрошедшего времени

Иңизшәахъада са сгәақра еиңш? (Ш.Р.) – «Кто испытывал подобное горе, как мое?»; *Шақафы ашыра зықәқәоу ауаа збахъада?* (Д.Гә.) – «Сколько людей, приговоренных к казни, видел я здесь?»

В форме давнопрошедшего упреждающего времени

Абри уара ىәгъара ззуухъада? (Д.Гә.) – «Кому же ты делал зло?»; *Абас еиңш агәақрагы збахъада?* – «Кто испытывал такое мучение?»; – *Еилыбкаахъоузей?* – Ирхәоит дәлаацәарам! (Б.Ш.) – «Что ты узнала? – Говорят, что он холост!»

В форме будущего I времени

Ех, Хылқаң, сыйлаузаңсахари? (С.Ч.) – «Эх, Хикуч, как отблагодарить тебя?»

Глаголы относительно-вопросительного образования выступают в функции сказуемого и в форме сослагательного наклонения. Сказуемое в таком случае имеет ирреальное модальное значение.

Аңақәырә билгъя-билгъя еиштылан сара схәыцираз ирхәарызеи (Б.Ш.) – «Катяющиеся друг за другом волны, что скажут о моей думе?»; *Уан агәақгы инласхәарызеи?* – «Что же мне сказать твоей несчастной матери?»

Именные основы в позиции сказуемого

В синтаксической позиции сказуемого может выступить любая именная основа. Принимая функцию сказуемого, такая имен-

ная основа получает полное предикативное оформление: к ней присоединяются морфологические показатели синтаксических категорий лица, времени и наклонения.

Абас ахра иалиааз ахра еиңш дыгәзәо-уп, Мчы дазынкылом гәйла дыцьбаро-уп (Б.Ш.) – «Рожденный скалой неприступен как скала, никакая сила не сможет одолеть его»; *Днеиуеит Ҳацъарат агаңа даваланы, И-тәәо-уп иара изы Гәымста арха еиужыра* (Б.Ш.) – «Узка для Хаджрата пойма реки Гумста»; *Ахтны-мца, тбаазаргъ, у-арпхом, лагырз-уп, Аңаңха-мца маңзаргъи и-пхоуп, и-раз-уп...* (Б.Ш.) – «Огонь княжеского очага большой, но не греет, огонь апа-хи теплый, добрый!»; *Чамхара ақыттан иара дырдағы-н* (Б.Ш.) – «Он был преподавателем в селе Чамхара»; *Шытрала д-аамысттан, (и) Маанқәан иара дзыжәлаз...* (Б.Ш.) – «По происхождению он был князь, родители его были из рода Маан»; *Д-ауп, д-агъфархұп, изара еихыкка...* (Б.Ш.) – «Он высокий, худощавый»; *У-чқыно-уп абзиарақә шәкы урыниап...* (Б.Ш.) – «Ты молод, много хороших дел ждет тебя»; *Арахә дәнықала и-гро-уп, ауағытәысса фнуңқала дыгро-уп* (Поговорка) – «Скотина пестра снаружи, человек пестр изнутри»; *Ишәзеило маңым, шә-аамыстқәо-уп, шә-еишыцәо-уп, Иудыруеит Марытхәа иахъа дынцәо-уп* (Б.Ш.) – «Немало у вас общего, вы князья, братья, знаешь ты, Марытхуа сегодня бог».

Предикативное оформление получает в позиции сказуемого атрибутивный комплекс.

Са с-жәйтә қырысиануп, аинрал ухаңкы... (Б.Ш.) – «Я старый христианин, высокопочтенный генерал»; *Наҳар д-тауад лашо-уп...* (Б.Ш.) – «Нахар – сиятельный дворянин»; *Апсны иааңаз Абатаа д-хатса ғыесын иаамтала* (И.К.) – «Возвращенный Абазией Абатаа был герой из героев».

Виды сказуемого по составу

По своему составу сказуемое бывает простой и составной. Составное сказуемое в свою очередь делится на глагольный и именной.

Простое сказуемое выражается одной глагольной формой. В этой функции выступают временные формы изъявительного наклонения, формы повелительного, желательного и сослагательно-

го наклонений, формы конъюнктива и заглавные, вопросительные формы глагола. Все, о чем мы говорили выше, относится к простому сказуемому.

Глагольное составное сказуемое

В первой основной части глагольного составного сказуемого выступают масдар, деепричастные формы, условные и условно-целевые и призрачные формы глагола. Во второй вспомогательной части выступают вспомогательные глаголы *ақазаара* – «быть», «существовать», *амазаара* – «иметь», *акәзаара* – «быть», *алагара* – «начинать», *алгара* – «кончать» и модальные глаголы *агәапхара* – «хотеть», *аңаҳара* – «хотеть», «желать», *аңаңкара* – «намереваться», *алшара* – «мочь» и др.

Глагольное составное сказуемое из масдара и вспомогательных глаголов

С масдаром сочетаются вспомогательные глаголы *алагара* – «начинать», *аңызаара* – «продолжать», «делать», *ақәытца* – «перестать», *алгара* – «кончать» и модальные глаголы *алшара* – «мочь», *аңаҳара* – «хотеть, желать», *агәапхара* – «хотеть» и др.

Масдар выступает как носитель основного лексического значения сказуемого, а вспомогательные глаголы выражают синтаксические категории лица, наклонений, времени и значение субъективной модальности.

Сказуемое из масдара и вспомогательного глагола *алагара* «начинать»

Вспомогательный глагол *алагара* в сочетании с масдаром обозначает, наряду с синтаксическими категориями и начало действия, процесса, выражаемого сказуемым в целом. В вспомогательный глагол могут включаться аффиксы повторности, превербы со значением мгновенности действия и др. Вспомогательный глагол обычно следует за масдаром, но может и предшествовать ему.

Есма аңдажәара далагеит (Д.Гә.) – «Эсма начала (стала) говорить»; *Убра ҳнеини абри асықъа аигәйдәра ҳалагеит* (А.Г.) – «Пришли туда и начали играть в снежки»; *Алахәа ду ашра иалагеит* (Д.Г.ә) – «Большая серая собака начала лаять»; *Ила хтны данынаңш, аңәилашара иалагахъан* (Д.Г.ә) – «Когда, открыл глаза, онглянул, уже рассветало (уже начинало рассветать)»; *Есма адәйләразы ағырхиара далагахъан* (Д.Г.ә) – «Эсма уже готовилась выходить»; *Нас зегзы ашәхәара, акуашара еитәлагахт* (Д.Г.ә) – «Затем начали вновь петь, танцевать»; *Басиат дналагеит иажәа ахәара* (Д.Г.ә) – «Басиат приступил к своей речи».

Предикат из масдара и вспомогательного глагола ағызаара

Вспомогательный глагол **ағызаара** в сочетании с масдаром обозначает процесс без указания на его начало и конец. Вспомогательный глагол **ағызаара** статический и поэтому встречается лишь в форме настоящего и прошедшего неопределенного времени.

Уа ... амрагъ аңырыра иағын (Д.Г.ә.) – «Там и солнце уже всходило»; *Анемец фырхацәа ҳфык абра иағын айх агара* (Б.Ш.) – «Три немецких молодчика тут коротали ночь»; *Зынзак дышытпрааны акәашара дағын* (Д.Г.ә.) – «Танцевал(а) он (она) очень легко (словно взлетал)»; *Амра ташәаанза аиғахысра иағын* («Алашара») – «До захода солнца перестрелка продолжалась».

Сказуемое из масдара и вспомогательного глагола аћәытца

Вспомогательный глагол **аћәытца** в сочетании с масдаром обозначает конец действия.

...Амца еихсығын, азы ашра иаћәыцит (И.П.) – «Огонь горел слабо – вода перестала кипеть»; *Дәйрігъайә Нығәгъы даақалан, иғарпын даћәыцит архәара* (Б.Ш.) – «Ныгу обрадовался и перестал играть на ачарпыне».

Сказуемое из масдара и модальных глаголов

В сочетании с масдаром выступают модальные глаголы **алшара, ағаэзкра, атаххара**.

Бзиала, сәғизәа, шәара ишәйлишоит абарт ракчара (Б.Ш.) – «Прощайте друзья, вы сможете их прогнать»; *Ишакәхалакгы аңара атахуп уаҳ* (Д.Г.ә.) – «Как бы то ни было надо туда пойти»; *Хәйлбығеоуп, аилашәшәра ағаэнакуеит* (Б.Ш.) – «Вечер, вот уже темнеет».

Сказуемое из условных форм глагола и вспомогательных глаголов

Условные формы глагола, образованные суффиксами **-р, -зар** выступают в позиции сказуемого в сочетании с вспомогательными глаголами **аћалара, акәзаара**.

Синтаксическое субъектное лицо получает свое выражение в первой, условной части сказуемого, а модальность – в вспомогательной части. Синтаксическое время в зависимости от состава сказуемого иногда выражается в первой части, в большинстве же случаев – в вспомогательной части.

Вспомогательные глаголы, кроме того, несут значение субъективной модальности (возможность-невозможность).

Сказуемое из условной формы на -р и вспомогательных глаголов

Условная форма глагола на **-р** сочетается с вспомогательными глаголами **аћалара и акәзаара**.

Сказуемое, состоящее из условной формы на **-р** и вспомогательного глагола **аћалара**, встречается в будущем и в прошедшем синтаксическом времени. Вспомогательный глагол **аћалара** при этом встречается в формах будущего I, II, прошедшего несовершенного времени и в форме аориста (в отрицательном образовании).

Уи макъана дыңқыноуп снапағы даазгар қалап (И.П.) – «Он пока молод, может быть, мне удастся взять его в свои руки»; *Бызғыло-*

узеи, миәан, бтәар қамлари? (И.П.) – «Почему ты (ж.) стоишь, нельзя ли тебе присесть»; Аамыстаңақәак рыхъз анын уажараанза, уалакысыр қаломызт («Алашара») – «До сих пор то числилось на имя каких-то князей, нельзя было то трогать»; Уара асәдәкъа усмаңақәар қалон (И.П.) – «Ты мог так крепко не ругать меня»; Уа үзара үхыраарк сұттаргы қалон (И.П.) – «Ты мог помочь мне где-то там»; Арт абна илїны имцар қамлеит (И.П.) – «Им нельзя было не уходить из лесу»; Аха быңқын үзабаахтарк иқәымшәар зықалашам (И.П.) – «Однако сыну твоему нельзя не понести какое-нибудь наказание».

Вспомогательный глагол **ақалара** обычно следует за условной формой, но может и предшествовать ей.

Иқалап иаарласны рбызшәақәа еибакыргы (И.П.) – «Возможно, они скоро поймут друг друга».

Сказуемое из условной формы на **-р** и вспомогательного глагола **ақәзаара** // **акәхара** встречается преимущественно в прошедшем синтаксическом времени, реже – в будущем синтаксическом времени.

Ус шықалоз сазхәызыр акәын («Алашара») – «Я заранее должен был подумать, что так может случиться»; Асқаамтагы идәықалар акәын..., аха дзықашәақәаз деиңадырхеит (И.П.) – «До сих пор надо было отправить их, но ему помешали кое-какие обстоятельства»; Иара итәи иналакысыз ауағы адунеи даныңыр акәын («Алашара») – «Тот, кто осмелится тронуть собственность, должен попрощаться с миром»; Сғызызәи сареи уа ҳаңқымшәар, ағынқа сгъежыр акәхон (И.П.) – «Если бы я с товарищами не встретился там, то мне пришлось бы вернуться обратно»; Аңара бұлымшагәышөзар шъарала ҳайлгар акәхеит (И.П.) – «Если у тебя нет денег, то придется тебе натураой расплатиться».

Условная форма на **-р** встречается в сочетании с модальными глаголами **аңаххара** – «хотеть», **алшара** – «мочь», **аура** – «делать».

Абри хъаас икеиңеит, еиликаар итәххеит («Аңс.л.») – «Его беспокоило то, он захотел выяснить то»; Акы еигшымкәа илеиҳәар итәххеит (И.П.) – «Ему очень захотелось сказать ей то»; Уажәы ихы нықәданы, илаңақәа еихъышыны данығагыла, днахәаңш-аахәаңшыр итәххеит (И.П.) – «Когда Темир высавшился, привстал, захотел про-

смотреть газету»; Абна ауатқаң ағы ңұрысматқа ықазар, исзаугар, сөсисыңсахыр стаҳуп (И. П.) – «Если в той комнате есть какие-либо женские вещи, принеси, хочу переодеться»; Иаса, абра үзаранза ужәннеир ҳтәхын («Алашара») – «Иаса, нам хотелось, чтобы ты для нас пошел куда-то»; Саида илтәхуп дымғахызкъаз апхәыс дауашиб дылтырыр (И.П.) – «Саида хотела уйти от женщины-великана, которая овладела ею»; Уажәштың үхалшоит ҳаңқымшәар... («Алашара») – «Теперь мы можем действовать легально»; Аура ианаамтәу ианузымбъя ғрак шытнамхыр ауам (Н.Х.) – «Если необязанного коня вовремя не объездишь, он обязательно приобретет какой-нибудь недостаток»; Ари ахәызы иан дығақханаигеит, ағынқа дымцарап иуам – «Ребенок соскучился по матери, хочет пойти домой».

Сказуемое из условной формы на -зар и вспомогательных глаголов

Условная форма на **-зар** выступает в позиции предиката в сочетании с вспомогательными глаголами **ақалара**, **ақәзаара** // **акәхара**.

В данном сочетании синтаксическое время определяется главным образом условной формой глагола, т. с. первой, основной частью сказуемого, образующейся от различных временных основ глагола.

Иқалап аңыхаттаңтаи ахтысқәа акыр дырыхәыцзар («Алашара») – «Возможно, последние события заставили его немного призадуматься»; Иқалап урт әнзы абнах рәғинархазар (И.П.) – «Возможно, они сначала направились в лес»; Бынасың еитә ибыциымнықәазаргы қалап, сахәшья (И.П.) – «Возможно, тебя опять подвело счастье, сестра»; Уи диашазаргы қалап (Д.Гә.) – «Может быть он и прав»; Ус баша дбыздааузар акәхап (Ахрестоматия) «Видимо, он просто так спрашивает тебя»; Уажәы арахъ адәахы даадаылзар акәхап (Д.Гә.) – «Видимо, он сюда во двор вышел»; Аңхәызба уара дуаҳашызар акәхап (И.П.) – «Девушка, видимо, доводится тебе сестрой»; Баргы бхаңда даара бзиа бибозар акәхап (И.П.) – «Видимо, твой супруг очень любит тебя».

С условной формой на **-зар**, образованной от основы статического глагола, сочетается модальный глагол **аңаххара** – «хотеть».

Сара Хыкәйч убри акомиссия даラазар сұхуп («Алашара») – «Я хочу, чтобы Хикуч входила в состав этой комиссии»; Адагъы азы изтөу зегзы иреихазар атахуп (Поговорка) – «И лягушка хочет, чтобы вода, в которой она находится, была больше всех вод».

Сказуемое из условно-целевых форм глагола и вспомогательных глаголов

Условно-целевые формы глагола на **-рц // рацы, -ртә // ратәы, -раны** выступают в позиции сказуемого в сочетании с вспомогательными глаголами **ақезаара, ақазаара, алагара** и модальными глаголами **ақәкра** – «решить», **атаххара** – «хотеть», **ағаэзкра** – «намереваться» и др.

Сказуемое из условно-целевой формы на -рцы//рацы и вспомогательных глаголов

С условной формой на **-рц//рацы** сочетаются вспомогательные глаголы **ақазаара, алагара, ағаэзкра** и модальные глаголы **атаххара, азбара, ақәкра, ағаэзкра, ағаэапхара, алшара**.

Синтаксическое время и наклонение получают свое выражение в вспомогательной части, синтаксическое лицо – в обеих частях (за исключением вспомогательного глагола **ақезаара**).

Даара бзеигәрыңғаша ак басқаары сүкоуп (И.П.) – «Я сообщу (должен сообщить) тебе радостную весть»; Уаңаашытахь, хәйләзәи дарап дыкоуп (Д.Гә.) – «Он должен приехать послезавтра вечером»; Дук мырсықә ақыта аизара қарқары икоуп (С.Ч.) – «На днях в селе должны провести собрание»; Ҳара иңегъ цәйкә ҳаары ақәын (И.П.) – «Мы собирались приехать чуть раньше (до вечера)»; Агарцәеи абжыаратә нхафәеи, арахә реиңш, аколнхара иаларцалары иалагеит (С.Ч.) – «Бедняков и середняков стали загонять, как скотину, в колхоз»; Мыкыч ибз шхам ғәғәала Қемыр ихырсыры далагеит (И.П.) – «Мыкыч решил своим ядовитым языком задеть Темира»; Мүн ари, ухы итүхәаит, ҳаидушылары утахуп егызхарам шыуки сареи (И.П.) – «Это – ложь, ты сам сочинил, хочешь столкнуть меня с невинными

людьми»; Зинағы абыста антара дахъағыз иаалгәаңхеит Мыкыч итәи дналаңдағажәарцы (И.П.) – «И Зине захотелось оттуда, где она стояла, расскладывая мамалыгу, поговорить о Мыкыче»; Ирызбеит ақытәсовет ахантәағы адырра иртәрәп (С.Ч.) – «Решили сообщить об этом председателю сельсовета»; Мыкыч, аказы суаңағажәарци сұхуп (И.П.) – «Мыкыч, я хочу поговорить с тобой»; Ман, шәара шәйңызыр ғалшом (Андерсен, Алакәкәа) – «Нет, вы недолжны умереть»; Истахуп, дадраа, абызар кны шәйлагылары («Алашара») – «Хочу я стать рядом с вами с ружьем в руках, сыновья мои»; Цыыға избейт дызығыз иажәа неигзары (И.П.) – «Джигу решил докончить свою речь»; Аишиңә ашәфықгы аашаңағәан Сасрықәа дырышырыц иақәыркит («Апс.л.») – «Все сто братьев решили убить Сасрыкуа»; Зны ғуарк аасхәан, снапала исыбжылары иақәылжит (Н.Х.) – «Однажды я купил необъезженного коня и решил объездить».

Сказуемое из условно-целевой формы глагола на -ртә//ратәы и вспомогательных глаголов

Условно-целевая форма на **-ртә//ратәы** выступает в позиции сказуемого в сочетании с вспомогательным глаголом **ақазаара**.

Сказуемое такого состава встречается в настоящем и прошедшем синтаксическом времени.

Үрт руакы стиуазаргы, уи шәартә сүкоуп (Д.Гә.) – «Если понадобится, я продам одного из них, но долг я в состоянии выплатить»; Схәычын усқан, акамбашықәа раңхәа сгылартә сүқан (И.П.) – «Тогда я был молод совсем, мог погонять буйволов»; Атахмада иақәиқыр Сима ұхыраарқ литартә дықан... (И.П.) – «Старик при желании был в состоянии помочь платить»; Схәычын усқан, акамбашықәа раңхәа сгылартә сүқамызт (И.П.) – «Я был еще ребенком, не мог погонять буйволов».

Реже встречается сказуемое из условно-целевой формы на **-раны** и вспомогательного глагола.

Қырттәылатәи асасқа ажәак бархәараны икоуп (С.Ч.) – «Гости из Грузии должны сообщить тебе о чем-то»; Ани апленум ақны... Тариел ажәахә қайқараны дықан» (М. Ах.) – «На этом пленуме Та-

риел должен был выступить с докладом»; *Фынғықера нысқырғызы аиартта сзагылұраны сықам* («Алашара») – «Проживи я две жизни, все равно не суждено мне встать с постели».

Сказуемое из деепричастных форм и вспомогательных глаголов

Деепричастные формы выступают в позиции предиката в сочетании с вспомогательными глаголами **алагара**, **ақазаара**, **ақалара**. Синтаксическое лицо получает свое выражение в обеих частях сказуемого, время и наклонение – в вспомогательной части.

Вспомогательный глагол **алагара** сочетается с деепричастной формой, образованной посредством суффикса **-я→о**.

Сасрыққа днеин, иаҳәа аатихын адау ихәда дасуа далағеит («Апс. л.») – «Сасрыкуа подошел к великану, вынул саблю и стал быть великаном по шее»; *Иара аңшәмәгызы деилахәа-еилаца даағналан...* иааиз дрыхәаңшуа далағеит («Алашара») – «Вошел и сам хозяин разодетый и стал смотреть на пришедших»; *Акулакқа кны иттаркуа иа-лагеит* (И.П.) – «Кулаков начали сажать»; *Уажәштың агәра зғаңәкъо салағеит убарт зегзы ҳабла иабо ишиқало* («Алашара») – «Теперь я стал верить в то, что все это мы своими глазами увидим».

Вспомогательный глагол **ақазаара** сочетается с деепричастными формами, образованными посредством суффиксов **уа→о**, **-ны** и **- (м)кәа**.

Самсон уи азықәан ұытқ дгәааны дықан (И.П.) – «Самсон по этому поводу немного был сердит»; *Иан амақеиңш дышәни дықан* («Алашара») – «Его мать посерела как точильный камень»; *Иаазқылаз ашәаҳәара иақәйңи иқан ардәйна* (М.Л.) – «В последние дни дрозд больше не пел»; *Ҳаи, уажәра қәғъахааит амыхъта уны үқазаап...* (И.П.) – «Несчастливой старости тебе, оказывается, ты поступил непорядочно»; *Еиҳабы-еиїбы игәеибатаны аҳатыр еиқаырәо иқан* (И.П.) – «Старшие и младшие уважали друг друга»; *Афицар ициз асолдат аурыла иара дааидфыло дықан* (И.П.) – «Солдат, который сопровождал офицера, был такого же роста, как и офицер»; *Абыжықәа иғоз иғәи иқәиғуан ада аеакы изеилкаауда дықамызт* («Алашара») – «До него доходили лишь звуки, которые раздавались тут, боль-

ше он ничего не чувствовал»; *Есма уаанзагы уртқаа лымбаңәкъо дықамызт...* («Алашара») – «Эсма и до этого видела все это»; *Даргызы гәфарақәак рымамкәа иқамызт* (А.Г.) – «И их, видимо, что-то беспокоило»; *Ари қәына қәышк иакәымкәа дықам* (И.П.) – «Этот парень не глуп».

С теми же деепричастными формами сочетается и вспомогательный глагол **ақалара**.

Аңсшыарақәа раан ачамгәир адирхәо, иқәашо иқалеит (И.П.) – «В выходные дни играли на ачамгуре, танцевали»; *Уажәштың маңа уск улымха интысшырғызы қәғъа исымбо сақалеит* (И.П.) – «Теперь уже мне хотелось поделиться с тобой своими секретами»; *Урт рыхъз анихыла инаркны гәеиңыхрак ҳаманы ҳзықамлеит* (И.П.) – «С тех пор как они сошлись, не было у нас радости»; *Даара дхаңа бзиахеит Ҷат, акы дыннамкылазо, алаапк дағызындық әкелеит* (И.П.) – «Джат стал крепким, бесстрашным мужчиной».

В функции вспомогательных глаголов выступают в редких случаях глаголы **ақәхара** «остаться», **анхара** «остаться».

Такәына азныказы дааиқәйәшеит... илуа лзымыруа даақажеит (И.П.) – «Такуна сначала растерялась»; *Ауағы захъзу дысыздыруа сынхон* (И.П.) – «Иногда я становился таким, что не знал, что такое человек»; ...*Даарак дзамеигәиргьеит, длакфакуа даақажеит* (И.П.) – «Он не смог обрадоваться этому, растерялся».

Сказуемое из призрачной формы глагола и вспомогательных глаголов

Призрачная форма глагола, выступая в позиции сказуемого, сочетается с вспомогательными глаголами **ақазаара**, **ақалара**, **ақатцара** (в функции вспомогательного глагола). Синтаксическое лицо в сказуемом такого состава получает выражение в обеих частях, синтаксическое время и наклонение – в вспомогательной части. Сказуемое из призрачной формы и вспомогательного глагола **ақазаара** встречается в формах настоящего и прошедшего синтаксического времени.

Ауағы дызустаң рдыруан. Патыхә ихъзын, Қәазбан, қәралагызы дыпшқамызт, уағы қыачақышәа, уағы гызмалашәа дықан (И.П.) –

«Знали кто этот человек. Его звали Патух, был он вроде шутник, хитроват»; Даанахәеит ааи, саргыы, апышәара дзыркуаз ар҃афәә среиуашәа сы́коуп, издыруеит (И.П.) – «Да, приняли его в институт, я участвовал в приемных экзаменах, знаю»; Абри сзыңхъо ашәкәы иану удыруашәа уқандаз (И.П.) – «Знал бы ты, что написано в этой книге, которую я читаю».

Сказуемое из призрачной формы и вспомогательных глаголов **ақалара, ақаңда** встречается в формах настоящего, будущего и прошедшего синтаксического времени.

...Ус қашәңдер, гектарк иақау анорма иамцхәны иаашәрыхызшәа шәкәлоит (И.П.) – «Если вы так сделаете, то получится так, будто вы с гектара больше нормы урожая получили»; Саида зназы дааигәрыгъеит атахмада илирхаз ажәа, аха нас деиқәңшылаа, акы деиқәннахәалазшәа даақалеит (И.П.) – «Саида сначала обрадовалась сообщению старика, но затем она утихла и сделалась такой, будто что-то связало ее»; Урт, ирымбазошәа қарғоит (А.Г.) – «Они делают вид будто не замечают то»; Саргыы исымбазошәа қасқоит (А.Г.) – «И я делаю вид будто не замечаю то»; Сыхәмаруашәа қасқон, аха сшааңдәкъон (А.Г.) – «Я делал вид, будто шучу, но на самом деле боялся»; Афырмахъә аахацыңхъаза аерыцхатәны, аңа итзызаауан, нас илеиха-феихашәа қанаңон (Ф.Иск.) – «После каждого удара хворостиной, дрожал он, а затем передвигался немного»; Хымур лылахъ еиқәын, лыбжыы неиңыхны дыхәмаруашәа, дычкошәа қалғон (И.П.) – «Химур была грустна, но она делала вид, будто ей весело».

В функции вспомогательных глаголов иногда выступают **аура «делать», аbara – «видеть»...**

Анышәынträкаә ирүвсны рәғанынарха Иаса даатғылашәа иуит. Зегъы аатғылашәа руит («Алашара») – «Когда прошли мимо могил, Иаса приостановился. Приостановились и другие»; Ахышыңдәгы чакәашәа руит (А.Г.) – «И пастухи нехотя посмеялись»; Аибашира қалеит ҳәа раҳаижъетеи, ара ақалақ иаланхоз ауаа иаҳа еизаигәхазшәа рбеит (И.П.) – «С тех пор как началась война, горожанам казалось, что они большие сблизились»; Цацу зназы ари ашәа бзиазшәа лбеит, аха даарак дзәмейгәрыгъеит... (И.П.) – «Цацу сначала показалось, будто эта песня хорошая, но не очень обрадовалась ей».

В редких случаях в основной части сказуемого выступают инфинитные формы глагола, образованные аффиксами относительных местоимений **и, з** и обстоятельственным элементом **ахъ**, формы будущего I и II времени и др. Они сочетаются с вспомогательными глаголами **ақәзаара, ақаңда**...

Аиңбы өааны ашкол ахъ ицаша иакәын (И.П.) – «Младший через год мог поступить в школу»; ...Уи еиңш аңағъара хәартам, иғазароуп, зны баһхәра бы́коуп (И.П.) – «Знайство – глупость, плохо, когда-нибудь ты пожалеешь сама»; Сыхышыф рзышытны сзызхәыцуазгы уағ иғәи иаҳәаша, дзыргәрыгъаша ракәын (Ф. Иск.) – «Думал я о радостных, приятных вещах»; Ә-қәрышык сара саххадыртәало егыжам (И.П.) – «Десять копеек вряд ли меня сделают богатым»; Урт, (абираққәа) ашәаққәа рыңсаққәа, алабашыққәа иаҳыысхароуп – «Они (знаки) развеиваются на штыках, на палках».

Именное составное сказуемое

В позиции сказуемого нередко выступают имена в сочетании с вспомогательными глаголами. Сказуемое такого состава называют именным. В именной части сказуемого в этих случаях выступают формы имени существительного, имена прилагательные, местоимения, имя числительное и наречие. Они сочетаются с вспомогательными глаголами **ақаңда, ақәзаара, амазаара, ақалара** и др.

Сказуемое из форм имени существительного и вспомогательных глаголов

Наибольшее распространение имеет сказуемое из превратительной формы имени и вспомогательных глаголов **амазаара, ақаңда, ақаңда, ақалара...**

Синтаксические категории лица, наклонения и времени получают свое выражение в вспомогательной части.

... Ожа арғыс еиғамс лылатшы зықашәазгы, фырхәңдас дамамзи лара лхәыциртә (Б.Ш.) – «Тот бесстрашный парень, на кого она сейчас бросила взгляд, был героем ее мечты»; Афатә қайартмағы ақәын иаҳытәаз, уа кырғартас ирыман (И.П.) – «Они сидели на кухне, они

там всегда ели»; *Ман, ман, сан, ишәкало ас мамзаргы қалашыас иамоузе!* («Алашара») – «Нет, нет, мать, как же так, как это может случиться»; *Уи Аңыр қашып өздегыла мазанықәгағыс дамоуп* («Алашара») – «Он является секретарем союза Красного Креста»; *Аңсны раңхыза ҳынтыңарс иамадаң ҳәа иуаздаар?* («Алашара») – «Если тебя спросят, кто был первым абхазским царем?»; *Ажалар жәйтәаахыс айла ду амданы еизартас, зеңши үсбартас ирыман* (Б.Ш.) – «Народ с давних пор собирался около большого дерева»; *Иахъанза гәйжъажагас бсыман бара, Шытарнахыс гәыштыыхгас бсоуит, идыр* (Б.Ш.) – «До сих пор ты была для меня утешением, с этих пор ты будешь для меня вдохновением»; *Анхафы ичеицьыка зниңоз исаан, Акырзинифалоз цәкъарас икашәңан* (Б.Ш.) – «Миску крестьянина вы сделали мишенью»; *Цәкъарас икашәңеит сыйын заңа ихы..* (Б.Ш.) – «Сделали вы мишенью голову моего единственного сына»; *Ахъта ианаклак, ианылахәлак иашыас дәкардан* («Апс. л.») – «Когда они замерзнут, окоченеют, его сделают своим братом (побратают его)»; *Уи қалеит қәажәатәыс амхы ахыдрашәоз...* (Б.Ш.) – «Это стало предметом разговора на поле, где они работали».

С превратительной формой имени в качестве вспомогательных глаголов сочетаются **апхъазара** – «считать», **аштыхра** – «принять», **ашьара** – «считать», **аштыхара** – «остаться», **ақәгылара** – «стать», **«становиться»** и др.

Шәара ұзоук уи аамтә шәеашәңеит зынзаск, Аңсы қымқымрагы шытышәхит қазшыас (Б.Ш.) – «Вы (некоторые) шагаете со временем, воровство стало натурой для вас»; *Сакъантәи артыс артқаа зегзы ргәаларшәара гәадурас ипхъазон* («Алашара») – «Парень из Сакена вспомнить обо всем этом считал гордостью»; *Сара схъаакәа уара гәирфас иумкын* («Алашара») – «Ты не беспокойся за мои болячки»; *Шәфыкгы сышытазааит, гәирфас ибымкын* – «Пусть и сто человек гонятся за мной, ты за меня не беспокойся»; *Иара ахъз ахырхит цәымзыс ишыданы!* (Б.Ш.) – «Изменили название от ненависти!» *Маңы Чиеи минутқәак рыла еиғызцәас иашытабахт* («Алашара») – «Мадж и Чия за несколько минут сделались друзьями»; *Уара зынза өадхәйисс сүпхъазозаап!*.. (И.П.) – «Оказывается ты меня принимаешь за глупца!»; *Иңәйис данықам ңсшибарас ипхъазон* (Б.Ш.) – «Отсутствие жены для него было отдыхом»; *Сышныштыалаз еиңи*

азәы аша еимәданы даағналан лабак кны, ирхха данаасыс, слаха сақалеит («Апс.л.») – «Как только я лег, кто-то вошел с палкой, и, когда он этой палкой меня ударил, я превратился в собаку»; ...*Анкыа сышықаз сүағха сақалеит* («Апс.л.») – «Как и был раньше, я стал человеком (превратился в человека)»; *Мазлоу иқамчы нахихъян длаха даашытәхеит* («Апс.л.») – «Мазлоу ударил ее плетью, и она превратилась в собаку»; *Ахы, убзарбзанха, аниҳәа, ибзарбзанха иақәгылт* («Апс.л.») – «Когда он сказал: «Превратись-ка в пушку», оно превратилось в пушку».

В основной части сказуемого встречаются: имя в категории неопределенности, общности, притяжательности, собственные имена. С ними сочетается вспомогательный глагол **ақәзаара**.

Сара сзаңәгәшшыоуп, нағсы тәкәажәык соуп («Апс.л.») – «Я одиночная, и к тому же старая женщина»; *Ари Циса лоуп, ани ухақны штау ҳашыаду итаңә... роуп* («Алашара») – «Это Циса, а тот, кто повыше тебя сидит, есть мать Гуапханаша, а кто напротив сидит есть сынья нашего дяди»; *Ман, ман Рақмарда ракәым арт...* («Алашара») – «Нет, нет, это не Ракма»; *Аишия лакәын ари* («Алашара») – «Это была Айша».

Сказуемое из имени прилагательного и вспомогательного глагола

В позиции сказуемого выступает сочетание из качественного прилагательного и вспомогательного глагола **ақәзаара**.

Имя прилагательное в этом сочетании субстантивируется и принимает форму неопределенной категории. Синтаксические категории лица, времени, наклонения выражаются в вспомогательной части.

Уара уағ дзықәгәйшша уоуп, фызас ушытысхыр стәхуп (И.П.) – «На тебя можно положиться, я хочу сделать тебя своим товарищем»; *Ари аба ссирзак ами, аиашазы?* (Андерсен илакәқәа); «Это хороший товар в самом деле?»; *Уи уағы наза-ааҙак, уағаңшык иакәын* («Алашара») *Уи таҳмада къағек, еихасықәык иакәын* (И.П.) – «Тот был низенъкий, горбатый старик»; *Соуқар Андарбуа макъана дымнеицизт, уағы лахғылхзак иакәын* (И.П.) – «Соуқар Андарбуа был человек почти среднего возраста, подвижный, веселый».

В позиции именного составного сказуемого встречается атрибутивный комплекс из определяющего и определяемого. В этой позиции атрибутивный комплекс получает предикативное оформление. В постпозитивном компоненте комплекса получают свое выражение синтаксические категории времени и наклонения, а синтаксическое лицо – в препозитивном компоненте.

Аңсны иаазаз Абатаа дхаңа զъефын иаамтала (И.К.) – «Абатаа, вскормленный Абхазией, гремел славой в свое время»; *Урт зегзы ба-шоуп, уи дуаф қьиоуп* («Апс.л.») – «Это все выдумки, он честный человек»; *Ажалар рзы иаамта ҷэгъан* («Апс.л.») – «Для народа трудное было это время»; *Ари ңхъаңа ицаша социалистә қалақууп* (С.Ч.) – «Это перспективный социалистический город»; *Бхәың бзи-оуп Чиа!..* («Алашара») – «Хороший ребенок Чиа!»

Сказуемое из наречия и вспомогательного глагола

В позиции сказуемого выступают качественные наречия в сочетании с вспомогательными глаголами **ақазаара**, **акәзаара**, **ақалара**.

Иубап тәацааракгызы зҳәоу еиқәымшәо..., аха ари атәацәара ас иқамызт (И.П.) – «Бывает не дружная семья, но эта семья не такая была»; *Ки даара дуафажын, ибәз хәаны иңыңкәза иқалахъан* (И.П.) – «Ки был очень стар, спина его была уже горбатая»; *Изамфа иад-кылаз ачабра қапшыза иқалахъан* – «Платок, который был прижат к его щеке, уже был красным!»; *Ари ақара иқаз амал зегзы иара иааидиқылан, қыафла дықан* («Апс.л.») – «Все имущество он прибрал себе и жил пропеваючи»; *Үңшәматқәыс лызбахә даара ибзиа-ны икоуп* (И.П.) – «Идет слава о твоей супруге»; *Иқәашза иқалеит ибла гәыграқәа* («Апс.л.») – «Стали белыми его карие глаза».

Вспомогательный глагол **акәзаара** встречается в сочетании с местоимениями, числительными...

Уи... сара сакәын (С.Ч.) – «Это был я»; *Уи ахаара зҷоу азә лакәын* (И.П.) – «Она была приятная женщина»; *Хара хәык ашәарыңаңа ҳақан* – «Нас было трое охотников»; *Арәаңа зегзы жәафғык ықан* – «Педагогов было всего шестнадцать».

Объектный компонент

Объектный компонент структурной основы предложения сам по себе в формально-грамматическом отношении не отличается от субъектного компонента. Все грамматические формы имен, выступающих в синтаксической позиции субъекта, выступают и в позиции объекта. Это общая, неопределенная (определенная), притяжательная формы имени. В позиции объекта выступает всякое слово с предметным значением вне послесложных форм, форм лишения, инструментальности и превратительности.

Различие субъектного и объектного компонентов, как отметили выше, заключается в различии их синтаксических позиций в структурной основе предложения. Позиции объектного компонента в структурной основе предложения фиксируются объектными аффиксами двух рядов, закономерности использования которых, связаны с переходностью и непереходностью глагола-сказуемого. Ближайший объект и его позиции в глаголе-сказуемом фиксируются объектными аффиксами ряда **д**, занимающими всегда первое место. Синтаксическая же позиция косвенного объекта всегда фиксируется в глаголе-сказуемом аффиксами ряда **л**, занимающими второе (при двухличном глаголе-сказуемом (и третье) при трехличном глаголе-сказуемом) место. В одной структурной основе предложения, в отличие от субъекта и ближайшего объекта, может быть более одного косвенно-объектного компонента (не имеются в виду позиционно-тождественные субъектные и объектные компоненты). Все позиционно-тождественные субъектно и объектные компоненты фиксируются соответственно одним аффиксом. Позиционно тождественные компоненты не образуют особой синтаксической позиции в структурной основе предложения. Например: *Михеи Ҭемыры и-аа-р-хәеит ашәкәә, аручкақәа* – «Миха и Темыр купили книги и ручки». Слова **Миха** **Темыр** в этой структурной основе предложения занимают одну общую субъектную позицию и слова **ашәкәә**, **аручкақәа** – общую объектную позицию.

Совершенно не различаются в формальном отношении и ближайше-объектный и косвенно-объектный компоненты. Поэтому нет надобности рассматривать каждый из них в отдельности.

Общая форма имени в позиции объекта

Ибдируеит, алұхынрак хөшаха сымамкәа, Запашьаа рқазармағ атаптын срыңхуан. Исыртаат иахъа съабааңса сәрақәа... (Б.Ш.) – «Знаешь ты (ж.), все лето я низал табак в сарае Дзапшина. Пусть они оплатят мой труд, пусть отадут мне мои деньги»; Ахаан имцәаңдаң адгыл ду иртәйт... (Б.Ш.) – «Тому дают землю, кто никогда не пахал»; Ахаан имраәаң ағафра тыргоит (Б.Ш.) – «Те берут урожай, кто никогда не трудился»; Лара дналбаан ала икәйлцеит (М.Л.) – «Она спустилась с балкона и отогнала собаку»; Акәкәхәа дыхәхәо ашта данаатала, лыхәхәабжъ иарғыхеит асасцәа (М.Л.) – «Когда она с криком вошла во двор, ее крик разбудил гостей».

Неопределенная форма имени в позиции объекта

Данаапышыны иаңхъаңәкъа атзамцағ, кылхарал гәеиттеит... (М.Л.) – «Пощупал рукой стену и нашел в ней какую-то дыру. Дыңқақы-циакуа днеин хаҳәдүк днадтәалеит (М.Л.) – «Быстро подошел он к какому-то большому камню и сел за ним»; Өнак Қыс сабнахъ дықан, қырстәқәак дрышытән (М.Л.) – «В один день Кыс был в лесу, он искал какие-то бревна»; Каканк ааңызын арыцқәа атта-ттахәа иршәны иғы интәиңсеит (И.П.) – «Разбил он один какой-то грецкий орех и метнул в рот зерно»; Чагә Чагә ңұхысейбак дылтән (М.Л.) – «Чаң Чагу однажды гостил у одной вдовы»; Аққын имакәан дылтапшын ишәкәа иаарылихит ипшазаң иқаз шәкәык (М.Л.) – «Мальчик вытащил из сумки одну какую-то красивую книгу».

Притяжательная форма имени в позиции объекта

... Исыртаат иахъа съабааңса, сәрақәа (Б.Ш.) – «Пусть дадут мне за труд заработанные деньги»; ...Дыңшәарччо днеиғапшит лхада (М.Л.) – «С улыбкой она посмотрела на своего мужа»; Инапқәа рыхәршо иаагәйдикылеит исасцәа дахъқәа (М.Л.) – «Обнял руками своих дорогих гостей»; Ҳасас бзиа акриғаңы дышытәа... (М.Л.) – «Гостя нашего накорми хорошо и уложи»; ...Итәбу! Уаҳа сұхым, сыйхара қалеит, – ихәан иналиркит лайәца (М.Л.) – «Спасибо, напился я, – сказал и подал ей стакан»; Шыахәсна дәғагылан Саида

лыматәақәа ааганы иналылтеит (И.П.) – «Шахусна встала и подала Саиде ее вещи»; Ҙемыр иаҳәшья длыңхрааует – «Темир помогает своей сестре».

Собственные имена в позиции объекта

Мез данындәйлі Леуарса дубеит (И.П.) – «Мез, когда вышел, увидел Леуарса»; Өнак Алыбеи асасцәа раңааны итәаит (М.Л.) – «В один день много гостей пришло к Алыбею»; Хымжәажә акалашәа Саида дылғаңшуа далағеит (М.Л.) – «Хамжаж подозрительно стала смотреть на Саиду»; ... Саида ибжы лықәиргеит (И.П.) – «Он окликнул Саиду»; Патыхә дизхәыцуан иара (И.П.) – «Он думал о Патухе»; Ҕнагә уақа дрыдыркылеит (М.Л.) – «Чнагу приняли тут».

Местоимения в позиции объекта

В позиции объекта часто встречаются личные, указательные и другие местоимения.

Бзиа жәуит ҳәа сөеиңхуа среиҳырхәеит дара (Б.Ш.) – «Доброго вам дела! – приветствую я их!»; Ашта иаатәалеит имачымкәа, азәгзы даатаргалеит асакаса ауата ақырышәны (М.Л.) – «Во двор вошли немало людей и внесли с собой кого-то в гробу, закутанного в бурку».

В позиции объекта встречаются инфинитная форма глагола, числительные (самостоятельно или в сочетании с именами).

Бзиала уаабеит, улеи арахъ! – ихәан иғылаз ағының дааиңхьеит (М.Л.) – «Добро пожаловать, заходи домой! – сказал и пригласил домой стоящего»; Днаигәтасны дааирғыхеит ахара здыз (М.Л.) – «Толкнул и разбудил виновного»; Аҳы, учаңыз, Ҳапар, дұарба иуышыз (М.Л.) – «Ану-ка, иди, Ҳапар, покажи, убитого (тобой)»; Идырны ишәымаз, сара исхәаз насығзеит (М.Л.) – «Чтобы вы знали, я выполнил свое слово»; Ҳара ҳұыххала ғыңға уаа еиҳәттаххас итәркит (И.П.) – «Из-за нас двоих посадили»; Аршахәйт ирхиеит пышыша ҳазыртта (М.Л.) – «Аршахут подготовил четыреста газырей»; Шақа сманшәланы срықәшәзен ағыңғағы! (М.Л.) – «Как удачно встретил я их!»

Инфинитная конструкция в позиции объекта

Выше мы отмечали, что в позиции субъекта часто выступает инфинитная конструкция. Аналогичным же образом и в позиции объекта нередко выступает инфинитная конструкция, организующим центром которой является глагол инфинитной формы.

Конструкция эта организуется глаголом инфинитной формы вместе с относящимися к нему словами на основе субъектно-объектных отношений, выражаемых теми же субъектно-объектными аффиксами, или заменяющими их аффиксами относительных местоимений **и, з.**

Инфинитная конструкция, выступая в позиции объекта, принимает значение предметности и вступает в синтаксическую связь с сказуемым посредством объектных аффиксов, как объектное дополнение; которое мы описали выше. Она большей частью занимает позицию ближайшего объекта и в меньшей мере – позицию косвенного объекта. Выступая в позиции ближайшего объекта, она связывается с сказуемым посредством объектных аффиксов ряда **д**, занимающих первое место, выступая в позиции косвенного объекта, связывается с сказуемым посредством объектных аффиксов ряда **л**, занимающих второе место (при двухличном глаголе-сказуемом) или третье (при трехличном глаголе-сказуемом) место.

Камачыч ауха дтәаны лани лаби и-ралхәоит ахәычқәа акино шыдлырбаз... (Д.Гә.) – «Камачич в ту ночь рассказала отцу и матери, что она повела детей в кино»; Абрақа и-рҗасабуан аңсадгыыл агәы иалаз (Б.Ш.) – «Здесь обсуждали болячки родины»; Алиас игу итәеккыз д-а-зхәыцуан (Д.Гә.) – «Алиас обдумывал свои намерения»; Сара уаҳь сышцоз шәара и-шәасымхәеит (Д.Гә.) – «Я вам не сказал, что я туда отправлюсь»; Ах узқаирғыгу хы-шиқаса у-а-зыпшыз (Поговорка) – «Обещания царя жди три года»; Рәагылацәагыы раңхала, рыштыхала ампыл згоз и-рыжэлон (Д.Гә.) – «Противники набрасывались на тех, которые бежали с мячом»; Аказарма аңхыа данааи ататын зрыңхуз дна-р-ылаңшит (И.П.) – «Когда он приблизился к сараю, посмотрел на тех, которые низали табак»; Зыңқыын дымпсың учкәын д-и-умыр҆дайуан (Поговорка) – «Не давай

оплакивать своего сына тому, кто не испытал подобного горя»; Ағы иашызы ах д-хыркылон (Поговорка) – «Пьяного заставили и гущу выпить...»; Ағы иақәымтәац ағы д-канамыжыт (Поговорка) – «Кто не садился на коня, тот не падал с коня»; Камачыч Есма уақа илзынлыжызы ахәычқәа и-рылтәеит (Д.Гә.) – «Камачич отдала детям то, что ей оставила Эсма»; Шәара ишәүзбаз сара са-зыразуп (И.П.) – «Я согласен с тем, что вы решили»; Хымур и-гәалтәеит Мез уажәы дышықамыз (И.П.) – «Химур заметила, что Меза сейчас нет».

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Проблема распространения простого предложения не была еще предметом специального исследования в абхазском языке. В истории же русской грамматики она имеет разные решения¹. В качестве основных направлений в учении о второстепенных членах предложения выделяются формальное (классификация по характеру синтаксической связи) и логическое (классификация по значению)².

При рассмотрении распространяющихся компонентов естественно исходить из той роли, которую они играют в синтаксической организации предложения. Роль эта должна проявляться в формах связи их с конституирующими компонентами структурной основы предложения и в тех грамматических значениях, которые они несут в составе предложения.

Предложение может быть распространено отдельными словами (реже словоформами) и словосочетаниями. Причем, распространение предложения происходит преимущественно через распространение отдельных его конституирующих компонентов.

Распространители включаются в предложение через синтаксическую связь с субъектным, объектным (объектными) и предикатным компонентами.

Распространение предложения отдельными словами.

Распространяющий объект

Наряду с конститующим объектным компонентом в предложении абхазского языка встречается и неконституирующий, распространяющий объектный компонент. В отличие от конституиру-

ющего объектного компонента структурной основы предложения распространяющий объект характеризуется рядом грамматических особенностей.

1. Он связан с сказуемым не двусторонней соподчинительной связью, а односторонней подчинительной связью, направленной от сказуемого к объекту¹.

Сзамфа урыцъюм уара бгъыцла... (Б.Ш.) – «Не чистишь ты мое лицо листком».

В данном предложении второй и четвертый компоненты связаны субординативной связью, направленной от второго к четвертому. Употребление имени объекта в послеложной инструментальной форме **бгъыцла** обусловлено семантикой глагола-сказуемого.

Аналогичным образом распространяющий объект примыкает к сказуемому и в следующих примерах:

Хъаржэтэыс камбашък ианакәызаалак инықәигон... (И.П.) – «Он имел всегда одну буйволицу для молока»; Зыкәыр канидатс апартииа далалеит (И.П.) – «Дзыкур стал кандидатом в члены партии»; Съыжәланы сшыхәмаруаз сөы дасит икамчала (М.Л.) – «Он ударили моего коня своей плетью в то время, когда я скакал на нем»; Лаб даарыхуан жәйтә цәматәала (Б.Ш.) – «Ее отец пахал сохой»; Ханашә амакәан иртәит фатәлы (М.Л.) – «Ханаш наполнил сумку провизией».

2. Отсутствие соподчинительной, предикативной связи между сказуемым и распространяющим объектом позволяет исключить субординативную связь вместе с объектом без малейшего ущерба для структурной, предикативной основы предложения.

Ханашә амакәан иртәит фатәлы. Ханашә амакәан иртәит... Съыжәланы сшыхәмаруаз сөы дасит икамчала. Съыжәланы сшыхәмаруаз сөы дасит... Сзамфа урыцъюм уара бгъыцла. Сзамфа урыцъюм уара... Хъаржэтэыс камбашък ианакәызаалак инықәигон. ...Камбашък ианакәызаалак инықәигон.

3. Возможность удаления распространяющего объекта из состава предложения с сохранением его предикативного ядра дока-

¹ Аналогичную одностороннюю подчинительную связь будем называть в дальнейшем вслед за А.М. Мухиным субординативной связью. См. А.М. Мухин. Структура предложения и их модели, стр. 75.

¹ См. О второстепенных членах предложения в работах

² Н.С. Вольгина. Синтаксис современного русского языка. «Высшая школа». М., 1973, стр. 106.

зывает, что он (распространяющий объект) не является конституирующими компонентом структурной основы предложения.

4. В отличие от конституирующего объекта, выражаемого общей, неопределенной, определенной и притяжательной формами имени, распространяющий объект выражается лишь сочетанием имен с послелогами.

В качестве послелогов в данном случае используются **-ла**, **-да**, **-зы**, **ќытә**, **-цинхәрас**, **-еиҳа**, **-аастә** и др. (Они пишутся в одних случаях слитно, в других – раздельно).

Послелог **-ла**¹ имеет значение инструментальности и может присоединяться к любому слову, выступающему в позиции распространяющего объекта с инструментальным значением. Использование послелога **-ла** связано с инструментальным значением, а инструментальное значение обусловлено семантикой глагола-сказуемого. Распространяющий объект с инструментальным значением обозначает предмет, посредством которого совершается действие. Таким образом, очевидно, что связь направлена от глагола-сказуемого к распространяющему объекту.

Ус иаарласны ахаҳә ќъаңс ақә ылхны ղарала, хътәы саатла, мацәазла, ղаратрала, кәалаңла иаадыртәйт (М.Л.) – «Так вскоре плоский камень обсыпало (наполнили) деньгами, золотыми часами, кольцами, кошельками, шкатулками»; Ауағытәыфса иңсы ахынзатоу икәзшьеи иуағышьеи рыла дыбзиазароуп (М.Л.) – «Человек, пока он жив, должен быть примечательным своим характером и нравом»; Б҃зыцла ашышыыхә сзамфа рыцъя! (Б.Ш.) – «Полчить листком немедленно мою щеку!»; Абрыскыл ирашь еиңш, ҳәагәзыжыла убениара ңахны иәхәдан (Б.Ш.) – «Как араш Абрыскила, твое богатство было сковано цепью»; Днеиует аңхәизба қытә мфахәастала (Б.Ш.) – «Идет девушка по тропе деревенской».

Послелог инструментальности **-ла** может включаться в глагол-сказуемое. В таком случае объект связывается с глаголом-сказуемым соподчинительной связью, получающей свое выражение в объектных личных аффиксах ряда **л**.

¹ Послеслог -ла нельзя путать с деривационным формантом -ла: мчыла «си-лой, насильно», шыапыла «пешком», өыла «верхом».

Сара ахәычы с-и-ла-хәмаруеит – «Я играю с ребенком»; Миха ицәматәа д-а-ла-цәаәоит «Миха пашет сохой».

Как это видно из примеров, распространяющий объект в личных случаях становится конститующим компонентом структурной основы предложения, вследствие чего становится невозможным исключение его из предложения.

Миха ацәматәа д-а-ла-цәаәоит, но нельзя: Миха д-ла-цәаәоит.

Объект с послелогом **-да** выступает со значением лишения и обозначает предмет вне наличия, или без помощи которого происходит или не может происходить действие глагола-сказуемого.

Мез идаңсыхәхамам – «Без Меза нам не обойтись»; Агәыргъарада зегъы ибахъеит уи анасылда – «Этот несчастный видел все, кроме радости»; Ачаиртәқәа мшын иаңәазар, Урт үвабаада иқалару? (Б.Ш.) – «Чайные плантации, подобные морю, могут они создаваться без труда?»; Даҳваланхоз акытә инапы ахфаңәէъянды икын, Иғада ғы ңәажәар қаломызт (И. П.) – «Село, где он проживал, держал в своих руках, Кроме него никто не смел говорить»; Урт қәтарада ағар аарыштыраты ргәы итәмымызт (И.П.) – «Они не собирались допустить победы новой жизни без боя»; Дирыфеит, дыркәкеит, уи харада дышупт (Б.Ш.) – «Убили ее без вины»; Гәыргъарада ңәалашәарак сызтәрыйда уи аены? (Б.Ш.) – «Кто навязывает мне в этот день иное чувство, кроме чувства радости?»; Бара быда схәартәзам, ибдируз... («Алашара») – «Без тебя нет мне жизни, знай...».

Послелог **-зы** имеет версионное значение. Объект с послеслогом **-зы** обозначает предмет для которого происходит или к чему предназначено действие глагола-сказуемого.

Амхаңырра аңсуа жәлар рзы ирыцъара дұхеит (М.Л.) – «Махаджирство для абхазского народа было большим несчастьем»; Сара сзы ари уадафра алам – «Для меня это не представляет труда»; Мыта иаҳәаша ҳәызы лзы ампыл ааихәеит – «Мыта для своей сестренки купил мяч»; Исыргылеит са сзы инапылақаңарам абақа (А.П.) – «Я памятник себе воздвиг нерукотворный».

Послелог **-зы** может включаться в глагол-сказуемого с тем же версионным значением. В таком случае он вызывает появление объектного (косвенного) личного аффикса в предикате, вслед-

ствие чего между сказуемым и объектом устанавливается соподчинительная предикативная связь. И распространяющий объект становится конституирующими компонентом структурной основы предложения.

Мыта иаҳаша хәычы и-л-з-ааихәеит ампыл – «Мыта для своей сестренки купил мяч».

Основное значение послелогов **-кытә, -кынза** – это локально-пространственное. Но они в редких случаях встречаются в сочетании с распространяющим объектом, с направительным значением.

Мез ңирала-саҳала Леуарса иқынза дзынаզомызт, аха уеизгы дышаҳын (И.П.) – «Мез своей внешностью уступал, Леуарсе, но был хорош собой»; *Иааиҳәаз ишебаку, хымҭада, Фрач иқынта иаҳаит* (И.П.) – «Все, что он сказал, услышал наверняка, от Фрача»; *Аҳәсақәа рхы иақәиттәуп ағнусқәа рәкытә* (И.П.) – «Женщины должны быть освобождены от домашних дел».

Послелоги **-еиҳа-еиҳа, -ааста** передают сравнительные отношения. Послелог **-цынхәрас** имеет значение «вместо того, чего».

В немногих случаях они встречаются в сочетании с распространяющим объектом.

Цицина лайқыс деиғыуп Машыа, иаҳагы дыңшыуп (М.Л.) – «Маша лучше Цицины, она красивее»; *Қәыш ажәак уасхәап амали аңареи рцынхәрас* (М.Л.) – «Я тебе скажу умное слово вместо богатства и денег»; *Еғырт рааста ари еиҳа ләгә Ҷағазаарын* (Д.Г.) – «Она, оказывается, была слабее, уязвимее, чем другие».

5. Связь распространяющего объекта с сказуемым гораздо слабее, чем конституирующего объекта с сказуемым. Дело не только в том, что распространяющий объект связан с сказуемым односторонней (субординативной) связью, тогда как конституирующий объект связан с сказуемым соподчинительной предикативной связью.

Конституирующий объект может быть ближайшим (прямым) или косвенным. И в том, и в другом случае он является личноотносительным. Распространяющий же объект, фактически, в grammatischem плане стоит вне этих понятий. Дело в том, что grammatischer ближайший и косвенный объекты различаются различными средствами их обозначения в глаголе-сказуемом. Ближайший

объект всегда связан с переходным глаголом-сказуемым и обозначается в нем объектными аффиксами ряда **д**, занимающими всегда первое место.

Сара д-саазоит ахыычы – «Я воспитываю ребенка». Косвенный объект может быть связан и с переходным (трехличным), и с не переходным глаголом-сказуемым. В обоих случаях он обозначается в предикате объектными аффиксами ряда **л**, занявшими второе (двуличный непереходный и трехличный непереходный глагол) или второе и третье места (трехличный непереходный глагол).

Миха Зина д-л-ыдтәалоуп – «Миха сидит с Зиной». *Миха Зина и-л-заахәеит ашәкәы* – «Миха Зине купил книгу». *Сара Зина с-у-з-л-ацәажәоит* – «Я поговорю с Зиной для тебя».

Распространяющий же объект не обозначается в глаголе-сказуемом вообще. Следовательно, возможность его определения объектными аффиксами снимается. А послеложные формы являются грамматическими формами имени (послелоги большей частью оформляются отдельно от имени) и, естественно, не могут быть грамматическими показателями объекта. Не может быть характеризующей для распространяющего объекта и субординативная связь, так как она характерна и для обстоятельственных распространителей.

Распространяющий объект связывается с послелогами большей частью посредством притяжательных аффиксов ряда **л**, обозначающих лицо, число и (в определенных случаях) класс объекта, однако с глаголом-сказуемым он связан опять-таки лишь семантически.

6. Конституирующий объект всегда связан с полиперсональным глаголом-сказуемым, при моноперсональном глаголе-сказуемом он исключается. Распространяющий же объект не связан с полиперсонализмом глагола, его переходностью и неперходностью. Он может быть связан с моноперсональным и с полиперсональным, переходным и неперходным глаголом-сказуемым.

Айла дацла иғылоуп, ауағы – уала (Пословица) – «Дерево корнями стоит, человек – родней»; *Адагәа изы ғынҭә ирхәом* (Пословица) «Глухому дважды не повторяют»; *Абан, саңхъа ақәапа-ғаңа, Тлаз иаїәала ихәоуп*. Ерцахә заїәык, тәықа-еимәңа, Птала ағы

тахәҳәоуп (Б.Ш.) – «Вот, передо мною горы покрыты зеленью, лишь Ерцаху Двурогий окутан туманом».

7. Слабая связь с глаголом-сказуемым является нередко причиной трудности различения объектного и обстоятельственного распространителей. Так, например, распространяющий компонент с одним и тем же послелогом в одном и том же предложении может сочетать в себе как объектное, так и обстоятельственное значения, т. е. орудие и способ совершения действия.

Бышытхъка бца, Кәакәала, Амжәа сықәлан захәала... Бара бтәаны, Кәакәала, абгъы ҭыхла прахәала (Б. Ш.).

В приведенных предложениях компоненты **захәала, прахәала** одинаково могут отвечать на вопросы **как?** и **чем?**

С аналогичным значением выступает распространяющий компонент и с послелогом лишения **-да**.

Ма фызада, ма тахыда, Игәтакыгу лагырзыда, Амра зхаңдо дунеи шәтүшра ишәхъянтоу зынза аңызыра (Б.Ш.) «– Как тяжело рассстаться со светлым миром без друга и родных, без слез!»; *Мәфада, шытрада ишытхысаа инеиуеит са срашь саманы* (Ник. Бар.) – «Без дороги и следов мчит меня мой араш быстроногий»; *Быбла исархәоит, ашәт зку, Бжыыда, ажәада бгәы итәку...* (Б.Ш.) – «Глаза твои говорят мне, девушка с цветком, что у тебя в сердце беззвучно притаилось»; *Дынхагәышыон ҭыкда, Ҥарғыы дтәацааран, Дныңәомызт усада-хәысда, Дызғызгы хъчаран* (Б.Ш.) – «Жил он спокойно с семьей, не ходил без дела, был он пастухом»; *Дәүжәлеит ашыбыжь амра нхыңуан, ҭамчыда иеи ныңәицион* (Б.Ш.) – «Выехал он на своем коне после полудня, гнал коня своего без плети».

Преобладание объектного или обстоятельственного значения распространяющего компонента в таких случаях зависит не от его грамматических признаков, а от конкретного лексического значения глагола-сказуемого и самого распространителя.

Объектное значение более наглядно выступает при сочетании имен с другими вышеприведенными послелогами.

Днеиуеит Ҳаңтарат агафа даваланы, Итшәоуп иара изы Гәымста арха еиужъра (Б.Ш.) – «Идет Хаджарат по берегу, узко для него ущелье реки Гумиста»; *Бареи сареи ҳфыцъа ҳчыдаражаз*

уафытәыфса абаҳча дтәзам (Б.Ш.) – «Кроме нас обоих нет в саду никого»; *Шәара шәзыхәан адунеи сықәзароуп сыйысы ахынзатоу* (И.П.) «Для вас я должен жить, пока живу на этом свете».

Единственной именной формой, выступающей наряду с послесложными сочетаниями в функции распространяющего объекта является превратительная форма имени. Однако употребление ее в этой функции носит спорадический характер. Превратительная форма имени употребляется обычно в функции именной части составного сказуемого.

Во всех своих формах выражения распространяющий объект является зависимым (подчиняемым) компонентом, обладает значением предметности, примыкает к глагол-сказуемому и связан с ним отношением направленности.

Как показывают материалы, распространяющий объект не имеет строго фиксированной позиции в предложении. Он одинаково часто встречается в начале, середине и в конце предложения. По отношению к глаголу-сказуемому его положение может быть контактным и дистантным. Однако контактное положение глаголом-сказуемым является наиболее характерным.

Абан, сапхъа ақәаңа-ფаңа Тлаз иаңәала ихфоуп Ерцахә заңәык, тәыфа-еимәңа, Птала ағы таҳәҳәоуп. Айла дацла игылоуп, ауафы – уала. Сзамфа урыцъом уара бгыыцила. Мәфада, шытрада ишытхысса инеиуеит са срашь саманы. Дәүжәлеит ашыбыжь амра нхыңуан. Ҭамчыда иеи ныңәицион. Бареи сареи ҳфыцъа ҳчыдаражаз уафытәыфса абаҳча дтәзам.

Связь атрибута с определяемым словом также является односторонней (субординативной), направленной от определяемого к определяющему (за исключением словосочетаний с посессивным отношением).

Связь эта в специальной литературе характеризуется как сильная связь.

«Одной из характерных особенностей взаимоотношения определяемого и определяющего в абхазском языке, – читаем мы у Л.П. Чкадуа, – является их тесная внутренняя взаимосвязь. В подобных словосочетаниях имеем неразрывную слитность компонентов, благодаря чему словосочетание выступает как цельно-

формленная единица. Эти атрибутивные комплексы обладают грамматическими формами сложного слова, компоненты атрибутивных комплексов не могут быть раздельно оформленными¹.

В то же время при синтаксическом членении предложения составляющие аналогичных словосочетаний квалифицируются как самостоятельные компоненты.

Как видно, здесь, мы имеем дело со сложным лексико-грамматическим явлением. Чтобы лучше разобраться в нем, мы должны разграничить его лексические, морфологические и синтаксические особенности, описать их в отдельности и во взаимосвязи.

В лексическом плане составляющие атрибутивных словосочетаний воспринимаются вполне самостоятельно. Этому способствует не только их семантическая определенность и самостоятельность, но и интонационная раздельнооформленность (хотя последняя несколько ослаблена).

Ахәтә фны – «каменный дом», ашәты ҭыц – «новая книга», ашықас ҭыц – «новый год», иахъатә ами – «сегодняшний день», икамшәаз алағырз – «неупавшая слеза».

В случаях, когда определяющий компонент выражен относительным прилагательным, последнее, как правило, оформляется деривационным формантом **-тәы// -тәи**, что, в свою очередь, способствует раздельнооформленности каждого из составляющих словосочетания.

Аихатә каруат – «железная кровать», амәтә фны – «деревянный дом», ахахәтә ҵха - «каменный мост».

Лексическая и грамматическая самостоятельность каждого из составляющих атрибутивного словосочетания доказывается и тем фактом, что словосочетание в целом не обладает признаком воспроизводимости. Каждый из его компонентов может функционировать вполне самостоятельно, вне словосочетания.

Так, одинаково можно: *Сара иаасхәеит ашәкәы – «Я купил книгу» и Сара иаасхәеит ашәкәы ҭыц – «Я купил новую книгу»; Аҭыц*

иаӡхауеит, ажәйтә ԥсуеит – «Новое растет, развивается, старое отмирает, уходит».

Следовательно, атрибутивные словосочетания создаются в речи при обозначении ими соответствующих внеязыковых отношений.

Нередки случаи, когда атрибутивное словосочетание превращается в сложное слово. Так образованы слова: *аихамфа – «железная дорога», аихалаба – «лом» («железная палка»), абгаду – «волк» («большой волк»), абгахәызы – «шакал» («маленький волк»), адәыбга – «лиса» («полевой волк»), ахәыләыс – «летучая мышь» («вечерняя птица»), абнакәты – «куропатка» (курица) и мн. др.*

Однако во всех аналогичных случаях составляющие интонационно и семантически слиты, составляют одну лексическую единицу.

Бывают и такие случаи, когда одна и та же атрибутивная синтагма выступает в одном случае как сложное слово, в другом – как словосочетание. В таком случае решающую роль играет степень семантической слитности, целостности обозначаемого объекта.

Например, **ағнду, амфаду** являются сложными самостоятельными лексическими единицами и пишутся слитно, когда обозначают соответственно **«очаг»** (дедовский, большой) и **«большак»** (большая дорога) как определенные цельные понятия (так же как **абгаду – «волк» (большой волк)**, **абгахәызы – «шакал» (маленький волк)**), когда же они обозначают различные дома и дороги по величине, то они разлагаются на самостоятельные слова и превращаются в словосочетания: **ағны ду – «большой дом»** (ср.: **ағны хәызы – «маленький дом»**), **амфа ду – «большая дорога»** (ср.: **амфа хәызы – «маленькая, узкая дорога»**).

Нередки и переходные случаи, когда синтагма находится на грани словосочетания и сложного слова: **ажә-кәац «говядина (коровье мясо)**, **ацьма-кәац – «козлятина» (козье мясо)**, и **амшә-шша – «медвежий жир»**, **апсыз-шша – «рыбий жир»** и др.

Следовательно, имея дело с атрибутивными словосочетаниями, мы должны учитывать и деривационный момент.

Лексическая характеристика атрибутивной синтагмы будет не полной, если не учесть еще одной ее особенности, отмеченной в

¹ Л.П. Чкадуа. Связь слов в предложении. В кн.: «Сборник материалов по абхазскому языку». Тбилиси, 1970, стр. 89.

специальной литературе¹. Имеется в виду изменение, связанное с ударением в составляющих атрибутивной синтагмы. При сочетании определяемого и определяющего ударение в одном из компонентов ослабляется, в другом же оно усиливается и становится общим для всей синтагмы.

Это явление не может не повлиять на интонационную самостоятельность каждого из компонентов.

Что касается морфологической цельнооформленности атрибутивного словосочетания, то она не всегда бывает последовательно выдержанной.

Нередки случаи, когда составляющие атрибутивного словосочетания оформляются морфологически раздельно. Это бывает, когда:

1) определяющее выражено указательным местоимением: *урт ахәыңқәа* – «те дети», *абри аръыс* – «этот парень», *абар-т a-шәкә-қәа* – «эти книги»;

2) определяемое выражено именем класса человека: *аңқаын бзиа – аңқаын-цәа бзиа-қәа* – «хорошие ребята», *аңғаб бзиа – аңғаб-цәа бзиа-қәа* – «хорошие девушки», *аңаф бзиа – аңафцәа бзиакәа* – «хорошие ученики», *арңаф ғың – арңафцәа ғыңқәа* – «новые учителя», *аб қәыш – аба-цәа қәыш-қәа* – «умные отцы», *арңафы қәыңш – арңафцәа қәыңш-қәа* – «молодые учителя»;

3) определяющее слово имеет локальное или темпоральное значение: *иахъатәи a-дәа* – «сегодняшнее задание» (ср.: *a-ихатәи каруат* – «железная кровать»), *сара иахъатәи с-ыдәа* – «сегодняшнее мое задание» (ср.: *сара с-еихатәи каруат* – «моя железная кровать»), *москватәи a-ръыс* – «московский парень», *сара a-кәатәи с-ғыза* – «мой сухумский товарищ»;

4) определяющее выражено глаголом в инфинитной форме: *икамшәаз a-лағырз* – «не упавшая слеза», *иааиз аръыс* – «пришедший парень», *ицаз a-дәыгба* – «ушедший поезд»;

5) определяющее выражено порядковым числительным: *актәи a-класс* – «первый класс», *ажәабатәи a-ғны* – «десятый дом».

Однако нельзя упускать и того факта, что раздельнооформленность в вышеприведенных случаях не всегда бывает полной т. е.

компоненты синтагмы могут быть цельнооформлены не по всем своим категориальным формам.

Например, компоненты синтагмы *аңаф-цәа бзиа-қәа* – «хорошие ученики» раздельнооформлены по категории числа, а по категориям общности числа, категориям общности, неопределенности и притяжательности они цельнооформлены: а) *аңаф-цәа бзи-ақәа* (нельзя: *а-ңаф-цәа a-бзиа-қәа*), с-ңафцәа бзиа-қәа (нельзя: *c-ңафцәа c-ыбзиақәа*), *ңафцәа бзиакәа-к* (нельзя: *ңафцәа-к бзиақәа-к*).

Могут быть и другие варианты: *иахъатәи a-дәа, иахъатәи с-дәа*, но нельзя: *иахъатәи-қәа сыдә-қәа; икамшәаз a-лағырз, икамшәаз с-ылағырз, но нельзя: икамшәаз-қәа сылағырз-қәа* (можно: *икамшәаз сылағырз-қәа*); *актәи a-класс, актәи сыклас*, но нельзя: *актәи-қәа a-класс-қәа* – можно: *актәи a-класс-қәа*.

Полную раздельнооформленность компонентов атрибутивной синтагмы мы имеем лишь тогда, когда определяющее выражено указательным местоимением:

убр-и a-хәычы, урт-и a-хәыч-қәа, убр-и с-хәыч-қәа – «мои дети». Үңшишь ант абаңақәа, еилшәара ҳәа змам ашыха ғаңақәа хәартарақ ҳәа злам (Б.Ш.) – «Смотри те густые леса, на те высоченные горы, от которых нет пользы»; *Еизеит агағахътәи убарт асасцәа ирыхәапшырц* (Д.Г.) – «Собрались из прибрежных мест (люди), чтобы посмотреть на тех гостей».

В таких случаях возможно дистантное употребление определяющего слова по отношению к определяемому.

Абарт зегзы тәым рахәуп, иара абарт иубо аматцуцәа еизыр-цеит... (М.Л.) – «Это все чужой скот, согнали их слуги, которых ты здесь видишь»; *Уи аңьамыңәа мәа ашьапы аkit абни аиатәара италаханы Кәйидры ахықәан игылу ағнеихагыла аћны* (Дж.А.) – «Этот путь страдальный взял свое начало у двухэтажного дома, утопающего в зелени на берегу Кудры».

Во всех остальных случаях составляющие атрибутивной синтагмы цельнооформлены по категориям общности, притяжательности, неопределенности, превратительности и числа:

*а-шәкәи ғың – «новая книга»
сы-шәкәи ғың – «моя новая книга»
шәкәи ғың-к – «какая-то новая книга»*

¹ Л.П. Чкадуа. Указ. работа, стр. 90.

а-шәкәы ჭыц-қәа – «новые книги»
 шәкәы ჭыцс – «в качестве новой книги»
 а-хаҳәтә ფны – «каменный Дом»
 с-хаҳәтә ფны – «мой каменный дом»
 хаҳәтә ფны-к – «какой-то каменный дом»
 а-хаҳәтә ფын-қәа – «каменные дома»
 хаҳәтә ფны-с – «в качестве каменного дома»

Как следует из вышеизложенного, в морфологическом плане (в морфологическом оформлении) компоненты атрибутивной синтагмы в подавляющем большинстве случаев лишены самостоятельности, они цельнооформлены.

Однако морфологическая цельнооформленность компонентов атрибутивной синтагмы и синтаксическая связь ее компонентов – явления разного порядка.

Морфологическую цельнооформленность нельзя считать средством связи, поскольку морфологические категории общности, неопределенности, притяжательности и превратительности не являются средствами связи, как это имеет место, например, при категориях числа, класса и лица. Морфологическая цельнооформленность логичнее всего квалифицировать не как причину, а как следствие семантической, фонетической и синтаксической (связь) компонентности компонентов синтагмы.

Переходя к синтаксической связи между компонентами атрибутивной синтагмы, следует отметить, что слитность или раздельность ее составляющих нельзя объяснить одной лишь связью. В атрибутивных синтагмах абхазского языка мы имеем одну и ту же связь – позиционную связь, что можно назвать и примыканием в широком его понимании. Определяющее слово семантически примыкает к определяемому. Определяющее может быть препозитивным или постпозитивным в зависимости от того, какой частью речи оно выражено¹.

Определяющее препозитивное, если оно выражено: 1) относительным прилагательным (аҳаҳәтә ფны – «каменный дом»), 2) ука-

зательным местоимением (ари ашәкәы – «эта книга»), 3) порядковым числительным (актаи ариад – «первый ряд»).

Определяющее препозитивно во всех случаях, когда между ним и определяемым существуют пассивные отношения: *аб ихылца* «отца шапка», *ан лкасы* – «матери платок», *ари сышәкәы* – «моя книга», *Темыр ижа* – «Темыра корова».

Определяющее постпозитивно, когда оно выражено: 1) качественным прилагательным (*ашәкәы ჭыц* – «новая книга»), определительными местоимениями (*аңаңцәа зегзы* – «все ученики»). Определяющее, выраженное инфинитной формой глагола, количественными, разделительными, приблизительными числительными, не имеет строго фиксированной позиции, хотя пререпозиция в этих случаях является наиболее естественной.

Иказ ар҆ыс // ар҆ыс иказ – «ушедший парень», *ფажәа уаса // ауасақәа аფажәа* – «двадцать овец», *ხჲახა шәкәы // ашәкәқәа ხჲახა* – «около трех книг», *ყშьба-ყშьба шәкәы // ашәкәқәа ყშьба-ყშьба* – «по четыре книги».

Бывают некоторые случаи, когда определяющее, выраженное качественным прилагательным, занимает препозицию: *ажәйтә аамҭа вместо аамҭа жәйтә* – «старое время», *ақәыш аҗәа вместо аҗәа қәыш* – «умное слово» (*қәыш аҗәак үасхәап амали аңареи рцынхәрас*) (М.Л.), *ашкәакәа матәа вместо аматәа шкәакәа* «белая одежда» (*шкәакәа матәала деилахәан* «Он был одет в белую одежду»), *аиқәацәа матәа вместо аматәа еиқәацәа* – «черная одежда», *аицәа бгы вместо абгы иацәа* – «зеленая листва» (Абна бзарыбзаруа иацәабгыла ихфоуп (И.К.) – «Лес покрыт зеленой листвой»).

Выше мы отмечали, что связь компонентов атрибутивной синтагмы односторонняя (субординативная), направленная от определяемого к определяющему. В семантическом плане такое направление связи последовательно выдержано. Однако морфологическое оформление этой связи может быть обратно направленным. Это бывает лишь тогда, когда между компонентами атрибутивной синтагмы существуют посессивные отношения, получающие свое выражение в притяжательных аффиксах. При этом, лицо, число (в определенных случаях) и классе определяющего слова обозначаются в определяемом слове притяжательными аффиксами.

¹ См. подробнее об этом: Л.П. Чкадуа. К вопросу о порядке и взаимосвязи членов атрибутивного комплекса в абхазском языке. Труды Сухгосспединститута, т. XV. Сухуми, 1961.

Аб и-хыл҃а – «отца фуражка», аңафы и-шәкәы – «ученика книга», ан л-касы – «матери платок»¹.

И в данном случае примыкание (позиционная связь) является основным видом связи компонентов атрибутивного словосочетания, связь же в лице, числе и классе играет вспомогательную роль.

Имеет ли самостоятельную функцию в предложении атрибутивный распространитель, или функционально он сливается с определяемым компонентом?

В исследовательской практике и в школьных учебниках, как отмечалось выше, определение выделяется как самостоятельный второстепенный член предложения.

Ниже мы попытаемся с помощью метода эксперимента выявить синтаксическую функцию атрибута. При этом, мы будем учитывать вышеотмеченные лексические, фонетические, морфологические и синтаксические (связь) особенности атрибутивной синтагмы.

При экспериментировании, как и прежде, мы будем исключать из предложения исследуемый компонент (атрибут) вместе с его связью, с определяемым словом.

Февральтәә айх нақ адәнықа иааин апенцырыаф изырфуан – «Февральская ночь вошла во двор и слушала у окна».

...айх нақ адәнықа иааин апенцырыаф изырфуан;

Оқәымтәә ар҃афи сареи ҳайдтәалан («Алашара») – «Окумский учитель и я сидели вместе».

...ар҃афи сареи ҳайдтәалан;

Артә ажәақәа Саша дыдмырцәеит, дыдмыргылт («Алашара») – «Эти слова не дали Саше покоя (ни спать, ни стоять)».

...ажәақәа Саша дыдмырцәеит, дыдмыргылт;

Актәә ариад ахәаңышыңцәа рыла итәын – «Первый ряд был заполнен зрителями».

...арид ахәаңышыңцәа рыла итәын;

Сара хынфажәи ңшибатәә ауатах ауп истәху, – ихәеит Смел («Алашара») – «Я хочу шестьдесят четвертую комнату, – сказал Смел»;

Сара ...ауатах иуп истәху – ихәеит Смел;

¹ См. подробно об этом: Л.П. Чгадуа. Связь слов в предложении. В кн.: «Сборник материалов по абхазскому языку», стр. 88.

Иңыз асасцәагзы өеибаргылақәеит («Алашара») «Ожидавшие гости привстали».

...асасцәагзы еибаргылақәеит.

Во всех вышеприведенных примерах удаление субординативной связи вместе с примыкаемым атрибутом происходит беспрепятственно, свободно и не вызывает изменений структурного ядра предложений ни в семантическом, ни в грамматическом отношении.

Это объясняется следующими обстоятельствами:

1) связь примыкание (субординативная) является не предикативной, а распространяющей; 2) соответственно атрибут является не компонентом структурной основы предложения, а ее распространителем; 3) определяющий компонент атрибутивной синтагмы во всех вышеприведенных примерах является самостоятельным в лексическом, морфологическом и синтаксическом отношениях.

Продолжим далее экспериментирование.

1. *Уи илкын а-лаба ғәәә («Алашара») – «Она держала крепкую палку».*

Уи илкын алаба...;

2. *С-ыцқын хәың Ақәатәи ашкол дәрарымәеит (Б.Ш.) – «Мое-го маленького сына не приняли в сухумскую школу». Сыцқын ... Ақәатәи ашкол дәрарымәеит;*

3. *Абри иустәо хытәи мхаңә-с иқаңа («Апс.л.») – «Из того, что я тебе дам сейчас, сделай золотую ложку». Абри иустә ... мхаңәс иқаңа.*

Настоящие примеры отличаются от предыдущих тем, что в них атрибутивная синтагма цельнооформлена: в первом примере по категории общности (показатель префикс **а-**), во втором примере – по категории притяжательности (показатель префикс **с-**), в третьем примере – по категории превратительности (показатель суффикс **-с**).

Однако морфологическая цельнооформленность в данном случае не помешала удалению определяющего компонента. И это объясняется тем, что показатели вышеперечисленных категорий (**а-**, **с-**, **-с**) оказались не в определяющем компоненте, а в определяемом.

1. *Алахәақәа реиԥши исپыръып с-ыдгылтә гәәкракәа зегзы (Б.Ш.) – «Словно черные вороны, уйдут от меня все мои земные муки»; Алахәажәкәа реиԥши исپыръып... гәәкракәа зегзы;*

2. А-мәтәы каруат маңк инахеит («Алашара») – «Деревянную кровать чуть подвинули»; ...каруат маңк инахеит;

3. Пхәызба қәыңш-к азиас дыңғынгылоуп (Б.Ш.) – «Какая-то молоденькая девушка стоит у реки»; Пхәызба ... азиас дыңғынгылоуп.

И в данных примерах атрибутивная синтагма морфологически цельнооформлена, но в отличие от предыдущих примеров в данном случае показатели морфологических категорий притяжательности **с-** (в первом примере), общности **а-** (во втором примере) и неопределенности **-к** (в третьем примере) оказались в определяющем компоненте, вследствие чего они тоже оказались удаленными вместе с определяющим (атрибутом). Тем самым определяемые компоненты – субъект (в первом предложении), конституирующий объект (во втором примере) и субъект (в третьем предложении) лишились соответственно категорий притяжательности, общности и неопределенности.

А вне этих категорий перечисленные компоненты структурного ядра предложения в данных сочетаниях частично потеряли связь с сказуемым. Последнее явление связано с тем, что как указано в соответствующей части работы, синтаксическую позицию субъекта и объекта (конституирующего) могут занимать лишь слова, выступающие в форме одной из категорий общности, неопределенности, определенности и притяжательности. Поэтому последние наши примеры с удаленными определяющими оказались синтаксически не вполне организованными.

А для того, чтобы вернуть им полную синтаксическую организованность, необходимо произвести некоторое переоформление, т. е. вернуть показатели категорий притяжательности **с-** (в первом примере), общности **а-** (во втором примере) и неопределенности **-к** (в третьем примере) к определяемым компонентам (к субъекту в первом примере, объекту во втором примере, к субъекту в третьем примере).

Тогда наши примеры будут выглядеть следующим образом:

1. Алахәажәқәа реңш исپырүп ... с-гәәкракәа зегзы;
2. ... а-каруат, маңк инахеит;
3. Пхәызба-к ... азиас дыңғынгылоуп.

Следует подчеркнуть, что удалению определяющего компонента

препятствует не лексическая или функционально-синтаксическая его несамостоятельность, а морфологическая цельнооформленность с определяемым компонентом.

Таким образом, в последних примерах мы столкнулись с таким случаем, когда удаление определяющего компонента атрибутивной синтагмы из предложения вызывает некоторое нарушение синтаксической организации предложения в целом.

Выше мы привели примеры, в которых определяемое атрибутивной синтагмы является одновременно и компонентом (субъектным или объектным) структурного ядра предложения. В тех же случаях, когда атрибут связан с распространяющим компонентом, удаление его, естественно, не вызывает изменений в предикатной основе предложения:

Сара иахъа, аћәатәи сәғызәа хәычқәа рзы шәќәы бзиак аасхәеит – «Я сегодня для своих маленьких сухумских друзей купил одну хорошую книгу»; *Сара иахъа ... сәғызәа ... рзы шәќәы бзиак аасхәеит* «Сегодня я для своих друзей купил одну хорошую книгу».

Свободное исключение из данного предложения атрибутивной синтагмы в целом объясняется тем, что определяемый синтагмы является распространителем, а не конституирующими компонентом структурного ядра предложения:

Сара иахъа ... шәќәы бзиак аасхәеит – «Сегодня я купил одну хорошую книгу».

Атрибутивный распространитель, как мы уже отмечали выше, может примыкать в немногих случаях и к обстоятельственному распространителю, имеющему локальное значение. Обстоятельство в этом случае выражено обычно именами существительными с послелогами, имеющими локально-направительное значение. Между атрибутивным и обстоятельственным распространителями в данном случае устанавливаются собственно-характеризующие отношения.

Пасатәи итып ашқа дгъежыны дцеит («Алашара») – «Он вернулся к своему прежнему месту»; *Аңенцыр тбаа аќнытә уи ибон уағы илаш зхымзо адгыл ду* («Алашара») – «Через окно (из окна) он видел необозримо большую землю»; *Ариад иаїәала, сഫадахъала, Абар пхәызбак, пхәызба еинаалак ачаи иаїәа өыхуа дталан* (Б.Ш.) – «У

зеленого ряда, чуть выше меня, собирала чай какая-то статная девушка»; Д-митри ахъатәи аудаҳаҳ дненуеит... («Алашара») – «Дмитрий идет в переднюю комнату».

Наибольшее распространение имеют атрибутивные распространители, определяющие субъектный и объектный компоненты структурного ядра предложения.

Интегральное собственно-характеризующее грамматическое значение атрибутивного распространителя дифференцируется на более частные значения, к которым относятся:

1. Характеристика определяемого по локально-пространственному и темпоральному признакам. Определяющее в данном случае выражено относительными прилагательными с суффиксом **-тәи**, мотивированными именными наречными основами.

Смел ихаштәз ашъафтаи афымцастанциа... («Алашара») – «Смел не забывает горные электростанции...»; Амшын изааигәоуп ңсырзхатәи ашъха (Б.Ш.) – «Псырдзхинская гора близка к морю»; ...Иаразнак иаашытәаны абни ахәадафтаи аңсарахы иагеит («Алашара») – «Мгновенно схватив его, понес к сосновому бору той вершины».

Ахъатәи асаатқәа рыхгара ари атәацәара ғыцрағ сакъантәи ауағы изыхъамттаран («Алашара») – «Первые часы тяжело было провести в этой новой семье человеку из Сакена»; Ираңдоуп аңснытәи ахұаа ргәлалақәа (Б.Ш.) – «Много у князей Абхазии забот»; Шарғазтәи аңша қәандаза иасуан (Б.Ш.) – «Дул теплый утренний ветерок»; Иахъеиңи шәышықәса қааит итәкәа, Иахъатәи ҳамш ду қалом ихәашьыа (Б.Ш.) – «Пусть пройдут века, сегодняшний наш великий день не будет пасмурным»; Урт һахърыхәапшуаз аапынтаи ахъчәңыр шқәакәақәа сгәлалдыршәон («Алашара») – «Смотрел я на них, они напоминали мне весенних белых бабочек»; Февральтәи аңх адәнықа иааин аңенцыырағ изырфуан (Б.Ш.) – «Февральская ночь вошла во двор и слушала у окна»; Убри азы ақәзами абас изыңшзоу, абас изыбзиу аибашьраштықтәи Москва? («Алашара») – «Не потому ли так красива, так хороша послевоенная Москва?»

2. Характеристика определяемого по материалу. Определяющее в этом случае выражено относительным прилагательным с суффиксом **-тә(ы)**, мотивированным основой нарицательного имени:

Фың зыргылара иағыз ағны амәтәи аанды акәыршан... («Алашара») – «Строившийся дом был огражден деревянным забором»; Аихатә гәара акәыршан иқан уи... («Алашара») – «То было огорожено железным забором»; Нас иабақоу уажә уи ахътәи медал? («Алашара») – «Где сейчас та золотая медаль?»; Уи икын... айәатәи лаба («Алашара») – «Он держал яблоневую палку»; Амәтәи каруат мачқ инахеит («Алашара») – «Деревянную кровать чуть подвинули»; Ардашыыл дааҳәын изқәа аихатә гәара инадәшәа днагылт («Алашара») – «Ардашил повернулся и, прислонившись спиной к железной ограде встал»; Цақа атыңытә трубақәа шытан («Алашара») – «Внизу лежали чугунные трубы».

3. Характеристика определяемого по принадлежности. Определяемое выражено притяжательными, личными, указательными местоимениями и именами существительными:

Рәғы шәазомызт дара ршы ақатәар, Уа рхатәи дгыыл изаааз (Б.Ш.) – «Сердце у них не droгнет, если омоют родную землю своей кровью»; Аңша унырдоит апра шлақәа, Аимәағ иғба угарами (Б.Ш.) – «Прогуливает тебя разоритель в своей люльке»; Аңша анырзас әәгәалашәа Ртәыла хәызы рымнахыр, Амшын шардааз угәаларшәа Амхәңырқәа рылагырз (Б.Ш.) – «Вспомни, как море стало соленым от их слез, когда побило их ураганом»; Сүхәоит усқан: ан лыбжы хaa Слымча итәрфы «шыыш нани!..» (Б.Ш.) – «Прошу, тогда дай мне услышать сладкий голос матери «шыышы нани!»; Урт һирүиңи ңсыуа хайак Апқацахәа иқамч абжы!.. (Б.Ш.) – «К нам прибавь звук плети абхазца молодца!»

4. Характеристика определяемого по различным качествам. Определяющее выражено качественными прилагательными:

Бжыы хaa сирзак слымча итасит (Б.Ш.) – «Услышал я какой-то сладкий, изумительный голос»; Азы җәйтәаз ашәтқәа ғыхан, Рыбгы хәычқәа ҳазы итәрган, Рышатқәа гәылптыует уаха (Б.Ш.) – «Политые им цветы проснулись, распустили свои маленькие листья, распустят они в эту ночь и свои цветы»; Зны ажәфан ңаула аиаңәақәа нкыдыхәхәйлон, зны аңта еиқәайәақәа даахылан урт һырфон... («Алашара») – «То появлялись в голубом небе звезды, то черные тучи их закрывали»; Инаххысит ашәышықәа еиқәарақәа (Б.Ш.) – «Прошли черные века»; Амза хәашы аңстхәа еиқәайәақәа...

иаарылыңғон икаххаа («Алашара») – «Бледная луна сквозь черные тучи льет свет»; Уи инаңда ихнағауеит адғыыл еуужыра ду («Алашара») – «Он пальцем своим закрывает большую безбрежную землю»; Астол хышашаа ихы нықәхат, Хәыңғас дәйыуеит деиңақы. Ижәфа үаңа нақ инхыдхат, Дзыжъжъарыда? Ман, азәгы! (Б.Ш.) – «Опустилась голова его на холодный стол, рыдает он как ребенок, опустились широкие плечи, кто успокоит его? Нет, никто»; Избоит сәаңхъа ажра ңаула, уақа иштәрән ауаркъ трубақәа (Алашара) – «Вижу перед собой глубокую канаву, тут прокладывали трубы»; Есымиша аеы бзиақәа дрықтәоуп. Ыыхъа данааз өң шкәакәа дүззак дақтәан («Алашара») – «Он всегда ездит на хороших конях. Тот раз он приехал на большущем белоснежном коне».

Завершая настоящий раздел, мы должны отметить тот факт, что атрибутивный распространитель не сочетается с однокомпонентной структурной основой предложения. Это связано с тем обстоятельством, что атрибут распространяет предикативную основу предложения не в целом, а определенные ее компоненты – субъектный и объектный. А в однокомпонентной структурной основе предложения, как это показано в соответствующем разделе работы, нет ни субъектного, ни объектных компонентов.

Возможно сочетание атрибута с распространяющим локальным обстоятельством в однокомпонентном (предикатном) предложении. Однако это бывает исключительно редко.

Убарт апта еиқәарақәа рывдағы иааңыйамаңысит – «За теми черными тучами засверкала молния».

Обстоятельственные распространители

К примыкающим распространителям относятся и многочисленные группы обстоятельственных распространителей, интегральным признаком которых является обстоятельственно-характеризующее значение.

Нхаффас кыру, аамстаңас крыф (Пословица) – «Трудись по-крестьянски, питайся (ешь) по-княжески»; Патыхә иусқәа хәычы-хәычла аиғыхара иағын (И.П.) «Дела Патыхуа постепенно улучшались»; Ашырхә лөң ахы даахан, дхынхәны ағныңа дәйықлеит

(«Н.С.») – «Резко (развернула) повернула коня и отправилась обратно»; *Арра дцеит иғәапхарала* (Б.Ш.) – «Пошел он в армию по своему желанию»; Сыблақәа тыхуп, слашауп, аха издыруеит, сыйқыны гәаңшақә дышуп (В.Ш.) – «Я слеп, но знаю, мой сын убит на почве мести»; Ижакъа раңаңас еиқәайәхәхароуп, изамфа ңижа инакәшоит қантанңас (Б.Ш.) – «Усы его черные, как уголь, обхватывают шнурком красивое его лицо»; Знык-ғынта рақара ажәак лхәарц леазылкит, аха илзымгәағықәа дғылан ғымтәзакәа (К.А.Г.) – «Около одного-двух раз она пыталась выступить, но, не решившись, сидела молча»; Адырғаены Мыкың иеы мазарах днақатәан, Мырзакан иаҳы има дцеит (И.П.) – «На второй день Мыкың сел верхом на своего ворованного коня и поехал к Мырзакану».

Обстоятельственные распространители синтаксически примыкают к сказуемому, но по своему значению могут относиться ко всему предложению в целом.

Ааигәа зны сынхықәгылеит Қәмарча, Ахъхаяхәа азиас ццакуан... (Б.Ш.) – «Недавно я подошел к берегу речки Кумарча, журча, спешила она»; Цаарантәи саатса-скараха Адәйгәба саатыңит шарәзы (Б.Ш.) – «Усталый от дальней дороги, я рано утром сошел с поезда»; Уи аамтазы иара иқыттан Жанаа Беслан иңаңа нхон (И.К.) – «В то время в его селе жили сыновья Жанаа Беслана»; Акакала, шыаптыңңала Ахра кнаха уи днағалт (И.К.) – «Шаг за шагом, с большим трудом поднимался он по скале».

Обстоятельственное примыкание отличается от примыкания компонентов атрибутивной синтагмы тем, что оно позиционно свободно, т. е. обстоятельственные распространители по отношению к подчиняющему слову не имеют фиксированной позиции. Они могут занимать одинаково свободно и препозицию, и постпозицию. Исходя из этого различия, обстоятельственное примыкание можно назвать позиционно свободной субординативной связью, примыкание же компонентов атрибутивной синтагмы – позиционно несвободной субординативной связью.

Примыкающие обстоятельственные распространители не имеют морфологического формоизменения. Они не имеют своего морфологического обозначения и в подчиняющем компоненте. О направлении связи можно судить лишь по семантике сочета-

ющихся компонентов. Главенствующую роль здесь играет семантика глагола-сказуемого и соответственно связь направлена от глагола-сказуемого к обстоятельственному распространителю. Обратная связь исключается.

Ажәған саркьюшәә икеи-кеиуеит, Амра уахынта шиши-шешит (Б.Ш.) – «Небо чистое, как зеркало, солнце оттуда сияет»; Ауарбажә шәан, иббаза хыхъ ифхалт (С.Ч.) – «Коршун испугался и поднялся вверх»; Шыбыжъагәазы инатәеит Ахра ахықәцәа хаҳәык ағы (И.К.) – «В полдень они остановились на верхушке скалы, на каком-то большом камне»; Афада, азы ахықә ағы, арығзараҳы ғындуқ аргылара иағын (И.П.) – «Выше, на берегу реки, справа, строили какой-то большой дом».

Как видно из вышеизложенного, связь обстоятельственного распространителя и глагола-сказуемого гораздо слабее связи компонентов атрибутивной синтагмы. Следствием этого, видимо, является возможность одинаково свободного употребления обстоятельственного распространителя в контактной, дистантной и периферийной позициях по отношению к глаголу-сказуемому.

Ицион ашхараҳы, ицион иғекъаса (Б.Ш.) – «Шли они (тучи) в горы, или стремглав»; Аеңдақәа еуқәәгәа иаацәйрәит хара (И.К.) – «Появились звезды густо в дали»; Акакала, шыаптынйала ахра кнаха уи днағалт (И.К.) – «Шаг за шагом, с трудом по отвесной скале поднимался он»; Даағъежын дныңабеит Ҷыат гагаңас (Б.Ш.) – «Повернулся и исчез Джат словно тень»; Абас шаанза аб иғәақуаз Иғыртын ғызуан (Б.Ш.) – «Так до рассвета горько стонала свирель разбитого горем отца».

Обстоятельственные распространители с локально-пространственным значением могут сочетаться с некоторыми послелогами с соответствующим значением. Однако сочетание это в целом обусловлено семантикой глагола-сказуемого. Послелоги с пространственно-направительным значением **-(а)хъ, -(ш)қа, -(н)за, -қынза, -(н)тә/ы -қынта** используются в сочетании с локальными обстоятельствами при глаголе-сказуемом движения.

Абғыаахәа азәы әдәйқәйрәеит Аинар-жын иаҳы («Н.С.») – «Скоро кого-то послали к Аинар-жи»; Мези Леуани уаха-саҳаҳәа қыл дүззак азы ахықә ахъ арбылгъара иағын (И.П.) – «Мез и Леуан старатель-

но катили какое-то большое бревно к берегу речки»; Әйнәт-хынта рақарагы Үүркәтәылақа еициеит, еицааит (К.А.) – «Два-три раза они вместе ездили в Турцию и обратно»; Ахәлләз иңысыз аңаша адырфаене шыыжымтәнза асра иағын (К.А.) – «Ветер дул с вечера до утра следующего дня»; Адырфаене шаанза Зина, Ахмат дәфаиргылан, Очамчырақа дима дцеит (И.П.) – «Рано утром следующего дня Ахмат поднял Зину и с ней поехал в Очамчиру»; Сыварахъ, сышытыхъ, нақ сладахъы рыбжъы еиндырыфит ашыхақәа зегзы (Б.Ш.) – «Спереди, сзади от меня и далее перекликнулись все горы»; Ашылжъ ишыацәхныслаз шыыбжъаанза дышацәхныслойт (Пословица) – «Кто споткнулся утром, спотыкается до вечера»; Зны хәйләззык саб аизарақынта ағыны дааит (И.П.) – «Однажды вечером мой отец пришел с собрания домой».

Послелоги с локальным значением **-(а)ғы, -(а)қны** используются в сочетании с обстоятельствами того же значения при статическом и динамическом глаголе-сказуемом.

Ахмат аизарағы дықан (Д.Г.) – «Ахмат был на собрании»; Хыықәыр азал ағы афатә аалырхиан... (И.П.) – «Хикур в зале накрыла на стол и...»; Шарқазык Алиас Төркәнраа рәғы дааит (Д.Г.) – «Однажды ранним утром Алиас пришел к Торкану»; Өзхана-ғымыш ачарағы Ижәуа-ифо дтәан... (Б.Ш.) – «Двое суток пил, ел на свадьбе»; Қытак ағы хар змамыз Ҳаңа шыахә дынхон (Б.Ш.) – «Жил в одной деревне один прекрасный мужчина».

Далее нам необходимо рассмотреть вопрос соотношения обстоятельственных распространителей с предикативным ядром предложения. Для этого, как и прежде, мы воспользуемся методом эксперимента. Исключенные из предложения компоненты заменим точками.

Ҷыара ишнеиуаз блахәычык Аңла ахынтаи иаҳаит бжыык (Б.Ш.) – «В то время как шла лиса, она услышала какой-то звук со стороны дерева»; Ҷыара ишнеиуаз блахәычык иаҳаит бжыык «В то время как шла лиса, она услышала какой-то звук»; Аңта еишылза уақа ңсlyхәшәа Ахрақәа еимнадоит (Б.Ш.) – «Серые тучи там словно серна ходят по хребтам»; Аңта еишылза... Ахрақәа еимнадоит «Серые тучи ходят по хребтам»; Исоуҗәалап нас уахынла Сасрықәа итъизшәа (Б.Ш.) – «Будешь рассказывать мне по ночам

про Сасрыква»; Исоуҳалап нас... Сасрыкәа итъизшәа – «Будешь рассказывать мне про Сасрыква»; Патыха иусқәа хәычы-хәычла аиғыхара иағын (И.П.) – «Дела Патыхуа постепенно улучшались»; Патыха иусқәа... аиғыхара иағын – «Дела Патыхуа улучшались; Ахыр-сырхәа иааңсаха иңәан урт арақа-анақа (Б.Ш.) – «С храпом, устало спали они тут и там»; Иңәан урт... – «Спали они».

Эксперимент можно продолжить и далее, однако и из приведенных примеров ясно видно, что удаление связи вместе с распространяющими обстоятельствами совершено не затрагивает семантической и структурно-синтаксической целостности предикативного ядра предложения. Этот факт достаточно наглядно показывает, что, во-первых, связь свободное примыкание не является двусторонне направленной предикативной, во-вторых, примыкающее обстоятельство в функциональном и структурно-грамматическом отношении не является конституирующем компонентом предикативного ядра предложения.

Кказанному следует добавить, что распространяющее обстоятельство не встречается в беспредикатных однокомпонентных типах предложений.

Обстоятельственные распространители могут характеризовать действие глагола-сказуемого по различным признакам: качественным, локальным, темпоральным и др.

Качественно характеризующие обстоятельства выражаются преимущественно качественными наречиями.

Уи Леуарса итәацәа иңшәни, ихааны дрыхцәажәон (И.П.) – «Он хорошо отзывался о семье Леуарсы»; Әйрхыла Марытхәа дцион ихы шхаз. Ақәәхәа ахауағы хысран изғыз (Б.Ш.) – «Стремительно скакал Марытхуа на коне куда глаза глядят, громко раздавались выстрелы вслед за ним»; Үшбаала иныңәо хара дңоит (Пословица) – «Тихо едешь – дальше будешь»; Мәфада шытрада иштұхсаа инеиуеит са срашь саманы (Н.Б.) – «Без дороги и без следа мчит меня мой араш»; Хаха днеиуеит хаңынмырх... (С.Ч.) – «Идет он в упор, не щадя жизни»; Хыма-псыма амашынағы дааит... (И.П.) – «В попыках прибежали к машине».

Качественная характеристика действия глагола-сказуемого может осуществляться посредством сравнения, уподобления.

Икәадыр матәа ақәынақәа еңәоушәа иңхауан (Б.Ш.) – «Украшения его седла блестели словно звезды»; Ажәған саркьюушәа икеи-кеиуеит (Б.Ш.) – «Небо словно зеркало блестит»; Чапашыланеңшә-сахъалеи Қақча-качон мра ҳасабла (И.К.) – «Своим сложением, внешностью сиял, словно солнце»; Празы бжызақәеит иаакақчан еңәайас... (Б.Ш.) – «Судьба ее засияла, словно звезда, и угасла».

Встречаются случаи, когда распространяющее обстоятельно выступает с двойной связью: с одной стороны, оно примыкает к сказемому; с другой же – к определяемому им слову, лицу, числу и класс которого получают свое морфологическое обозначение в нем посредством префиксов ряда **д**. Связь здесь односторонняя, позиционно свободная и направлена от определяемого к определяющему. Распространитель этот совмещает в себе обстоятельственно характеризующее и собственно характеризующее значения. С подобной функцией выступают и качественные наречия с суффиксом **-за**, мотивированные именными основами.

Амра аакаңхеит ғаңхыа икәандаза (И.К.) – «Солнце снова засияло тепло (теплее)»; Аеңәақәа (и)жожаза интәлон хланңы (И.К.) – «Звезды сияя низвергались в бездну»; Зегзы, иаарылағит ибжы өзхаза (Б.Ш.) – «Раздался (кисло) посреди них его голос кислый»; Каңәароуп, ңхыңқа утаңшуеит икказа, иағысуеит апта ңжәахақәа (и)ббаза (Б.Ш.) – «Крутой склон, по ту сторону просматривается впадина, ходят по склону тучи пустые (пусто)».

Локально характеризующие распространители выражаются преимущественно локальными наречиями и именами с послесловиями и без них.

Сыварахь, сыштыхь, нақ аладахы Рыбжы еиндирғит ашыхақәа зегзы (Б.Ш.) – «Сбоку, сзади, там поодаль перекликаются все горы»; Хра иашарак ағы инеиган, Үақа иныжыны даағъежыт (И.К.) – «Он провел их до безопасного хребта и вернулся обратно»; Ағнүңқа ауа раңа гылоуп, ахәйнҭқарғы раңхы дғылоуп («Аңс. л.») – «Внутри стоит много народа и царь стоит перед ними»; Ашыха ңасым длагырзышар... (Б.Ш.) – «В горах плакать грешно»; Иара иңазаңа, уағеимшара, уа дышны дыштың (Б.Ш.) – «Лежал там убитый его единственный сын».

Распространяющие обстоятельства могут характеризовать действие глагола-сказуемого или содержание предложения и в целом по темпоральному признаку.

В этой функции используются темпоральные наречия и количественно-именные сочетания с темпоральным значением.

Уахык зны Леуарса цэыкъа афны дааит (И.П.) – «Однажды ночью Леуарса пришел домой»; Шар҃азык инеиқәлеит еиқәных аеңә (И.К.) – «Однажды ранним утром напали на него грабители»; Адырфаены рымфа иқәылт Нхыңаа нықәра (И.К.) – «На следующий день Нхыңаа отправились в путь»; Шынъяахыс уа аҳәар рымай иуан (И.П.) – «С утра он обслуживал телят»; Жәаха-жәамш абааш алға ахатәан... (Б.Ш.) – «Десять дней и ночей крепость была окутана дымом»; Уаңәйәкъа ҳәәықәибаңароуп, уаңәйәкъа... (С.Ч.) – «Завтра же мы должны отправиться»; Уи аамтазы Марытхәа агәаша дааталт (Б.Ш.) – «В это время Марытхәа вошел во двор»; Шынацан дықәын ашыхара, шынъыын даван агара (Б.Ш.) – «Летом пас скот в горах, зимой-в низинах»; Җағратагалан ахәынаңғы ахәи аңәахуеит (Пословица) – «Осенью и крыса запасается»; Уахынла иғынычыз ғынла дырышыт (Пословица) – «Убили днем того, кто воровал ночью».

Распространяющие обстоятельства могут дать количественную характеристику действия или состояния.

Фынта-хынта рақарагы Җырқәтәылақа еициеит, еицааит (Къ.Агә.) – «Около трех раз они ездили вместе в Турцию»; Уахи-ени хынта-пышынта дөүжәлон уеизгы (И.К.) – «В сутки он три-четыре раза выезжал верхом на своем коне»; Фрач ииҳәаз ажәабжъ Леуарса шьарда дархәыцит (И.П.) – «Леуарса долго обдумывал рассказ Фрача»; Фынта диеихсит – фынта деихагылт, хынта диеихсит – хынта деихагылт («Н.С.») – «Дважды он выстрелил в него – тот удвоился, трижды он выстрелил в него – тот устроился».

Распространяющие обстоятельства могут указать на причину действия.

Ауалшәара акәын цасхәа дақәыңит... (Б.Ш.) – «Платить долги он перестал нарочно»; Сыңкаын гәагшақә дышуп (Б.Ш.) – «Мой сын убит назло»; Цәгъашақа иқыруан алахәа еиқәаїә (С.Ч.) – «К несчастью (предчувствуя несчастье) каркали черные вороны»; Гәаша гәығышашақә ахъча дишытамызт («Н.С.») – «Гуаша не ради скуки звала

пастуха»; Марытхәа длеиғеиуеит, дұышәырчоит цас (Б.Ш.) – «Марытхәа расхаживает и ухмыляется назло...».

Обстоятельство может указать на цель действия.

Амаршын шәғык аеңәа ицины Нхыңқа дцеит уа бара («Апс.л.») – «Амаршан вместе со ста всадниками поехал на Северный Кавказ, навестить своих родственников»; Нарттаа рәааибыртән ицеит ашыхақа шәарыциара («Апс.л.») – «Нарты собрались и пошли в горы на охоту».

Об однородных распространителях

В предложение могут включаться ряды функционально тождественных слов или словоформ, связанных между собой сочинительной связью¹.

Ақаңајәиртәқәа рәы, аңаамақәа раштақәа рәы, аңаармыкъақәа рәы... исәаҳауа иалагеит ашыхарыуа (Аф. р.) – «В кафе, мечетях, на рынках стали встречаться мне горцы»; Ара инсыжыт: саб, сан, сәғылаңә, ҳашыңә, ҳәтхыңә (Б.Ш.) – «Тут я оставил отца, мать, соседей, братьев, знакомых»; ...Афра, апхъара, ахасабра үхәа даара ибзианы илдеит (Аф.р.) – «Она очень хорошо научилась писать, читать, решать».

Ряды эти могут образовать слова любых классов и категориальных форм. Отдельные слова, входящие в эти ряды, могут иметь свои зависимые компоненты, вместе с которыми они становятся членами ряда. Между всеми этими членами ряда устанавливаются сочинительные отношения. Связь между членами ряда выражается преимущественно интонацией перечисления и сочинительными союзами **и**, **гы**, **нас** и др. Союзы **и**, **гы** при этом повторяются при каждом члене ряда.

Иаша еиңбы Ардашыли, Тапашыңа Алыбеи, Амчы Бағәазеи ракәын урт (И.К.) «Это были его младший брат Ардашил, сын Тапаша Алыбей и Амчи Багуаза»; Убарт атаудцәагы ахылапшцәагы ааидгылан ҳара ҳақәырхит (Д.Г.) – «Дворяне и руководящие работники объединились и уничтожили нас».

¹ См. В.Х. Конджария. Однородные члены предложения. В кн.: «Сборник материалов по абхазскому языку», стр. 143.

Ряды однородных членов могут быть открытыми и закрытыми. Отношения и связь составляющих открытого ряда таковы, что они допускают свободное продолжение ряда.

Ахаңа ҳнеин ҳшәақъәеи, ҳәмәақъәеи, ҳаҳәақъәеи, ҳтапанчақъәеи иаҳышытәз иаашытыхны үхәкәнахәеит (Б.Ш.) – «Мужчины взяли свои ружья, кинжалы, сабли, наганы».

Отношения и связь составляющих закрытого ряда таковы, что они не допускают продолжения ряда.

Алиас дәрарымкындаz ари сымхы моу егыи сымхыы арахә еимырәахыы (Д. Г.).

В ряд могут объединяться как конституирующие, так и неконституирующие компоненты. Соответственно, ряд, состоящий из функционально тождественных компонентов, объединенных сочинительными отношениями, может открываться субъектом, предикатом, объектом, распространяющими словами и словосочетаниями.

Субъектный ряд

Ряд, открытый субъектом, занимает синтаксическую позицию субъекта и связывается с предикатом посредством субъектного форманта. Между субъектным рядом и предикатом устанавливается та же связь, что между субъектом и предикатом, с той лишь разницей, что здесь исключается связь в единственном числе и классе. Это связано с тем, что субъектный ряд в целом принимает значение множественного числа.

Таким образом, субъектный ряд имеет в предикате единый субъектный формант, значение лица которого становится общим для всех его составляющих.

Арақа и-кан Шъарифа, Селма, Уазамат, Ҳазарат... (Д.Г.) – «Здесь были Шарифа, Селма, Уазамат, Хазарат»; *Бәәыңсычхәреи бы-блей, быңымши Бымаза рәәоит ишеибакәу!* (Б.Ш.) – «Твой вздох, твои глаза и брови выдали весь твой секрет»; *Инаңызар абна иаалит Миәи, бгахәычи, бгадуи!* (Б.Ш.) – «Видят – из лесу вышли медведь, лиса и волк»; *Арақа иеилагылан Җа змамыз ашәирхкәа: аәә, аҳа, абҳәа, атама, ашымха, аца, абызыра, алаха* (И.П.) – «Здесь росли самые разные фруктовые деревья: груша, яблоня, слива, персики, черешня, кизил, инжир».

В субъектный ряд могут входить слова с разными лексическими значениями лица. И в этом случае ряд имеет единый субъектный формант с одним общим для всех его составляющих значением лица.

Если в ряд входит слово со значением первого лица, то общим синтаксическим лицом всех составляющих (и при наличии в ряде слов со значениями других лиц) становится первое лицо множественного числа.

Шәареи сареи ҳ-аишыцәазам (И.П.) – «Мы с вами не братья (вы и я не братья)»; *Уаргыы саргыы ҳ-аицхыраап...* «Мы с тобой поможем друг другу (и ты, и я поможем друг другу)».

При наличии в ряде слов со значением второго и третьего лица (при отсутствии слов со значением первого лица) общим синтаксическим лицом для всех составляющих ряда становится второе лицо множественного числа.

... *Иареи уареи анард шә-еицасла* (И.П.) – «Вдвоем играйте в народы (И он, и ты играйте в народы)»; *Иареи уареи ҳәызык бзиа шә-еибабом ҳәа сыкоуп?* (И.П.) – «Вы (и он, и ты) друг друга, видимо, недолюбливаете?»

При наличии в ряде слов со значением третьего лица (при отсутствии слов со значением первого и второго лица) общим синтаксическим лицом становится третье лицо множественного числа.

Иареи лареи ашкол ахъ и-еиццеит – «Они вместе пошли в школу (и он, и она пошли в школу)»; *Иареи лареи уаанзагыы и-еибадыруан...* (И.П.) – «Они (и он, и она) друг друга знали и до этого».

Предикатный ряд

Как известно, вопрос предложения с однородными предикатами (сказуемыми) имеет разное решение в различных языках. В истории русской лингвистической литературы превалирует мнение, согласно которому предложение с несколькими сказуемыми при одном подлежащем является простым¹.

¹ А. М. Пешковский предложение с однородными членами называл слитным. Так, он писал: «Слитным предложением называется предложение, заключающее в своем составе однородные члены» (А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. стр. 445).

Предложения с однородными сказуемыми мы относим к сложным предложениям (смотри выше, стр. ??).

Квалификация предложения с однородным сказуемым как сложного связана с признанием сказуемого иерархической вершиной предложения. Однако, как показывают материалы, то или иное решение этого вопроса надо увязывать, прежде всего, с особенностями синтаксической структуры предложения. Так, предложение субъектной двух, трех и четырехкомпонентной структуры с однородными предикатами при одном субъекте нельзя квалифицировать как сложное, так как в нем в организации предикативного минимума участвует не только предикат, но и другие конституирующие компоненты: субъект и объект. Как мы показали в соответствующей части работы, исключи из предложения субъектного и конституирующего объектного компонентов вызывает разрушение структурного предикатного ядра предложения, если даже сохраняется при этом предикат. Совершенно иначе обстоит дело в предложениях с компонентной бессубъектно-объектной структуры, как: **Шеит – «Рассвело»; Хътоуп – «Холодно»; Цаауеит – «Морозит** и др. В предложениях аналогичной структуры предикативное значение организуется одним компонентом и последовательное включение такого компонента, естественно, создает предложение полипредикативной структуры.

Например: *Асасцәа ҳарзыңши ҳаштәаз шеит, хәлеит – «Пока мы сидели в ожидании гостей, стемнело и опять рассвело»; Дырынхәтәуп, илышыталаатәуп, ағнықа ицатәуп* (А.Г.) – «Надо ее вернуть, надо погнаться за ней, надо пойти к ней домой»; ...*Кәашараҳоит, чараҳоит, иғнарта қыфурахашт* (Д.Г.) – «Танцы, веселье в его доме, богатое угождение».

Однородные предикаты имеют общий субъектный префикс, повторяющийся при каждом из них. Таким образом, при каждом последовательном включении однородного предиката повторяется соответствующая связь с субъектом.

Однородные предикаты соединяются между собой сочинительной интонацией или сочинительными союзами (или иными словами). Ряд однородных предикатов обычно открытый.

Зны иштыахъка иғынеихеит, ихы иқәйжыны дхәыцуа, нас ашшыыхәа деңтәаҳынхәын агәашә даадгылт, иңсы зо, ңышыаала

иаартны дынталеит (И.П.) – «Сначала он вернулся и пошел назад, опустив голову, думая, а затем опять вернулся к воротам, притаив дыхание, тихо открыл их и вошел во двор»; *Леуарса ихы ларкәны ңытқ өшүтәмәйт, аха даацәажәйт* (И.П.) – «Леуарса стоял, опустив голову и некоторое время молчал, но затем (он) заговорил».

При обозначении следующих друг за другом действий используются однородные предикаты, выраженные глаголом в форме прошедшего неопределенного времени. Ряд однородных предикатов в этом случае замыкается обычно предикатом, выраженным глаголом в форме аориста.

Ашырхәа ииартта дәүлкѣан, лассы иғааилеихәан, иғы ааизәзәан, атзы акылхара дынкылтышын ашта дыңқәыпшит (С.Ч.) – «Вскочил с постели, быстро умылся, сквозь дыру в стенке посмотрел на двор».

Объектный ряд

Ряд, открытый объектом (конституирующими), занимает синтаксическую позицию объекта (ближайшего или косвенного) и связывается с предикатом посредством объектного форманта (ряда **л** или **д**).

Объектный формант и в данном случае является общим для всех составляющих ряда. Между объектным рядом и сказуемым устанавливается связь в лице и множественном числе. Единственное число и класс, как и при субъектном ряде, исключаются из связи.

Басиат илаңи нархигеит зәңдара дахымзакә... иқаңсаз аихақәа, аигәышәкәа, абаҳақәа, аңаеихақәа (А.Г.) – «Басиат бросил взгляд на топоры, цалды, лопаты, лемехи, докончить которые он не успел»; *Аублаақәа нықәара иандәықалоз мәғаныфас и-шытყархан: аүхана, ажыдаа, ашәхәфа, аңықаҳыш, аңықаңәйәа* (А.Ф.р.) – «Убыхи, отправляясь в поход, брали с собой мед, копченое мясо, сулугун, поваренную соль и аджику»; *Лара дңан ргәйла ӡәбәцәи ргәйла ҹәынцәи и-ралхәеит уажәы Ақәақа сыргоит, ашкол стәрәоит ҳәа* (Д.Г.) – «Она пошла и сказала соседским девочкам и мальчикам, что завтра ее отправляют в Сухуми для поступления в школу».

Объектный ряд обычно открытый, составляющие его связаны

преимущественно перечислительной интонацией, в некоторых случаях – и сочинительными союзами.

Досу ишәыз аматәа анафсан и-шытыхуан: ажәңдәеимақәә, акәмыйзәә еимсы, ашъамхтарә, акәмыйзәә қаллаңадқәә, ахтарә, акәымжәкъяф, ауана (А.е.р.) – «Каждый, кроме того, что он носил на себе, брал с собой: две-три пары обуви, ноговицы, шерстяные носки, башлык, черкеску и бурку»; Ҳышыхәйызыз ахәакъашьеи, аеъықаттәашьеи, ахысшьеи (и)-хирдахъан (А.е.р.) – «Он учил нас с детства владеть саблей, ружьем, ездить верхом на коне»; Март алагамтәа инаркны аублаакәеи, асаңқәеи, ахчыңсаи... Ҧырқаттәыла агағаш х-аиагара иағын (Б.Ш.) – «Начиная с марта месяца перебрасывали на турецкий берег убыхов, садзов, ахчипсоевцев»; Ахауда цъкеи аҳаскын ңылии и-р-ылачон (А.е. р.) – «Он (конь) питался чистым воздухом и сочной травой»; Ашиқәсан зны, ҳамгәхә аиахаршәланы үыықәреи ңытқи, ащиеи, ацәеи ҳзытигәшышвар, үыықаки сапынки иара убас ацәаматәеи, нас, зегъ реиха ҳзыргәкүаз, ашәақ ҳәшәи атнаххәшыон... (А.е. р.) – «Если нам удавалось хоть в год раз продать скучные запасы кукурузы, меда и воска, то мы покупали немного соли, мыла, одежды и пороха»; Аңағцәа и-дирбон... адгылқәа, амишынқәа, ашъахақәа, азиасқәа (А.е. р.) – «Он показывал учащимся страны, моря, реки».

Ряд объектного распространителя

Реже встречается ряд, открытый распространяющим объектом. Он обычно открытый и примыкает к предикату. Составляющие его связаны перечислительной интонацией или сочинительными союзами.

Зегъы ишыжәдьруа еиңш, Гыд есқынгыы иеи, икәадыри, иабыари ухәа зегъы рыла уағы еиқашааны дықан (Д.Г.ә.) – «Как вам всем известно, Гыд всегда имел при себе коня, седло и ружье»; Ҧирала, сахъала, дыррала ухәа лғызыцәа дызларылукауаз акғыны дақамызт... (Н.Т.) – «Ни своей внешностью, ни красотой, ни знанием не отличалась она от своих подруг»; Урт рчаз хылтақәеи ркасы шкәакәақәеи рыла реаңырыхъон амра... (Н.Т.) – «Они широкополыми шляпами и белыми платками защищались от солнца»;

Иаҳәеи, ићамеи, итапанчеи, Икәымжәи, икабеи, ихтарәарқъаќъеи Абарт рыла ма дфашъозма Аңсу хаңа Абатаа! (И.К.) – «Как же не узнать Абатаа по его шашке, кинжалу, пистолету, черкеске и башлыку!»

Атрибутивный ряд

Атрибутивный ряд не имеет большого распространения в предложении абхазского языка. Это связано с тем, что: 1) препозитивное и постпозитивное определения не образуют единого ряда, каждое из них примыкает к определяемому в отдельности, между собою же они не связаны: Урт сахърыхәапшуз ааңынтаи ахыычәпшыр шкәакәақәа сгәлаладыршәон («Алашара») – «Они напоминали мне весенних белых бабочек»; ...Алахәажәкәа реиңш исپырьып сыдгылта гәакрақәа зегъы (Б.Ш.) – «Тогда, словно черные вороны, расстанутся со мной все мои земные муки»; Сүхәоит ускан: ан лыбжыы хаа слымхә итәрәфы шыыш нани!.. (Б.Ш.) – «Прощу тебя, дай мне послушать тогда сладкую колыбельную песню матери!»; Уи аидарамғангага машына дук дақәтәан – «Он ездил на большой грузовой машине»; 2) из двух, следующих друг за другом постпозитивных определений, последнее определяет предшествующее словосочетание в целом (исключительно редко сочетание более двух постпозитивных определений): икаңха-каччоит ахан ҳарак дүззакәа («Алашара») – «Блестят на солнце высокие большущие дворцы»; Мазлоу илақәа ичабра шкәакәа нартшишын... ғымтә дналбаан дңеит (А.Г.) – «Мазлоу вытер глаза свои большим белым платком, спустился молча и ушел».

Атрибутивный ряд могут образовать лишь определения, выраженные инфинитивными конструкциями, соединенными между собой перечислительной интонацией.

Ряд этот всегда открытый.

Қазылбақъ уағ аук иакәын, ихылтарч ду ихаргыла, иңында хыырхәаны, илақәа шакъшақъо итәхаланы, ижакъа ашқәакәеи аиқәайәеи еимаркуа, иҳазыртракәа аразны калам ҭаргыланы, ићама чаңа хъзыркны иаңхәа ићәында (С.Ч.) – «Казылбак был высокого роста с высокой папахой на голове, с орлиным носом, с вставленными

в лоб неспокойными глазами, с бородою с проседью, с серебряными газырями, с кинжалом с золотой отделкой»; Ана-ара урт ирылу-бааует ааҭын лассы имышәтүа, уажәы ибыбышза ишаҭыз аԥсу ҭааңлақәа-аҭаахаңақәа («Алашара») – «Тут и там виднеются рас- цветающие поздней весной распустившие сейчас цветы абхазские яблони»; Уи үцәа ухзырзызаауа ашәа «Уарада» еиԥшам, еиԥшам ахәы иғәы ихааӡа иқәсуа, дәтахәхәа дзырцәо, ихъаа ихазырштуа, ачамгәыр бжыхааха иаңырхәо «Ахәрашәа...» («Алашара») – «То не похоже на песню «Уарада», от которой пробегает дрожь по спине, не похоже то и на песню «Ахураша», которая облегчает боль раненому, усыпляет его, которая исполняется на ачамгуре»; Аутара антың ақәайдағы дышытән ауха чархәара ҭааны аотриад абра иаазгаз, ахҭарәа ҭаңшыз зхаз ауағы (И.П.) – «За огородом, в кустах лежал человек, в красном башлыке, предавший отряд и приведший его сюда»; Шәөышкыл зқыша ӡық шәзыржәша мәғанызағык дышәтәхымхари? («Н.С.») – «Не понадобится ли вам спутник, который мог бы подать вам воды и помочь сесть верхом на коня?»

Обстоятельственные ряды

В предложение часто включаются слова с идентичными обстоятельственными значениями, соединенные между собой сочинительной связью. Такие слова образуют обстоятельственные ряды со значением образа действия, места, времени и др. Ряды эти призывают к сказуемому.

Ряд этот в предложении абхазского языка используется весьма интенсивно. Он может быть образован наречными словами, с деепричастиями и деепричастными конструкциями.

Составляющие его всегда связаны между собой перечислительной интонацией. Обстоятельственный ряд со значением образа действия всегда открытый.

Ақармаңыс нықатәа-аақатәо, Амыг ғәатәо ажың ғәатәо, Амәа шытых ициоит, ициоит... (Б.Ш.) – «Соловей летит пересаживаясь с дерева на дерево, облетая колючие кусты, выбирая дорогу»; Абга-па тәрпеи-тәрпеиуа, Аблацәгъя қәеици-қәеициуа, Абгахәычы аԥсы заны ал ахъ ициоит иқәарны (Б.Ш.) – «Мчится лиса к ольхе, притап-

ив дыхание, мерцая глазами, дрожа всем телом»; Абгахәычы аңа итәсуа, ихашхашуа, иқәасқәасуа, Азаза-баа иаганы, Аңыс иашытоуп еиханы (Б.Ш.) – «Лисица усталая, дрожа, мчится рысью за словием»; Ис҃агәышъар, сыбжы еи҃цыхуа, Ирқамызуа сара сұыхәа, Айла сықатәа сшаҳәалап... (Б.Ш.) – «Если я научусь петь, то буду петь «сладким голосом», сидя на дереве, опустив свой пушистый хвост»; Елқан иаабахьюо иакәушәа дықазамызт: иңшра-исахья еилахахын, аңхыз еиԥш дууаза, дәқеит-шәитүа, димида-гәидаха ақалақь далан (Д.Г.) – «Елкан сильно изменился: изменился он во внешности, опустился, ходит как тень по городу»; Өнак, дызит-дыңсит ҳәа ҳышықаз, иаалырқыаны, итәаңәа иманы, дыбзиахәа, деишаҳәа-еилаца дааҳызылсит Сахатқьери (Б.Ш.) – «Однажды совершенно неожиданно заявился к нам Сахаткери с семьей, разодетый, пышущий здоровьем».

Обстоятельственный ряд с локальным значением

Обстоятельственный ряд с локальным значением образуется наречиями, именами с послелогами (и без них), инфинитной формой глагола с обстоятельственным элементом ахъ, соединенными между собой сочинительной связью. Между компонентами устанавливаются соответственно сочинительные отношения, выражющиеся преимущественно перечислительной интонацией и в редких случаях – союзом ма.

Ряд, компоненты которого связаны между собой перечислительной интонацией, открытый.

Аңыармықъа агәашә ағы, ақаҳуажәиртәкәа рәы, аңыамаа ахътагылаз аштағы, иара уа ақалақь гәарабжъарақәа рәы аԥсуа мхаңырцәа ахъаиқәшәоз абартқәа ракәын ҳәатәыс ирымаз (Б.Ш.) – «Уворот рынка, в кафе, во дворе мечети, на улицах города абхазцы-маджиды говорили об этом»; Аублаатәыла аусқәа рзы уи днеихын Лондон, Петербург... (Б.Ш.) – «По делам убыхов он бывал в Лондоне, Петербурге...»; Аға зехъынцъара джәылон: адгыыл ахътә, ажәған ахътә (Ае.р.) – «Враг нападал отовсюду: с неба, с суши»; Ашытых апартизанцәа ықан ақытәкәа: Ковшово, Чузовек, Старое село (Ае.р.) – «Партизаны были села: Ковшово, Чузовек,

Старое село и других»; Дааиуа, дааиуа ал ашәшьыраф, Аҳаскынқәа реилачыраф Ҧынч лсаара налыргылеит (Б.Ш.) – «Пришла она и поставила тазик в тени под ольхой, на густой траве»; Апаркәа рәғы аңла аилачырақәа рым҆ан, ашъацрақәа рәғы, ачық жәлақәа рәғы къыс амазамкәа инхалон (Аө.р.) – «В парках, под деревьями, в густых кустах и на полянах, покрытых густой травой, оставалось то нетронутым».

Бывают случаи, когда между членами союзного ряда устанавливаются разделительные отношения. В этих случаях ряд закрытый.

...Асқылакәа ирыдүуаз аңбақәа ма Новороссискәа ма Пүткәа рхы дырхон (Аө. р.) – «Пароходы, которые отходили от причалов, направлялись в Новороссийск или в Поти»; Акино ахъ ма атеатр ахъ дызгароуп... (И.П.) – «Я ее поведу в кино или в театр».

Обстоятельственный ряд с темпоральным значением

Реже встречается обстоятельственный ряд с темпоральным значением. Он может быть союзовным или бессоюзовным. Между членами ряда могут устанавливаться отношения:

а) присоединительные (в этом случае ряд открытый): *Ауха шаанза, адырафаене, мчыбжынаңызкәа инеужыны, мызкы ухәа Саида лгәы дәтыңәомызт Заур...* (И.П.) – «В ту ночь до утра, на второй день, в течение недели, месяца Саида не могла забыть Заура»;

б) разделительные (в этом случае ряд закрытый): *Аа, нан, уайәы ма уайәашытәхъ даауеит, быматәа хәыңқәа ааигоит...* (Д.Гә.) – «Доченька, приедет он сегодня или завтра и привезет тебе новые вещи»;

в) соединительные, переходящие в слитность (члены ряда интонационно слиты): *Иахъеи-уаңаи ҳалгоит уа...* (Б.Ш.) – «Сегодня-завтра кончим там то»; *Сасрықәа хайда... уажәы-уашытән ҳәа аңса дазыңышын* («Апс.жәл.рп.») – «Сасрыква-герой с минуты на минуту ждал смерти»; *Уажәы-уашытән асаби иңсы анбаңало ҳәа дыңышын* («Н.С.») – «Он ждал оживления ребенка с минуты на минуту»; *Уахеи-ени хынта-ңышынта дөйжәлон уеизгы* (И.К.) – «В сутки (за ночь и день) он два-три раза садился верхом на коня».

Обстоятельственный ряд со значением меры и степени

Между членами данного ряда большей частью устанавливается значение соединенности, переходящей в единство (члены ряда интонационно слиты).

Знык-фынта ракара ашәак лхәарц ләазылкит, аха илзымгәаңыкәа дылан ғымтәзакәа (К.А.) – «Один-два раза она собиралась что-то сказать, но, не осмелившись, стояла молча»; Фынта-хынта ракарагы Ҧырқатылақа еиццеит, еицааит (К. Аг.) – «Около двух-трех раз ездили они вместе в Турцию»; Саида дахьнеуаз илзааигәаңыны, илеиевырбар атажызышәа, ләаңхъа, фынта-хынта иниақьеит ңарғалыкък (И.П.) – «Мимо Саиды дважды раза пролетела какая-то бабочка, словно хотела понравиться ей».

Обстоятельственные ряды со значениями причины, цели, сравнения и другими, не типичны для абхазского языка.

ОСЛОЖНЕНИЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Осложнение простого предложения инфинитными конструкциями

Вопрос об инфинитных конструкциях в абхазско-адыгских, дагестанских и нахских языках относится к числу фундаментальных вопросов синтаксиса предложения, не получивших еще сколько-нибудь полного и единодушного решения у специалистов. Несмотря на слабую изученность, он породил противоречивые мнения в специальной литературе. Одни специалисты инфинитные конструкции квалифицируют как придаточные предложения, и рассматривают в структуре сложного предложения, другие же, не видя в них категории предикативности, относят их к структуре простого предложения.

Под инфинитными конструкциями понимаются такие словосочетания, организующим центром которых является глагол инфинитного образования (инфиритной формы). Организующая роль глагола инфинитной формы заключается в том, что в нем сосредоточены грамматические форманты субъектно-объектных компонентов словосочетания, к нему примыкают и другие компоненты с обстоятельственными значениями (если такие имеются в словосочетании). В нем находят свое выражение и временные значения. Однако не все глагольные образования инфинитной формы обладают одинаковыми грамматическими возможностями. В этом отношении они должны быть разделены на глаголы инфинитной формы, образованные:

- аффиксами относительных местоимений **и, з** (причастные образования);
- обстоятельственными элементами **-ахь-, -ан-, -ш**, суффиксами **-наты, -ижътеи, -цыпхъаза, -р, -зар, -этгъы, -рны (-рацы, -разы...)**;

в) суффиксами **-о-уа-, -ны, -(м)кәа** и чистой основой (деепричастные образования).

Каждое из этих трех глагольных образований может стать организующим центром соответствующей инфинитной конструкции. Рассмотрим каждое из них в отдельности.

Причастные инфинитные конструкции

Сюда относятся инфинитные конструкции, организующим центром которых является глагол инфинитной формы, образованный аффиксами относительных местоимений **и, з**.

Атқақәажа и-қәнәылшыаз акәчыш абга иагеит (Пословица) – «Не признанного старушкой цыплена лисица забрала»; *Сасра и-мцац асас дизнықәгом* (Пословица) – «Кто не бывал в гостях, тот не сможет принять гостя»; *Ах у-з-қәиргәзыга хы-шықәса уазыпшыз* (Пословица) – «Обещания царя три года ждут»; *Мышки ахра зауз шәфык рхы хиссеит* (Пословица) – «Тот отрубил головы сотне, кто получил должность царя на один день».

В причастной инфинитной конструкции могут быть выражены субъектные и субъектно-объектные отношения. Субъектный и объектный форманты при этом сосредоточены в глаголе инфинитной формы. Это связано с тем, что причастие в абхазском языке обладает субъектно-объектным спряжением.

Сара Кама и-лы-с-тәз ашәкәы астол иқәуп – «Книга, переданная мною Каме, лежит на столе».

В этом примере объектные компоненты **ашәкәы, Кама** и субъект имеют в причастии **и-лы-с-тәз** свои форманты, соответственно **и, л, с**, обозначающие лицо, число и класс соотносительных с ними компонентов (за исключением аффикса относительного местоимения **и**, не различающего, как и **з**, ни лиц, ни числа, ни классов). Здесь, как и в предикате для обозначения субъектно-объектных отношений используются два ряда личных аффиксов с соответствующими им функциями.

Таким образом, в причастной конструкции между глаголом инфинитной формы и субъектно-объектными компонентами устанавливается связь, аналогичная той, которую мы назвали условно-предикативной.

Следовательно, в причастной конструкции, как и в поликомпонентной структурной основе предложения, мы имеем субъектно-объектные отношения и соответствующую синтаксическую связь.

Далее следует решить вопрос отношения причастной конструкции к категории синтаксического времени. Известно, что причастие в абхазском языке обладает всеми временными формами глагола. *И-цәә-жәо* – «говорящий» (*тот, кто говорит*):

аорист	<i>и-цәажәа</i>
прош. несов.	<i>и-цәажәоз</i>
прош. неопр.	<i>и-цәажәаз</i>
давнопрош.	<i>и-цәажәахъоу</i>
давнопр. упр.	<i>и-цәажәахъаз</i>
наст.	<i>и-цәажәо</i>
буд. I	<i>и-цәажәара</i>
буд. II	<i>и-цәажәаша</i>

Однако эти временные формы причастия обладают не абсолютным, а относительным времененным значением.

Важно отметить и тот факт, что относительное временное значение свойственно причастию по своей морфологической структуре, а не по связи, возникающей в предложении или инфинитной конструкции.

И, наконец, об отношении причастия к категории модальности. Как известно, морфологической основой категории модальности являются формы наклонений глагола. Причастие же не обладает формами наклонений и соответственно не может образовать оппозиции синтаксического индикатива с синтаксическими иреальными наклонениями.

Следовательно, категория модальности не может базироваться на причастии.

Как видно из вышесказанного, из трех предикативных категорий (категории лица, абсолютного времени и наклонения) причастие обладает лишь одной категорией лица и на его основе субъектно-объектными отношениями.

Таким образом, инфинитная конструкция, организующим центром которой является причастие, по своей грамматической структуре не может выражать и иметь значение предикативности.

Это означает, что предложение с причастной конструкцией нельзя квалифицировать как полипредикативное, оно может быть лишь монопредикативным, простым.

Это можно продемонстрировать на примере русского языка следующим образом. Из двух вариантов русского предложения:

- а) *На столе лежит книга, купленная мною;*
- б) *На столе лежит книга, которую купил я.*

В абхазском языке наличен лишь первый вариант.

Инфинитные конструкции, организующим центром которых является глагол инфинитной формы, образованной обстоятельственными элементами -ан-, -ахъ- и -ш

Отличия глагола инфинитной формы, образованной с помощью обстоятельственных элементов, от причастия заключаются в следующем:

1. Если в причастии аффиксы относительных местоимений *и*, *з*, занимающих позиции субъектного и объектного формантов, не дают парадигмы лица (числа и класса), то в глаголе инфинитного образования с обстоятельственными элементами полностью сохраняются парадигмы субъектного и объектных лиц.

Следовательно, глагол инфинитной формы с обстоятельственными элементами связан с субъектным и объектным компонентами предикативной связью с сохранением полной парадигмы субъектно-объектных лиц.

Сара аңафы сы-ш-и-ацәажәоз... – «Как я говорил с учеником?»; *Сара аңафы с-ахъ-и-ацәажәоз...* – «Где я говорил с учеником»; *Сара аңафы с-ан-и-ацәажәоз...* – «Когда я говорил с учеником...».

2. Если причастие сочетает глагольную семантику действия или состояния с собственно-характеризующим значением, то глагол инфинитной формы с обстоятельственными элементами сочетает в себе глагольную семантику действия или состояния с обстоятельно-характеризующим значением.

В отношении же выражения категории времени причастие и глагол инфинитной формы с обстоятельственными элементами полностью совпадают.

Он (глагол инф. формы собст. элементами) имеет полную парадигму временных форм с относительным времененным значением.

Разбираемый глагол полностью совпадает с причастием и по отношению к категории наклонения, что он не обладает формами наклонения, является не порождением синтаксических отношений, а свойством глагола как морфологической единицы. И это относительное временное значение сохраняется и в инфинитной конструкции, организующим центром которой является глагол инфинитной формы с обстоятельственными элементами.

Таким образом, исследуемая инфинитная конструкция тоже не обладает категорией предикативности, и квалифицировать ее как придаточное предложение нет реальных оснований.

Глаголы инфинитной формы, образованной другими вышеперечисленными суффиксами (**-ижъеи**, **-наты**, **-цыпхъаза...**), по отношению к категориям лица (числа и класса), времени и наклонения полностью совпадают с глаголами обстоятельственно-инфinitного образования. И инфинитные конструкции, организуемые ими, по своему значению ничем не отличаются от вышеописанных. Поэтому останавливаться на них нет никакой необходимости.

Субъектная инфинитная конструкция

Выступая в позиции субъекта, инфинитная конструкция субстантивируется и указывает на лицо, предмет или явление, действие которого обозначено предикатом.

Азырыши иацашааз амца д-акәңалеит (Поговорка) – «Испугавшийся горячей воды прыгнул в огонь»; *Ә-жылак ирыштылаз акғы изымкит* (Пословица) – «Погнавшийся за двумя зайцами не поймал ни одного»; *Абас ахра иалиааз ахреиңи дығәгәоуп* (Б.Ш.) – «Родденный скалой подобен скале (крепок как скала)».

Субъектная и инфинитная конструкция, как и субъект, связана с предикатом предикативной связью. В зависимости от переходности и непереходности глагола-предиката связь может быть выражена субъектными аффиксами ряда **л** или **д**. Субъектная инфинитная конструкция в целом получает значение класса и числа того денотата, на который указывает она в данном предложении.

Значение же синтаксического лица она получает в зависимости от занимаемой ею позиции в предложении: говорящего, собеседника или неучаствующего в речи. Лицо, число и класс субъектной инфинитной конструкции обозначаются в предикате соответствующим субъектным формантом.

Ауал згартаң д-ыччо д-алағеит («Апс.л.») – «Пришедший за долгом стал смеяться»; *Са исықаңышаны итәз рыхқаңаңыз жи* и-зырғуан (А.Г.) – «Сидевшие вокруг меня слушали, опустив головы»; *Згәры зыхызы бара б-оуп* (А.Г.) – «Пострадавшая (у кого сердце болело) есть ты»; *Зыңсы еиқәхаз ҳаңсы ҳаманы ҳ-цеит* («Апс. л.») – «Оставшиеся (мы) в живых спаслись бегством».

Удаление субъектной инфинитной конструкции из структурной основы предложения, как и удаление субъекта, вызывает ее разрушение. Факт этот доказывает, что субъект и субъектная инфинитная конструкция занимают идентичные синтаксические позиции в предложении.

Сравним: *Ахра иалиааз ахреиңи д-ығәгәоуп;*
..... *ахреиңи , -ғәгәоуп.*

В функции субъекта выступает преимущественно инфинитная конструкция, организующим центром которой является глагол инфинитной формы, образованной аффиксами относительных местоимений **и**, **з**.

Аибашыра и-анымиаң д-хаңа ғәғәоуп (Пословица) – «Тот герой, кому не приходилось сталкиваться с войной»; *Абилет з-маз ашаахъ еиханы рұына-р-хеит* (И.П.) – «Имевшие билеты двинулись к дверям»; *Са сыйзыруағы (и)-шыарда-оуп...* (Б.Ш.) – «Знают меня многие (знающих меня – множество)»; *Атырқаң гаға рашапы нықа-д-ыргылеит зтәила ныжыны и-цоз* (С.Ч.) – «Ступили на турецкую землю те, кто шли, оставив свою родину».

Объектная инфинитная конструкция

Объектная инфинитная конструкция занимает синтаксическую позицию конституирующего объектного компонента структурной основы предложения. Она связывается с предикатом предикативной связью. В зависимости от переходности и непереходности

глагола-предиката связь эта может быть выражена объектными аффиксами ряда **д** или **л**.

Аеы иақымтәац аеы д-канамыжыцт (Пословица) – «Кто не ездил на коне, тот никогда не падал с коня»; *Ах узықаиргәйгүа хы-шықәса у-а-зыңышыз* (Пословица) – «Обещания царя три года ждут»; *Иара дәләажәон, Хықаа дғылан, Лабхәа иаңыигаз д-а-зңушан* (Б.Ш.) – «Он говорил, Хикуа стояла, ждала решения свекра своего».

Объектная инфинитная конструкция, как и субъектная конструкция, выступая в позиции объекта, субстантивируется и принимает значение класса и числа того денотата, на который она указывает в предложении. Значение же синтаксического лица она получает в соответствии с занимаемой ею позицией в речи: говорящего, собеседника или неучаствующего в ней.

Значения лица, числа и класса объектной инфинитной конструкции обозначаются в предикате соответствующими объектными формантами.

Аҳасахәыңқәа и-сархәеит... Мороз уағы дахынышашааз («Алашара») – «Девушки сказали мне, где можно разыскать Мороза»; Ақазарма аңхыа данааи атаңын зрыңхуаз днарылаңшит (И.П.) – «Когда он подошел к казарме, посмотрел на тех, кто низал табак»; *Азы иашыыз азы и-ғадырхәөон* (Поговорка) – «Утопленника (убитого водой) поили водой»; Аурок иагхаз ашкол адиректор д-х-аңхан икабинет ах ҳ-ағнеигалеит – «Опоздавших (нас) на урок директор школы вызвал и завел в кабинет».

В функции организующего центра объектной конструкции выступают:

1. Глагол инфинитной формы, образованной аффиксом относительного местоимения **з**:

Иара и-еиликааит уи з-мааназ (Л.Т.) – «Он выяснил, что это означало»; *Уағы и-еилиргарызу ампыл з-гози, урт амфа рзы-з-куази?* (Д.Г.) – «Мог ли кто-нибудь разобрать, кто владел мячом и кто гнался за ними?».

2. Глагол инфинитной формы, образованной аффиксом относительного местоимения **и**:

Надиа и-қалңаз Җемыр и-цьеишьеит (И.П.) – «Темыра удивил поступок Нади»; *Сара и-еильскааит, ажәларқәа риашьара и-аңанакуаз* (И.П.) – «Я понял значение братства народов»; *Айла и-алғрыз амат (и)-и-цһаит* – «Змея ужалила того, кто упал с дерева».

3. Глагол инфинитной формы, образованной обстоятельственным элементом **ш**:

Сара уаҳы сы-ш-цоз шәара и-шәасымхәит (Д.Г.) – «Я не сказал вам о том, что я иду туда»; *Аха и-жәдьруазааит ҳарғызы ҳұтахәаха х-шыңдам, акы ш-хаҳауа, амазақәакгы шаадыруа* (И.П.) – «Чтобы вы знали, что мы не спим мертвым сном и располагаем кое-какими сведениями».

4. Глагол инфинитной формы, образованной обстоятельственным элементом **ахь**:

Уи и-ағысейхәеит иңарақәа ахыркоу (Л.Т.) – «Он сказал мне, где его деньги хранятся»; *Аҳасахәыңқәа и-сархәеит Мороз уағы д-ахь-иңыхашааз* («Алашара») – «Девушки сказали мне, где можно разыскать Мороза».

5. Глагол инфинитной формы, образованной вопросительным элементом **шака**:

Сара ибзиаңәқынды и-еильскааит урт ауа ғарцәа риша ылцәәлаара шака иаңқазаз (И.Л.) – «Я хорошо понял, насколько они были способны высосать у простого народа кровь»; Урт Игнат и-реихәалон аузбек пәнәис лыңстазаара шака ихъамтаз (И.П.) – «Игнат часто рассказывал им о тяжелой жизни узбечки в прошлом».

6. Глагол условно-целевой инфинитной формы:

Татластәнди Алмеи ғыңға аарыңхан рнапы и-аныр҆еит ажәлар еизыргаразы, амтыл асра еиғыркааразы (Д.Г.) – «Татластан и Алма вызвали двоих и поручили им собрать народ и организовать игру в мяч».

Объектная инфинитная конструкция (личноотносительная), как и субъектная, является конституирующими компонентом и удаление ее из структурной основы предложения вызывает ее разрушение.

Сравним: *Җемыр и-фуан Москва дааижытеи дышқәышхаз...* (И.П.) – «Темыр писал о том, что с тех пор, как он приехал в Москву, поумнел»; *Җемыр -фуан.....*

Инфинитная конструкция в функции распространяющего объекта

Инфинитная конструкция может выступить в функции распространяющего объекта. И в данном случае она субстантивируется, однако связывается с предикатом не предикативной связью, а свободным прымыканием. Выступая в функции распространяющего объекта, инфинитная конструкция сочетается с каким-либо послелогом, с которым вступает в связь в лице, числе и классе.

Иагханы иааиз р-зы астол хазы идырхиеит – «Для пришедших с опозданием накрыли отдельно стол»; Аңара зәар зтәху изы ашколқәа рыша аартуп – «Двери школ открыты для того, кто хочет учиться»; Акрура зтәху изы аусутә маңзам – «Есть что делать для того, кто хочет работать»; Акғызы злымңаша изы ахыргәақра иапсам – «Невразумительный заботы не стоит».

Инфинитная конструкция в функции распространяющего объекта встречается в редких случаях.

Атрибутивная инфинитная конструкция

Атрибутивная инфинитная конструкция занимает в предложении синтаксическую позицию атрибутивного распространителя. Она определяет преимущественно субъектный и объектный компоненты и прымывает к ним. Она связывается с определенными ею компонентами свободным прымыканием. Однако наиболее естественна препозитивная позиция атрибутивной инфинитной конструкции по отношению к определяемому ею слову.

Абыржәи иааины зымацара итәаз атқақәажә дубауоу цөв? («Алашара») – «Ты видишь хорошо старушку, которая подошла сейчас и села одна?»; Абни, аңхъан иусырбаз аңхәйис илымоуп иңәахны («Алашара») – «Та женщина, которую я тебе показал, спрятала то»; Сара ибжъаны зкәадыр зқәысқаз аеы ақәыңши аңхәйиси сзақәыртәом («Алашара») – «Я не посажу на коня, наезженного мною, ребенка и женщину»; Ақалақ ағызыраазоит интеллигенция ғың, амилаттә культура шытәзхша ауаа (Н.Х.) – «В городе воспитывают новую интеллигенцию, людей, которые

должны поднять национальную культуру»; Икоуп амашынақәа – Амашына қызықәа, Амашына қынақәа, Иласу, Игәзәоу, Кыр злазо, Блада игәазтә, Зегъ зылшо (Амц.) – «Есть машины – умные машины, добрые машины, легкие, сильные, без глаз видящие, всемогущие».

Удаление атрибутивной инфинитной конструкции, как и других распространяющих инфинитных конструкций, из предложения не вызывает изменения структурной основы.

Анкыя абра дынхон ашырып раңданы измаз таудак (И.П.) – «В старину здесь жил какой-то дворянин, имевший много фруктовых садов»; Анкыя абра дынхон... ... таудак – «В старину здесь жил какой-то дворянин».

В функции организующего центра атрибутивной инфинитной конструкции может выступать глагол инфинитной формы, обретенной:

Аффиксом относительного местоимения **и**:

Ақыдауахәа иадтәаланы и-хысуаз Иазыға, ахысра анаақәтәа-җәкә, даара дзыңашәашаң акы игәи иаайдалеит (И.П.) – «Сразу после того, как прекратилась стрельба, в сердце Язуга, стрелявшего сидя за бревном, вселился какой-то страх»; Илшәйләеит аңхәйис маттақәа ирылакны и-ааигаз хайтә ласалых кофтакгы (И.П.) – «Она сделала еще одну шерстяную кофту, которую он принес вместе с женскими вещами».

Аффиксом относительного местоимения **з**:

Күкүта уажәраанза иңаңа з-ирсол аңаңасағы дигәамәхазт, даға ңаңасағык иәи аңаңасара далағеит (И.П.) – «Кукуте не понравился парикмахер, у которого он брился, и стал бриться у другого парикмахера»; Арака иубон ңыштыыхкыс иутаху зегзы з-моу ашәткәа (И.П.) – «Здесь можно было найти любые цветы, какие только захочешь»; Кәйттәт ибригада аусура ианалга, иара дрылйны ганкахыны инасқашәа аус з-уз зәтиңә ңыша Сырма ләи днеит (И.П.) – «Күттәт, когда закончила работу его бригада, отошел от своих друзей и подошел к красивой девушке Сырме, работавшей чуть поодаль»; Еиңирхашшы иааиуан ар рыматтә з-шәйз гәынәғык ауаа (И.П.) – «Шла группа людей, одетых в военную форму».

Обстоятельственным элементом **ахъ**:

Апқәйзба д-ахъ-ырбаз ағны бахәйк ашъапағы иғылан (И.П.) – «Дом, в котором нашли девушку, стоял у подножья горы»; Дигәә дахъыштализ ауда иштыхны ағнду иатқатан (А.Г.) «Комната, в которой спал Дигуа, была пристроена к большому дому».

В функции организующего центра атрибутивной инфинитной конструкции выступают также:

1. Инфинитная форма будущего второго времени глагола:

Аңцәә иңшыуп, ажәлар нықәйзгаша ағар ықоуп (Н.Х.) – «Слава богу, есть молодежь, которая может обслужить народ»; *Насгыы мәфакы дықаңыздаша, икәышү фыза димазам* (Н.Х.) – «У него нет друга, который направил бы его по правильному пути».

2. Инфинитная форма обусловленного наклонения:

...Адырғаенең идрыңхаз ататын ғырхит (Н.Х.) – «Они наломали табачных листьев, низать которые собирались на второй день»; *Есма лгәсі қазашаз, лхъаа лхазырштышаз самарқәылқәакгы* нархәан илатәйт (Д.Г.ә.) – «Они немного побалагурили, чтоб развеселить Эсму и облегчить ей боль, и расселись».

3. Условно-целевой инфинитной формой глагола, образованной суффиксом **-ратәы:**

Үрт дынрывсны бзия дахынаскъаз, уардынк бжысыратәы мәға тәшәарәк дазнеит (Н.Х.) – «Пройдя мимо них, он пришел к какой-то узкой дороге, по которой могла пройти арба».

Обстоятельственные инфинитные конструкции

Общей семантикой обстоятельственных инфинитных конструкций является обстоятельственно-характеризующее значение, которое, как правило, относится к предикату, но может относиться и ко всему предложению в целом.

К обстоятельственным инфинитным конструкциям относятся: инфинитная конструкция образа действия, локальная инфинитная конструкция, темпоральная инфинитная конструкция, целевая инфинитная конструкция, уступительная инфинитная конструкция, условная инфинитная конструкция, сравнительная инфинитная конструкция и др.

Инфинитная конструкция образа действия

Инфинитная конструкция образа действия обозначает, как и при каких условиях происходит действие предиката. Она связывается с предикатом свободным примыканием.

Нас алаф шырхәоз, ишыччоз ататынрыңхрагы иналагеит (Н.Х.) – «Затем, балагуря, шутя, приступили к низке табака»; *Амә ңыруазар абжыы уаҳартә иаатынчрахеит* (Н.Х.) – «Воцарилась такая тишина, что можно было услышать пролетающую муху».

В функции организующего центра инфинитной конструкции образа действия может выступить глагол инфинитной формы, образованной:

1. Обстоятельственным элементом **-ш:**

Мытадышыны ды-ш-каждызы дырбеит (И.П.) – «Мыту нашли убитого (лежащего убитым)». *Егырт ашәкәкәа ицкыаны адашыма и-ш-ықыңсаз адәахыы хәмарра дцеит* («Амц.») – «Оставил разбросанные на полу книги, он вышел во двор играться»; *Уи еилымкаакәа дахьцоз игәсі и-ш-алаз ағныңа дхынхәйт Батал* (И.П.) – «Батал вернулся домой, жалея, что ему не удалось выяснить то».

2. Суффиксом **-ратәы / ртәы:**

Уанғылазгы ңағыа угылан, ңыңғыы уңсит ауаа урбаратәы (Б.Ш.) – «Пока стоял, стоял ты гордо, когда пришла гибель, погиб ты со славой»; *Ишәиааидә? – нахъхы абарңағ... иқәгылаз ауағаза* иаҳартә ғааиттит Качи (А.Г.) – «Кто из вас выиграл? – крикнул Качи так громко, чтобы мог услышать тот неотесанный человек, который стоял на балконе».

3. Суффиксом **-шәа:**

Ағнқәа ибо даннеи, аганахъшәа итәгылаз ахъазайә иеадкылашәа даагылт (А.Г.) – «Когда подошел так близко, что можно было разглядеть дома, он стал, прислонившись к одиночному каштановому дереву»; *Инанагаз афатә аңшқа инағаршәнә, нас зназы шытажықа аєынхыршәтшәа иаатғылон уи* (Ф.Иск.) – «Положив в рот птенцу корм, чуть откинувшись назад, она остановилась».

Локальная инфинитная конструкция

Локальная инфинитная конструкция обозначает место или направление действия предиката. С последним она связывается свободным примыканием.

Урт^т еилсыргахъеит, баба, – лхәеит Зина лыхцәы ыршо дахъгылаз (И.П.) – «Я уже убрала то, – сказала Зина там, где она стояла, заплетая косы»; Амра ахра ацақба иахыбжъатәаз иаапышәйрчеит (С.Ч.) – «Солнце засияло там, где оно сидело между скалами»; Озамат иң атрактор дахъақатәаз иаатиркьеит ашәа ғың (С.Ч.) – «Сын Озамата запел новую песню, сидя на тракторе».

Организующим центром локальной инфинитной конструкции выступает глагол инфинитной формы, образованной обстоятельственным элементом **ахь**:

Саб иаб, уи иаб ухәа ҳабацәа абра с-ахь-ы-қыныхон (С.Ч.) – «Дед мой, прадед и другие жили тут, где я сейчас живу»; Уахгыбы-сынгыбы имгылазакәа аудаа тәаны афы ахъеимаркуа иара саатқа еиқынны дызтәаумызт (А.Г.) – «Он не мог сидеть ни одного часа там, где люди сидели сутками и пили вино»; Аб ас дхәыцуа д-ахь-гылаз Җемыр иблақәа москватәи атыңта ңұза излықәамызт (И.П.) – «Темыр (где он стоял, задумавшись) не мог оторвать глаз от красивой москвички».

Иногда к локальной инфинитной конструкции добавляется послелог **ахь** со значением направления.

Рұғыңғыры рөғынархеит аудаа айла иахъақатәаз ахь (С.Ч.) – «Оба направились туда, где люди сидели под деревом»; Илаңи наиршәит ахысбжыбы ахъгаз ахь (С.Ч.) – «Он бросил взгляд туда, откуда раздался выстрел».

Темпоральная инфинитная конструкция

Темпоральная инфинитная конструкция связывается с предикатом свободным примыканием и характеризует его с темпоральной стороны.

Темпоральное значение инфинитная конструкция в целом получает от ее организующего центра – глагола инфинитной формы.

Глагол же инфинитной формы темпоральное значение приобретает от образующих ее аффиксов, к которым относятся:

1. Обстоятельственный (временной) элемент **ан**:

Камачың лыбжыы ан-лаха, Цақәа хәычы дәғәиргәйәа дығны даит («Амц.») – «Маленькая Цакуа прибежала бегом, с радостью, когда услышала голос Камачича»; Басиат д-ан-ырзааигәха урт^т аусура иақәйіт («Амц.») – «Когда Басиат приблизился к ним, они перестали работать».

2. Суффикс -ижъеи с темпоральным значением:

Дигәа иғны ағымца ааигеижъеи раңақ үуамызт (А.Г.) – «Прошло немного времени с тех пор, как Дигуга провел к своему дому электропроводку»; Зинеи иареи еибамбеижъеи даара ихыңрақәа раңаахеит Җемыр (И.П.) – «Много разных мыслей и забот появилось у Темыра со времени последней встречи его с Зиной».

3. Темпоральный суффикс **-наты**:

Сымч снанагонаңы сыңерыстаң стәхымызт (И.П.) – «Пока сил хватало, я не хотел сдаваться»; Аудара ақәйрәңонаң аеамырәйсит (А.Г.) – «Пока его загружали, он не двигался».

Темпоральный суффикс **-аанза**:

Аудағы дыңсанзаа үүмтә қәйрәзом (Поговорка) – «Пока человек жив, его заслуги (дела) не выявляются»; Азәи ихъаа уздыруам уара ухатә уақәшәаанза (Поговорка) «Чужого горя не поймешь, пока сам не столкнешься с ним».

5. Суффикс кратности **-цыпхъаза**:

Сәәи аатызызааует уи даасгәалашәацыпхъаза (С.Ч.) – «Сердце сжимается каждый раз, когда я вспоминаю его»; Рыда ңысхәс иҳамоузес, парак аахтажаацыпхъаза дара роуми ҳназыдғыло (И.П.) «Что нам делать без них, каждый раз, когда нам нужны деньги, мы обращаемся к ним».

6. Префикс **-ахынза** (до тех пор пока):

Сара с-ахынза-тәаз сәғизәағы ааит – «Пока я сидел, товарищи мои подошли»; Амиқәа ахынзаңағыз атагалара изаламгеит – «Пока стояли дождливые дни, не смогли приступить к сбору урожая».

7. Суффикс **-мтазы** (к тому времени):

Хәйләзы амра аташәамтазы өуағык ағәар дааталеит «Вечером, к заходу солнца (в момент захода солнца), во двор заехал

какой-то всадник»; Амаңааз ңшаауа ихы аларқымтазы дхъаңшхъаңшуа иргәзәаны лғыналхеит Зина... (И.П.) – «В тот момент, когда он нагнулся, ища кольцо, Зина быстрыми шагами направилась...»

Бывают случаи, когда инфинитная конструкция, организующим центром которой является глагол инфинитной формы с обстоятельственным элементом **ш**, выступает в предложении с темпоральным значением.

Акамбашықәа снарыңақъеит сара схаланы ауардын сышинақтәаз еуңшіләкъа («Амц.») – «Я погнал буйволов сразу же, как сел на арбу»; Уи ашта д-шааталазәкъа иеы днасын афны апхъа дыхәмаруа даақәлеит (И.П.) – «Как только заехал во двор, он развернул коня и стал скакать по двору».

Причинная инфинитная конструкция

Причинной инфинитной конструкцией обозначается реальная причина, которой обусловлено содержание предложения.

Сеидық ихы ларқәны дңәйшыңшуа Мыса дизыңшует иғәы ағырғарго, Мыса ғәгәә дықәгыланы иахызыымхәо (С..) – «Сейдык со злостью смотрит на Мысу за то, что тот не может твердо и уверенно излагать свои намерения»; Җамшығә дғылан... алеи ахәеи қыдқью, Махаран дизгәданы абысқаамтә дахымааз (И.П.) – «Тамшыгу стоял очень рассстроенный, злясь на Махарана, что тот до сих пор не пришел».

Причинная инфинитная конструкция соединяется с предложением преимущественно присоединительной интонацией и относится ко всему предложению в целом.

Аұыма өңа дахьрыңыз қәгъаза иғәы ғызыт (С.Ч.) – «Тоска заела его, что пас немых коз»; Ҳәйрәндар ҳақәнагоит... ҳаққында ҳара иахызаңғы (С.Ч.) – «Мы должны радоваться тому, что дети наши будут лучше нас».

Для связи причинной инфинитной конструкции с предложением иногда используются послелоги **-(а)зы**, **-(а)қынитә**, которые всегда следуют за конструкцией.

Вба мыңхәык рхы ирзадомызт заалымк аауеит рхәаратәы иахықамыз азы (И.П.) – «Они не очень винили себя, не видя в своих

поступках ничего грешного»; Аиаша рлакта иахытапхәоз ақнитә дырцымғын (А.Г.) – «Ее недолюбливали за то, что говорила им правду в лицо».

Как видно из примеров, в функции организующего центра причинной инфинитной конструкции выступает преимущественно глагол инфинитной формы, образованной обстоятельственным элементом **ахъ**. Обстоятельственный элемент **ахъ** в данном сочетании имеет не локальное, а причинное значение.

Организующим центром причинной инфинитной конструкции могут быть и другие инфинитные образования глагола, к которым относятся:

1) Условная форма глагола на **-р**, **-зар** с последующей частицей с функцией связи:

Абас аколнхарақәа рахъ снықаоит исылшо ала сызырыңхрааузар ҳәа (А.Г.) «Так я хожу по колхозам, чтобы помочь по силе возможностям».

2) Деепричастие, образованное суффиксом **-ны**:

Ишыңаңа аарғағданы дынишишталеит дихымзар ҳәа дшәаны – «Ускоренным шагом последовал он за ним с боязнью не догнать его».

Причинная инфинитная конструкция не имеет в предложении строго фиксированной позиции. Однако она большей частью занимает постпозицию по отношению к предложению.

Условная инфинитная конструкция

Условная инфинитная конструкция обозначает условие, которым обусловлено осуществление содержания предложения.

Са сзы иқоу азә лакәзар Дыңдаат хыхтәи, Сыбжы анааго дазхәңцыр, Хымпәда дызгашт (И.К.) – «Если она создана для меня, то пусть прыгнет оттуда (с высоты), если послушает мой зов, увезу ее обязательно»; Саб иеүхәала джаһытазар, Джахъзоит лассы; Иакәым ала дыңқыгар, Иахзейлам акғы... (И.К.) – «Если отец мой преследует нас на своем белом коне, то он нас обязательно догонит; если ты не встретишь его, как тебе подобает, то между нами все кончено»; Уи еуңш аразқы ҳауазма ҳуазәы аибашырағы

дұлахар? (И.П.) – «Мы бы не знали подобного счастья, если бы один из нас погиб на войне».

Отношение обусловленности, устанавливающееся между инфинитной конструкцией и остальной частью предложения, может быть непосредственным или гипотетическим.

Основными выразителями условных отношений в целом являются условные инфинитные формы глагола, к которым относятся:

1) Условные формы с суффиксами **-р**, **-зар**:

Адәйгеба аара иахымтар, сара сөзы зыңзагы шәмааиуазаарын (И.П.) – «Если бы поезд не пришел с опозданием, вы не зашли бы ко мне»; Аңсыцқыа азәир ихазар абри ихоуп («Алашара») – «Если у кого совесть чиста, то у него»; Уи уажыгы амфа дықәзар, игәшә ҳәзар ихырпшуаз раңдаан (Н.Х.) – «И сейчас, если направить его по правильному пути, если уговорить его, он мог бы повести за собой многих».

2) Условная форма с суффиксом **-зтғы**:

Ухазы аус иуур үтәхызтғыы, сара исоуҗәандә! (С.Ч.) – «Если ты хотел заставить его работать на себя, то ты должен был известить меня об этом»; Егъя айых баңсызаргы иеыбәгейомызт уи цұя амфақаа идыруазтғыы... (А.Г.) – «Какая бы ни была ночь, он бы не сорвался (со скалы), если бы он хорошо знал дороги»; Иқаларын иңсі еивәханы дналаңсзаргыы, убри аамтазы аписар даағнамышылазтғыы (Дж.А.) – «Возможно, он не пришел бы в сознание, если к этому времени не зашел бы писарь».

В функции организующего центра условной инфинитной конструкции может выступить также инфинитная форма глагола, образованная обстоятельственным элементом **ан**. В этом случае обстоятельственный (временной) элемент **ан** становится выражителем реального условия.

Еибабаат иахъа сыфны, еибабараты аамтә анықала (И.П.) – «Пусть они встретятся сегодня в моем доме, раз создались для этого условия»; Ажәлар рымай уурц и-ан-ақәук акыр учхароуп (А.Г.) – «Раз ты взялся руководить народом, ты должен быть терпеливым»; Амц үхәарц и-ан-ақәук, анапы айаңа ашыапы айаңа иуҗәозароуп (Поговорка) – «Раз ты решил сказать неправду, то должен сказать умело (приделав к ней руки и ноги)».

Как видно из примеров, условная инфинитная конструкция примыкает ко всему предложению в целом. Позиция ее в предложении не строго фиксирована. Она встречается преимущественно в препозиции, однако нередки случаи ее использования и в постпозиции.

Саида сиашоуп ҳәа лхы лыңхазазар мчыла ухәтәағы дузаагомызт (И. П.) – «Если бы Саида считала, что она права, то не смог бы уговорить ее насильно»; Иңегъ сылшо сыйазар, схы сеңгзомызт... (И.П.) – «Если бы я мог сделать еще больше, я себя не пожалел бы»; Сара схатыпағы бара бықазар, иштақабйоз? (И.П.) – «Если бы ты была на моем месте, как бы ты поступила?» Уиақара зысқәарызеи, уара иумдырыуи сара исымхәаргы (И.П.) – «Зачем столько говорить, ты ведь знаешь, если даже ничего об этом я не скажу...»; Арт лішәа змамыз ражәеимдара иңегъ идроууан Баңал иеы нарғылашәа ажәақәак имхәар (Н.Х.) – «Они еще долго спорили бы, если бы Баңал не вмешался в их разговор».

В специальной литературе отмечены случаи, когда «форма условного наклонения, образованная при помощи суффикса **-зар...**, утратив функцию условия, употребляется в значении прошедшего времени», и «несмотря на обстоятельственное значение..., выражает действие финитного характера»¹.

Нам кажется, что случаи эти обусловлены контекстом. Абсолютное временное значение может приобрести условная форма на **-зар** в контекстуально необусловленной позиции, как это отмечено выше, лишь в вопросительных предложениях. В этом случае приобретение условной формы абсолютного временного плана обусловлено вопросительным значением, которое выражается интонационно.

Рыңхаша хың-зар агәараңәа ишны? Амцаңшы аирайа-зар Омар иаҳтны? (Б.Ш.) – «Может, их терпение, вскипев, лопнуло? Может, они подошли к княжескому двору Омара?»

Целевая инфинитная конструкция

Между целевой инфинитной конструкцией и основной частью предложения устанавливаются отношения целевой обусловлен-

¹ Л.П. Чкадуа. Система времени..., стр. 162.

ности. Обязательным строевым элементом целевой инфинитной конструкции являются формы условно-целевого наклонения, к которым относятся:

1) Условно-целевая инфинитная форма с суффиксом **-рацы / -рцы**:

Лыцьмақәа дрыштылазаат астарышын ишжаохәугыы еидцила икылданы азагатовка еитә-р-и, абоиниаф рыхқәа аахыңәйәаны... рцәақәа рхырымхқәа дырпрымйырц (Дж.А.) – «Старшина погнался, оказывается, за козами, чтобы сдать их всех на заготовку, чтобы не отстать от них до тех пор, пока не сдерут с них шкуру»; Сәғәи бзиам ҳәа ғыңгас иатан Дыштылалеит лара, Аңсны иааазас Беслан Пытрак дизыңшырц (И.К.) – «Под предлогом болезни, легла она, чтобы дождаться сына Абхазии – Беслана».

2) Условно-целевая инфинитная форма с суффиксом **-разы**:

...Бзыңц өнү ғажәижәаба маат, нағылахәаны иабду иштәйт ихақым имария анибалак иңыбыа итәиршә-разы (Н.Х.) – «Он завернул в записку тридцать рублей и отдал дедушке, чтобы тот передал их лечащему врачу»; Уск снаты ианиңа-разы даазар қалап (Д.Г.) – «Он приехал для того, видимо, чтобы поручить мне какое-то дело».

3) Условно-целевая инфинитная форма с суффиксом **-ратәы / -ртәы**:

Ҳауаажәлар ирабжыгалатәуп ғатәла ихәыларатәы еиңш... (И.П.) – «Надо учить наш народ, чтобы он мыслил по-новому».

4) Условно-целевая инфинитная форма с суффиксом **-раны**:

Сан ажәа сыйтәйт уи ңыара еитәлымхәараны (Д.Г.) – «Мать моя дала мне слово, что она никому не передаст (не расскажет) то».

Легко заметить, что условно-целевая инфинитная конструкция семантически близка к условным и причинным инфинитным конструкциям.

Целевая инфинитная конструкция может иметь и несобственно-целевое значение. Временной план предложения, в этом случае, как правило, имеет категорическое значение. С несобственно-целевым значением выступает обычно конструкция, организующим центром, которой является условно-целевая форма глагола на **-рацы**. За инфинитной конструкцией в этом случае может следовать послелог **-(а)зы**.

Аус хъантә уацәымшәарц азы адырреи агәағыреи умазароуп «Чтобы не бояться трудного (тяжелого) дела, надо обладать знаниями и решительностью».

Условно-целевая инфинитная конструкция относится ко всему предложению в целом и связывается с ним без союзов.

Уступительная инфинитная конструкция

Уступительная инфинитная конструкция выступает с таким значением, при котором не должно осуществляться содержание предложения, однако осуществляется. Следовательно, между инфинитной конструкцией и остальной частью предложения устанавливаются отношения обратной обусловленности.

Цәғанәйәи ажәған Җәашааза ишықазгы, ғанкахъала адыб бжыы даара аеаргәгәеит (И.П.) – «Несмотря на то, что небо было чистое, где-то на стороне усилился гром»; Узлазбо ала, амайура ғың ахъ ушааргазгы, уколнхара каужырыц угәы итәм ҳәа сыкоуп... (И.П.) – «Как видно, несмотря на то, что тебя перевели на новую работу, ты не собираешься расстаться со своим колхозом».

Организующим центром уступительной инфинитной конструкции выступает глагол инфинитной формы, образованной:

1) Обстоятельственным элементом **ш** и суффиксом **-гъы**:

Абри ақара д-ш-еилахаз-гъы, Зина сааңсейт ҳәа лашишыңхызык азәы илмүрхәцыт (И.П.) – «При всей своей занятости Зина никогда не выражала никакой жалобы никому»; Саида абри ақыад абыржәада и-ш-ылымба-гъы, изеиңшразаалак хырфа азылымуит (И.П.) «Несмотря на то, что Саида впервые видела эту бумагу, она на нее никакого внимания не обратила».

2) Суффиксами условного наклонения **-з, -зар** в сочетании с суффиксом **-гъы**:

Дзацәажәо ауағы ажәак имекразы игәы итәм-зар-гъы ашышыңәа дзырфуа дтәа-зар-гъы, иара ицәажәашыа ицәажәашыан, иңсахуамызт (И.П.) – «Если даже собеседник его не собирался спорить с ним и молча слушал его, он не менял характер своего разговора»; Ағныңаңгатә матәахә еидгалоуп, инагзаны иқам-зар-гъы (И.П.) – «Строительный материал собран, хотя не полностью».

Инфинитной конструкции такого состава может предшествовать усиительная частица **-иаг(ь)а**.

Иага мықамабара ихиг-а-р-гы уи ағәйгра зынза өңдеашы ақәмыйзт (И.П.) – «С какими бы трудностями он не сталкивался, та надежда не угасала никогда»; *Иагъа шыыжы шәнеиргы, шәара шәапхъа инеиша рацәахоит* (Д.Г.) – «Как бы вы рано ни пришли, многие опередят вас».

Уступительная инфинитная конструкция примыкает к остальной части предложения интонационно. Позиция ее не фиксирована. Чаще встречается в препозиции, реже – в постпозиции.

Егъа гъангъашра нықәаагаргы, акы иұхәоит ҳәа сықам уи ауаф иғы (Д.Г.) – «Что бы мы ни придумали для него, ничего от него не добьемся»; *Иара изеильмекаая дықамызт аиғара Зина дщацәшәоз, егъа бзия еибабо иқазаргы* (И.П.) – «Он не мог не знать, что Зина боится вражды, как бы она его ни любила».

Как показывают примеры, значение уступительности, выражаемое уступительной инфинитной конструкцией, может быть реальным, ирреальным, предположительным и потенциальным.

Сравнительная инфинитная конструкция

Между сравнительной инфинитной конструкцией и остальной частью предложения устанавливаются собственно характеризующие отношения, основанные на ассоциативной связи между содержаниями обеих частей предложения. Инфинитная конструкция своим содержанием характеризует содержание другой части предложения путем сравнения.

Хәычгы дугы ахыңы иқазшәа аштаңыкка иқан, түнчран («Алашара») – «Двор был пуст, стояла тишина, словно все (и молодые, и старые) перевелись куда-то»; *Дешелаҳәаз азы даларыжызышәа, деилабааз... иагараан ағнықа дәләрлахъан* («Алашара») – «Много раз он возвращался домой мокрый, словно бросили его, не раздев, в воду»; *Урт ҳақыңсықуеит, ихақыңсықуеит ицәкзошәа рхы амца ақызар арцәаха рымамшәа* (А.Г.) – «Они идут в попыхах, словно очень спешат (словно некогда им тушиить пожар на их головах)».

Организующим центром сравнительной инфинитной конструкции выступает призрачная инфинитная форма глагола, образованная суффиксом **-шәа**.

Анышә иарташәа инықәба ицеит рхәыштаара алға (А.Г.) – «Словно закопали в землю, исчез дым их очага»; *Лычхара хыжожзеит акәиц даграгыло-шәа...* («Алашара») – «Терпение лопнуло у нее, словно стоит на горящем угольке»; *Хыхъ ажәфанағ, ауасақәа ҳауда иқәу-шәа ибыбыш-быбышза аңстұхәақәа ағаңсан* («Алашара») – «В небе, словно пасущиеся овцы, виднелись разбросанные куски белых облаков»; *Саншыя иңдәыс, ииҳәогы лмаҳазоз-шәа, дышцозгы лымбазоз-шәа дышгәримың дыгәримуан* (Ф.И.) – «Жена моего дяди ворчала по-прежнему, словно не слышала, что тот говорит и не замечала, что тот уходит».

С сравнительным значением может выступить и инфинитная конструкция, организующим центром которой является глагол инфинитной формы с обстоятельственным элементом **-ш**. В этом случае за конструкцией следует слово **аипш, «похоже, подобно»**, с сравнительным значением.

Асаби иан д-шығағханаиго еиңш, ағны ғәхъаазго салагеит (Н.Х.) – «Я стал скучать по дому, как ребенок скучает по матери»; *Амщәгыы итәхәзамызт, аха ғба-хәа фырғыан еснагъ дазхуан, ацгәы аиша и-ш-аzhуа еиңш* (А.Г.) – «Он лишнего не употреблял, но любил выпить две, три рюмки водки (как кот любит есть жир)».

Сравнительная инфинитная конструкция встречается в начале, середине и конце предложения.

Урт зеггы... хъантараҳаны иара ихәда иқәхазшәа дтәан (А.Г.) – «Он сидел так, словно все тяжести бросили на его шею»; *Мықа аштахъ дыңшуамызт, ус адәнүікәтәи бжыык дазызырғуашәа дтәан* (А.Г.) – «Мыку не смотрел на двор, сидел так, словно слушал какой-то внешний звук»; *Иәаңа къағқәа рұыххәақәа қәацқәацо иқышиә жәпа ааирдәиит, ашхырцәа үиҳазшәа* (А.Г.) – «Он пошел в свои короткими усами, словно ужалила его оса».

Деепричастные инфинитные конструкции

Деепричастные конструкции по своему грамматическому значению значительно отличаются от других вышеописанных кон-

структурой. Это связано с грамматическими возможностями деепричастия, выступающего организующим центром соответствующих конструкций. Особенность деепричастия по сравнению с другими вышеописанными глаголами инфинитной формы заключается в том, что оно не обладает формами грамматических времен глагола. Деепричастие обозначает лишь действие, которое предшествует, совпадает или, в редких случаях, следует за временем глагола-сказуемого¹.

Сыфуа саауеит	«Я иду бегая» (дословный перевод)
сыфуа сааит	«я пришел бегая»
сыфуа саауан	«я шел бегая»
сыфуа саан	«пришел бегая...»
сыфуа саахьеит	«я пришел уже бегая»
сыфуа саахъан	«я пришел уже бегая»
сыфуа саап	«я приду бегая»
сыфуа саашт	«я приду бегая».

Как видно из примеров, деепричастие сыфуа «бегая», не имея собственного значения грамматического времени, сочетается с глаголом-сказуемым во всех временных формах.

В отношении же наклонения деепричастие совершенно нейтрально.

Само собою разумеется, что деепричастие, не имея значения грамматического времени и наклонения, не может быть организующим центром предикативного словосочетания.

Следовательно, квалифицировать деепричастный оборот как придаточное предложение не только необоснованно, но и ошибочно.

Деепричастие в абхазском языке, как и в большинстве иберийско-кавказских языков, обладает полной парадигмой субъектно-объектных лиц и соответствующей связью с субъектно-объектными компонентами. И эта черта объединяет его с другими глаголами инфинитной формы. Однако одни субъектно-объектные отноше-

ния вне категории модальности не могут формировать значение предикативности.

Глаголы инфинитного образования (за исключением деепричастий) обладают одной морфологически выраженной формой, которая дает им возможность выступить в позиции сказуемого¹. Это – вопросительная форма. Вопросительной формой обладают как причастные, так и обстоятельственные образования.

Иаңхъо – читающий (<i>тот, кто читает</i>):
Иаңхъо-да? – кто читает (<i>читающий есть кто?</i>)
Изыфуа-да? – кто пишет (<i>пишущий есть кто?</i>)
Узыпхъо – что ты читаешь:
Узыпхъо-зеи? – что ты читаешь?
Уанцо – когда ты идешь:
Уан-ба-цои – когда ты идешь?
Ушцо – как ты идешь:
Уш-ца-цои? – как ты идешь?
Уахъцо – куда ты идешь:
Уа-ба-цои? – куда ты идешь?

Связь вопросительной формы с категорией предикативности проявляется в том, что, принимая вопросительную форму, глаголы инфинитного образования получают одновременно значение абсолютного времени. А абсолютное временное значение, как известно, является одним из непременных условий формирования категории предикативности.

В описанном случае глагол инфинитного образования может стать организующим центром вопросительного предикативного словосочетания.

ХыНтә Арсана дабанхо? (Б.Ш.) – «Где живет Хинтба Арсана?»; Узхыччозеи, мишән, Дамеи? Узхыччозеи, мишән, сымхәеи? (Б.Ш.) – «Над чем смеешься, Дамей?»; Нан, нан, сыцкаын, уабадаықәлеи, иухаыцуазеи? (Б.Ш.) – «Сын мой, куда ты отправляешься, что ты задумал?!»; Ас ишҭакалеи тауадк инхартәе? (Б.Ш.) – «Как могло

¹ См. подробнее об этом: Ш.К. Аристава. Деепричастие в абхазском языке. Сухуми, 1961, стр.

¹ См. подробнее об этом: Ш. К. Аристава. Простое сказуемое в абхазском языке. Труды Сухгосспединститута, выпуск XVIII–XIX. Сухуми, 1966, стр. 239.

случиться такое в доме дворянина?»; Аҳцәа зыцәшәазеи? Аңсныка икоузеи? (Б.Ш.) – «Чего испугались цари? Как дела сейчас в Абхазии?» Бадра, дабакоу Иаков уаста? (Б.Ш.) – «Бадра, где находится Яков-плотник?»; Нас ианбауыло ууацәа, утәхцәа? (Б.Ш.) – «Когда тебя встретят родные, друзья?»

Однако, включаясь в предложение, описанное предикативное словосочетание теряет вопросительную форму и вместе с ней и вопросительное значение. Поэтому в составе предложения инфинитная конструкция не может быть носителем вопросительной формы и вопросительного значения. Предложение, в состав которого входит инфинитная конструкция, может быть вопросительным. Однако в этом случае носителем вопросительной формы и соответствующего вопросительного значения является сказуемое, а не глагол инфинитного образования, являющийся организующим центром инфинитной конструкции.

Шәара ашкол афы шәаннеи, апхъара иалагахъазма – «Когда вы пришли в школу, занятия уже шли?»; Апхъара иалагахъазма, шәара ашкол афы шәаннеи? – «Занятия уже шли, когда вы пришли в школу?»; Даәа хтәыск игәалашәома Анкъя ихигахъаз иара? (Б.Ш.) – «Помнит ли он случай, который когда-то был с ним?»; Уаниама ҳәацха анағыз абылра? (Б.Ш.) – «Был ты, когда горела наша апацха?»

Что касается деепричастия, то оно не имеет вопросительной формы ни морфологически, ни в составе конструкции.

Таким образом, в абхазском языке не наблюдается случая, когда инфинитная конструкция в составе предложения была бы носителем предикативного значения.

Однако это вовсе не означает, что в абхазском языке нет придаточных предложений. Как отмечено в специальной литературе¹, встречается около трех типов придаточных конструкций, характеризующихся как инновации.

К ним относятся такие сложные предложения, между предикативными частями которых устанавливаются подчинительные причинно-следственные отношения.

Однако в придаточной части этих предложений не встречаются глаголы инфинитного образования в роли организующего центра. В этой функции тут выступают те глаголы финитной формы или финитного значения, которым свойственна функция предиката.

По своему грамматическому значению и той роли, которую они играют в синтаксической организации предложения, инфинитные конструкции делятся на конституирующие и распространяющие.

К конституирующему относятся субъектная и объектная инфинитные конструкции.

¹ См. подробнее об этом в статье Л.П. Чкадуа. Сложное предложение в абхазском языке, «Известия» АБИЯЛИ, 5. Тбилиси, 1976, стр. 36.

ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРНОЙ ОСНОВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СВЯЗАННЫЕ С ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕМ

Структурная основа предложения при функционировании может претерпевать различные видоизменения; не вызывающие ее разрушения. В этой главе мы затронем наиболее характерные ее изменения.

Неполнота поликомпонентной структурной основы предложения

Полной или неполной может быть лишь поликомпонентная структурная основа предложения. Изменения же, возможные в монокомпонентной структурной основе, сводятся лишь к ее видоизменениям в модально-временном плане.

Синтаксический индикатив

Наст. вр. *Шоит* «Рассветает» *Зынроуп* «Зима есть»

Прош. вр. *Шан...* *Зынран*

Шеит –

Шон –

Шахъеит –

Шахъан –

Буд. вр. *Шап* –

Шашт –

Вопросительные формы

Наст. вр. *Шома?* «Рассветает?» *Зынроума?* «Зима есть?»

Прош. вр. *Шазма?* *Зынразма?*

Шама? –
Шома? –
Шахъоума? –
Шахъазма? –

Буд. вр. *Шарыма?* –
Шашама? –

Синтаксические иреальные наклонения

Побуд. накл. *Шааит!* –
Шароуп! –

Желатель. накл. *Шанда!* *Зынрада!*
Шандаз! *Зынрандаз!*

Сослагат. накл. *Шарын!* –
Шашан! –

Монокомпонентная структурная основа предложения не знает изменения по синтаксическим лицам, она функционирует лишь со значением третьего синтаксического лица.

Частичное опущение субъектного компонента

В предыдущей главе мы отметили тот факт, что возможно лишь частичное опущение субъектного или объектного компонента структурной основы. Полное же удаление того или иного конституирующего компонента структурной основы вызывает ее разрушение. Следовательно, говоря об опущении субъектного или объектного компонента структурной основы, мы имеем в виду частичное их опущение.

Наибольшее распространение имеет опущение субъектного компонента. Оно может быть вызвано различными причинами и происходит при строго определенных случаях.

1. Контекстуально-сintаксическая обусловленность и стилистическая избыточность

Сintаксическая обусловленность опущения субъектного компонента заключается в том, что во всех случаях его опущения в предикате сохраняется его грамматический эквивалент, т.е. субъектный аффикс, который указывает на синтаксическое лицо (число и класс) отсутствующего субъектного компонента. Такая синтаксическая определенность субъектного компонента делает стилистически избыточным повторение его в каждом последующем предложении. Это бывает, когда субъектный компонент выступает с определенно-личным значением, синтаксическое субъектное лицо в данном случае имеет полную свою парадигму.

Алфак иашәны, икаалкәло ахәыштаара иахакнаҳаз архышына илапш адхалашәа, еилабылхъаз аңсуа мца игәышты атәнә, дхырысыуа аңәхәа д-ыңеҳәтәан Еқәып. Ахәйлыбыла, амца агәгәхәа еиқәылаанза, ибымба къаң иеылахәан, дааскъазаны амца д-аңхон; нас азгаб фархықәлак лааирган, агәгәхәа ар рымца анеиқәиң, маң-маң шытәхъа дхъайуа д-алагеит. Цъя аңхарра анилс, ихәынцәрақәа ааңыртлан иңсы ааив-и-геит, аха уигыы раңаак имыхәеит. Ибымба къаң аашаыхны ақәардә инахишиын, иара атҗашы д-еитәнааскьеит. Уи икәақәа анынкыдиң, цәаакырак наидлазшәа, ашырхәа д-аақәтәан дәеа-и-рееит (Н.Кәытниа «Акырцх аштажь», 3) «Упершиесь взглядом в черную от сажи цепь, висевшую над очагом, грудью к потускневшему абхазскому очагу, зевая, сидел Екуп. Вечером, пока огонь не разгорелся хорошо, залупавшись в ватник, совсем близко подсел к очагу, затем заставил девушки принести дров, разжег костер и стал постепенно отходить от очага. Когда хорошо согрелся, расстегнул ватник, передохнул немного, но и это не очень помогло ему. Сняв с себя фуфайку бросил ее на стул и приблизился опять к стенке. Когда прислонился к ней, словно прикоснулся к чему-то мокрому, отскочил от нее и привел себя в порядок».

Следует отметить, что опущение субъекта возможно не только в тексте, состоящем из предложений с одним субъектом, но и в тексте, состоящем из предложений с разными субъектами.

Икаларын аңх агәы еиғнашахъазар, икаларын ашара адәы иаақәлозтгзы. Уртқәа издыруам Еқәып. Иидыруа акызаңәык ауп: иаалыркъан, ашыаңхәа иаңашәаң агыгшәыг еиңш, днышытәгә хъа-ак дакит уи ауха. Ишыңаңтараң ақара идүрт, аха, анаңылбейт, сыштахәннатәри иаразнак, ичханы дааиеит акыргзы. Афнаңаңа штәа, уаңа неихыркәа змамыз, быстахъ-фарамза ақгызы ззымды-руаз рла зны-зынла иақәы-мыулон акәымзар, адааңа шытәйбжыык ықамызт. Зегзы таңәахаа ицәан. Рыңаңаңсымта иалихырц шитахымызгы, азәы сааѓәеитәндә ааигәахәт. Дааузырит, сый-жызы раҳанды ҳәа акәымкәа, ихъаа ааизымычхакәа... Деиханы, ииу-лакгызы, ииартәа днықәтәеит, аха иеизыриашомызт (Н. Кәытниа, «Акырцх аштажь», 13). Возможно, уже полночь, возможно, уже рас-светает. Ничего не знал Екуп. Одно он знал: неожиданно, словно зверь, попавший в капкан, какая-то боль скрутила его в эту ночь. Понял, что не сдобровать ему, но, надеясь, что боль все же, пройдет, прилег на некоторое время. Не было другого звука, кроме того, что лежавший в подвале старый пес, последним и единственным занятием которого было есть мамалыгу, иногда издавал какие-то глухие звуки. Все спали глубоким сном. Не хотел будить их, но «за-метил бы меня хоть кто-нибудь», подумал (он). Застонал не для того, чтобы заметили его, а от недомогания... С трудом припод-нялся, но выпрямиться не смог...»

2. Структурная основа с обобщенным синтаксическим субъектным лицом

Опущение субъектного компонента с сохранением его форманта в предикате характерно и в том случае, когда он (субъект) выступает в предложении с обобщенным значением синтаксического лица. Опущение субъектного компонента в данном случае носит наиболее закономерный и стабильный характер. Однако не исключено и его сохранение, о чем будет сказано ниже.

Примечательно то, что в качестве субъектного форманта в данном случае в предикате выступает показатель второго лица единственного числа подкласса мужчин **у** с обобщенным значением лица, числа и класса.

Ағадаҳытәи ахәы ҳарак ақәцә уқәгыланы уанңилак, уңақа амшын дук ағәы унхыңылазшәа и-у-боит уи ачаиртә... Ус и-у- боит шыңжымтән... (И. П.) – «Когда посмотришь с вершины горки, внизу увидишь, словно море, чайную плантацию. Так видна она утром».

Формант **у** в данном случае используется применительно и к словам с семантикой подкласса женщин, что исключается в других случаях.

...Уарғыа шыапы нхы-у-гоит ашәхымс... Нас – уарма. Назазаз... Атәцағызыцәагъ, егырт иғналогы иршәү шқәакәоушәа у-боит. Нас гәйблаак азна ашырз наудыркуеит. Ауадақәа акакала урығынысуа, ақаиңә-хәиңәхәа и-у-қьоит. И-у-қьоит ашырз... Ус ухы уғаҳан, иуғаршәү укасы ҇ағаза уалғышыуеит... (А.Г.) – «Правой ногой переступаешь порог. А затем левой. Навсегда... Кажется тебе, что подруги невестки и все другие одеты в белое. Затем подадут тебе миску проса. Проходя по комнатам, разбрасываешь его... Подняв голову, сквозь тонкую косынку посмотришь на людей...».

Обобщенное значение лица, числа и класса сохраняется в случае опущения субъектного форманта **у** в предикате. Это бывает при предикате, выраженному переходным глаголом положительной формы, в повелительном наклонении.

Нхағдас қыру, аамстәлас крыф (Поговорка) – «Работай по-крестьянски, ешь по-княжески»; Азәы изы иқаңа, ухазы иңа (Поговорка) – «Делай для другого, учись для себя»; Уфатә ағыама убайдәкъарц ұтахызар, умашылан, ағага қы, аиха қъя... («Алашара») – «Если хочешь почувствовать вкус еды, то не ленись, трудись».

Есть в языке закономерные случаи, когда субъект с обобщенным значением лица, числа и класса сохраняется. В таких случаях в качестве субъектного форманта в предикате выступает показатель третьего лица единственного числа класса человека **д** (при предикате, выраженному непереходным глаголом) или **и** (при предикате, выраженному переходным глаголом).

Ауағы ипсі ахынзатоу зегзы д-реигәғылароуп (Поговорка) – «Человек, пока он жив, должен надеяться на все».

Следует отметить, что субъект в описываемом случае имущественно выражен инфинитной конструкцией.

Ар ирнымиац д-хайда ғәғәоуп (Поговорка) – «Тот герой, кто еще не встречался с войском»; Азырши иаңашәа амца д-акәңалеит (Поговорка) – «Тот, кто испугался горячей воды, прыгнул в огонь»; Азы иаңу азы аңан (и)-и-дырыеит (Поговорка) – «Кто живет у реки, тот знает ее брод»; Саҳ ҳәа зоуҳәаз стәы ҳәа уе-и-ҳәоит (Пословица) – «Кого ты назовешь своим господином, тот назовет тебя своим слугой».

Легко заметить, что обобщенное синтаксическое лицо не имеет своей парадигмы.

В модально-временном отношении структурная основа с обобщенным субъектным синтаксическим лицом не имеет особых ограничений. Однако в пословицах и поговорках она встречается в определенных (всегда воспроизведимых) модально-временных формах.

Зыңқәын дымтсыц учқәын ди-у-мыр-҇әуыан (Поговорка) – «Не давай оплакивать своего сына тому, кому не приходилось оплакивать своего сына»; Ахатхәыжә итөу умбакәа у-ахымчан (Поговорка) «Не смейся над бурдюком, предварительно не заглянув в него»; Ухатәы ҙбаны ҙбара у-ца. (Поговорка) – «Прежде чем судить другого, осуди самого себя».

3. Структурная основа с неопределенным синтаксическим субъектным лицом

При предикате с неопределенным синтаксическим субъектным лицом опущение субъектного компонента является обычным. Оно носит систематический характер. В качестве субъектного форманта в данном случае выступают в предикате показатели третьего лица множественного числа **р//д**, **и**. Формант **р/д** – диссимилятивный вариант префикса **р** – выступает в качестве субъектного показателя при переходном глаголе-предикате.

Алиас дта-р-кит (Д. Г.) – «Аляса посадили»; Даныхәычыз абри ақәара ызылан дамоуп ҳәа даңа-д-ыршәалон (А.Г.) – «В детстве пугали русалкой, которая будто водилась в этой речке»; Ауапақаңара ззымдыруаз азы лаа-д-ыргон (Пословица) – «Посыпали по воду ту, которая не умела делать бурки»; Талбашы ҳәа ҆оркан дә-р-йеит (Д.Г.) – «Торканы назначили тамадой»; Ақазармақәа атәтынрәара иаз-д-ырхион (И.П.) – «Сарай готовили к сушки табака»; Аизарағы

Заур апредиум ахь ипхъаны д-д-ыртәеит (И.П.) – «На собрании Задура пригласили в президиум»; *Саидагы уахь д-д-ыртәар р-таххеит, аха илымуит* (И.П.) – «Пригласили в президиум и Сайду, но она не согласилась».

При неперходном глаголе-предикате в функции субъектного показателя выступает **и**.

Аусхәартә ҳантыңуаны араион ақынта ателефон и-асит (И.П.) – «В тот момент, когда мы выходили из здания сельсовета, позвонили из района»; *Сара арра и-сырхьеит..., ирласны сеңқәршәа, мәғаныфакгы аасзырхия* (И.П.) – «Меня призвали в армию, быстро собери меня и приготовь провизию»; *Асүд ашаҳатқәа и-рыздааит* (Д.Гә.) – «На суде опросили свидетелей».

При предикате с неопределенно-личным синтаксическим субъектным лицом использование первого и второго лица как единственного, так и множественного числа исключается. Замена третьего лица множественного числа другими лицами вызывает утрату значения неопределенности.

Например, сравним:
Алиас дта-р-кит;
Алиас дта-с-кит;
Алиас дто-у-кит...

В модально-временном отношении структурная основа с неопределенным синтаксическим лицом не имеет ограничений. Однако преимущественно она употребляется в временных формах синтаксического индикатива.

Фымчыбжықа-хымчыбжықа ниасуаны, излақала сыйзыруам, ашкол ағы срыды-р-кылеит (Д.Гә.) – «Через две-три недели, не знаю, как случилось, меня в школу приняли»; *Шымышәан, уигы доурыштып, Камачың хәйцы лынасың кралазар* (Д.Гә.) – «Не бойтесь, его освободят, если маленькая Камачич имеет какое-либо счастье»; *Дагымңа-д-ырсхьеит лара, рхәон урт өиғахәйтхәйтны иңдәйаччо* (И.П.) – «Ее раз похищали, сказали они, злорадствуя».

Опущение субъектного компонента в описываемом случае не связано с его неизвестностью или отсутствием в мысли. Оно обусловлено неопределенным значением синтаксического субъектного лица, что исключалось бы при наличии в предложении субъектного компонента.

Это видно хотя бы из того, что субъектный компонент в подобных предложениях легко восстанавливается.

Например: *Толбашыс ҳәа Торқан дә-р-Җеит* (Д.Гә.) – «Тамадой назначили Торкана» (Ясно, что тамадой назначили Торкана те, кто пили с ним).

4. Структурная основа предложения с побудительной модальностью

Опущение субъектного компонента характерно также при побудительной модальности. Явление это носит закономерный характер, когда предикат выражен глаголом в повелительном наклонении.

...Қарышиқәак узынаҳаштыуеит, өыхәышатәра у-ца. Иуылымшозар лабак уеңңа! Абарт ирытңых иуыгу-иубзо... – «Высылаем тебе несколько рублей, поезжай лечиться! Купи, что тебе необходимо!»; *У-аарылаңшиш арт иेңжәйыз, Зәир дудыруазар аасырхал...* (Б.Ш.) – «Посмотри на этих спешившихся, если кого-либо из них знаешь, то скажи мне»; *Уи асалам шәкәры у-аңхь...* («Алашара») – «Прочитай это письмо...»

Однако не исключена возможность употребления субъектного компонента и в данном случае.

Үңсынұры дуhaаит, дад, у-ца. Шә-ца зегзы («Алашара») – «Дай бог тебе долго жить, дад, иди. Идите все»; *Уи шәиқамышызың шәара!* («Алашара») «Вы не завидуйте ему!»

Субъектный формант при побудительной модальности выступает в предикате со значением определенного синтаксического лица (числа и класса).

Дау-аасқаңшиш, дау-аасқаңшиш, ублатбаақәасынтарғишиш! (Б.Ш.) – «Взгляни-ка на меня, дай всмотреться в твои большие глаза!»; ...*Аққаңжәә у-рылаш, у-хәмар, у-қәаша!* (Б.Ш.) – «Посмотри на цариц, пошути, попляши!».

При побудительной модальности, когда предикат выражен положительной формой повелительного наклонения, субъектный формант второго лица единственного числа в предикате опущен.

Азэ джъа, азәгъы дкы, иаанхазгъы даных! (Б.Ш.) – «Кого- то, об- дури, другого скрути, остальных уничтожь!»

Однако случай этот, как известно из специальной литературы, обусловлен историческим состоянием языка.

Как показывают материалы, и в данном случае мы имеем дело не с структурным отсутствием субъектного компонента, а его частичным опущением.

Обобщая вышеизложенное относительно опущения субъектного компонента, можно сделать следующие выводы:

1. Структурное отсутствие субъектного компонента мы имеем, как правило, в монокомпонентных структурных основах типа: *Шеит* – «Рассвело»; *Хәлеит* – «Стемнело»; *Хытоуп* – «Холодно», в которых отсутствует и субъектный формант.

2. Встречаются немногочисленные случаи, когда и в поликомпонентной (двухкомпонентной) структурной основе предложения отсутствует субъектный компонент. Структурное отсутствие субъектного компонента в данных случаях доказывается параллельным отсутствием субъектного форманта в предикате.

Абарт әхәйчәә ирыцхраатәуп – «Этим детям надо помочь»; *Амагазин ағы иаанагеит аба* – «В магазин привезли (привезло) товар»; *Уи ҳара ҳахықоу архәтәғы днанагеит* – «Он попал (его привело) в нашу часть»; *Исгәалашәом иахыкәү, аха абри ауха Борис үзара дагеит* (Н.К.) – «Не помню куда, но Борис в ту ночь куда-то пошел (его повело)».

3. При структурном отсутствии субъектного компонента одновременно отсутствует и субъектный формант в предикате. При опущении же субъектного компонента в предикате сохраняется субъектный формант.

4. Таким образом, структурное отсутствие субъектного компонента обуславливает отсутствие субъектного форманта в предикате. Наличие же субъектного форманта в предикате при отсутствии субъектного компонента сигнализирует об опущении субъектного компонента в предложении.

Опущение объектного компонента

Конституирующий объект, будь то ближайший или косвенный, всегда обозначается в предикате объектными формантами. Однако наблюдаются случаи опущения объектного компонента в предложении. Естественно, об опущении объектного компонента можно вести речь лишь в тех поликомпонентных основах предложения, в которых он (объект) структурно наличен. Объектный компонент структурно отсутствует в однокомпонентных и субъектно-предикатных основах предложения.

Опущение объектного компонента, как и субъектного, обусловливается различными причинами.

1. Контекстуально-сintаксическая обусловленность и стилистическая избыточность

При контекстуальной определенности конституирующий объект может опускаться в последующих предложениях во избежание стилистической избыточности. Возможность опущения объектного компонента обусловлена главным образом наличием объектного форманта в предикате. Объектный формант в предикате указывает на лицо, число и класс объекта. Он указывает также на то, что опущенный компонент является именно объектом. «Объектный формант – это фактически грамматический эквивалент объектного компонента структурной основы предложения, что дает основание говорить не о полном, а частичном опущении объекта».

Убри нахыс дысцәымын сара Иатма. Исылшомызт акымзар, иара убри ағынгыс снаихъзаны иңә д-тысхуан, дааган Санарда Едгъац-иңә иаңхъа ишъамхәә арсны д-сыргылон (Н.К.) – «Я с этих пор возненавидел Ятту. Если бы я мог, то и в тот день заставил бы его стать на колени перед Санардой»; *Еснагъ еиңш, уажәгъы лара дымфахыңы абна өыгәра дылапкашт, сара истәхуп үзара акала д-ланыскыларц. Истәхуп амфаду ианыршәланы нак ағныш сөйнасхап смида-гәидаха* (Н.К.) – «Как всегда, сейчас она завернет в лес, а я пойду дальше по большаку домой с подавленным настроением. Хочется, во что бы то ни стало остановить ее».

2. Обобщенное значение синтаксического объектного лица

Объектный компонент опускается обычно в тех случаях, когда он выступает в предложении с обобщенным значением синтаксического лица. В качестве объектного форманта в предикате уступает в этих случаях показатель второго лица единственного числа подкласса мужчин **у** с обобщенным значением лица, числа и класса.

Нас атңа лзыхә архианы икоу ауда у-нығнаргалоит. Аққын дааган ушьамхы днықәдиртәоит... Абри ағнатә айәғаншыап змырзша ахаңарпыс раңхъа уцәа далашәарц (А.Г.) – «Затем заведут тебя в комнату, предназначенную для невестки. Посадят мальчика на твои колени..., чтобы первый ребенок родился мальчиком – продолжатель рода»; *Апарк ағы и-у-ахауан амшын аштыбыжь...* (И.П.) – «В парке был слышен шум моря»; *Арсынтаи и-у-бартан апреziдиум ақны игылоу атәартқақә* (Алашара) – «Отсюда были видны стулья, которые стояли в президиуме»; *Дигәа ишыапы машәйршәа уаңаҳаргы у-иркыацуеит...* (А.Г.) – «Если окажешься случайно под ногами Дигуа, то он тебя задавит»; *Лыңшиrei лсахъеи ықагәышшоуп, аха шыбыжъаанза ақарап ада акғын лаҳымырбазацт...* Уағ длыцхраароуп ақымзар и-у-зықалйозеи... (А.Г.) – «У нее и рост есть, и вид есть, однако кроме как есть ничему ее не учили, что же она тебе сделает»; *Ирмаананы ажәа аңакы у-еилirkaaуан* («Алашара») – «Иносказательно он умел объяснить (тебе) смысл слова».

Бывают случаи, когда объект с обобщенным значением лица сохраняется в предложении.

Амузыка иаҳа-иаҳа ихалон. Уи халаңыңхаза иаҳа-иаҳа иңсы ахытоу иазааигәахон, анап қәандакәа урынданы у-фышытнахуан. Иара шытыңуан, уаргыы у-шытнахуан (Н.К.) – «Музыка все громче и громче раздавалась и хватала за душу, поднимала тебя».

Опущение предиката

Предикат в семантическом и грамматическом отношении является организующим центром структурной основы предложения. В нем сосредоточены грамматические категории лица (числа и клас-

са), времени и модальности, посредством которых формируется предикативность. Опущение предиката невозместимо и вызывает, несомненно, разрушение структурной основы предложения. Однако это вовсе не означает, что не бывает случая опущения предиката. Предикат может быть опущен во втором из следующих друг за другом предложений с одним и тем же предикатом. Это бывает в сплошном повествовании (редко) и особенно в диалогической речи.

Зегъ раңхъаза илаңш лықәшәеit Заира, нас – анкыатәи иғыза Шамил (Н.К.) – «Сначала его взгляд упал на Заиру, а затем – на старого его товарища Шамиля»; *Нарттаа ашәғык ран Сатәнеи Гәашшы лыхъзын, раб – Хнышь* («Н.С.») – «Мать ста Нартов-братьев звали Сатаней Гуаша, отца – Хнышь»; *Аңсрахы, ачарахь, мамзаргызы еизараках өыладцон – ма гәыжыла* («Алашара») – «Когда приходилось ему ехать на свадьбу, поминки или на собрание, иногда он ездил верхом на коне, иногда – на мule»; *Аиңашыцира ҳабжылар ҳәа дшәаны, акәадыр зны уара иуқәңаны днауқатәоит, даеазны сара* («Алашара») – «Чтобы между нами не зародилась зависть, он ездил иногда верхом на тебе, иногда – на мне».

Как это легко заметить, в приведенных примерах функционирование предложений с опущенным предикатом целиком и полностью базируется на контексте, т. е. на предшествующем предложении. Они лишены возможности самостоятельного функционирования. Следовательно, считать их самостоятельными предложениями нет никакого основания.

ПЕРЕСТРОЕНИЕ СТРУКТУРНОЙ ОСНОВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Как известно, в качестве основных средств фиксации логического предиката в различных языках логики, языковеды выделяют логическое ударение и порядок слов¹. Однако в специальной литературе известны и другие средства в этой функции, одним из которых является предикативное оформление логического предиката. Этот способ выделения логического предиката характерен многим языкам, в том числе абхазскому².

Известно, что логический предикат не привязан к определенному члену предложения. Он может быть выражен любым из конституирующих или неконституирующих членов предложения. Логический предикат в абхазском языке может получить предикатное оформление преимущественно в том случае, когда он совпадает с грамматическим предикатом. В последнем случае к члену предложения, посредством которого выражен логический предикат, присоединяется вспомогательный глагол **акәзаара «быть»**, и котором сосредотачиваются морфологические показатели синтаксических категорий лица (числа и класса) времени и наклонения. Синтаксический же предикат при этом теряет предикативное оформление, принимает инфинитную форму и вместе с относящимися к нему словами берет на себя функцию логического субъекта.

Сравним: 1. *Сара сцәажәоит* – «Я разговариваю»;
2. *Ицәажәо сара соуп* – «Говорящий есть я».

В первом из приведенных примеров логический предикат выражен грамматическим предикатом (*сцәажәоит*), во втором – грамматическим субъектом (*сара*), получившим предикатное

оформление присоединением к нему вспомогательного глагола (*соуп*). Грамматический же предикат сцәажәоит при этом потерял предикативное оформление, принял инфинитную форму (*ицәажәо*) и функцию логического субъекта.

Ахәра ахъаа зычхаа ахатца иоуп (Из народной песни) – «Боль от раны потерпит (может скрыть) лишь герой», (букв.: «Терпящий боль от раны есть герой») (Ср.: Ахай ахәра ахъаа ичхаеит); Иара убри ашәақь ауп уажәы атахмада егыи аудадәкны изкнахау (Н.К.) – «Это ружье и есть то, что у него в другой комнате висит»; «Ус ჲаларгы ჲалоит, аха иахъа зегъы ауаф иоуп», – иҳәеит Еқәын (Н.К.) – «Может и так случиться, но сегодня человек всемогущ, – сказал Екуп»; Аха агәашә ағы икоу айеиць ауп Еқәын иаха дзыцәашәо (Н.К.) – «Больше всего боится Екуп того колодца, что у ворот»; Фынтаѣка роуп Гарик ус анықаицаз... (Н.К.) – «Лишь дважды так поступил Гарик»; Абомба атәыха зықәшәахъаз ихы ахъаа анцәыр҃уаз аға анцәысуз акәын (И.К.) – «Боли от осколочной раны в голове появились у него весной».

Присоединение вспомогательного глагола акәзаара к конституирующему компонентам структурной основы предложения.

**Присоединение вспомогательного глагола акәзаара
к субъектному компоненту**

Вспомогательный глагол акәзаара может присоединяться к любому слову, словосочетанию или инфинитной конструкции, выступающим в позиции субъекта, в том случае, когда он (грамматический субъект) выражает логический предикат.

Грамматический же предикат при этом, лишившись предикативного оформления, принимает инфинитную форму и вместе с относящимися к нему словами образует инфинитную конструкцию с единственным предметным значением. Конструкция эта в целом берет на себя функцию логического субъекта.

Аәафы иоуп ашәкәы иапхъо – «Читающий книгу есть ученик»; Җемыри Махази роуп ашкол ахь ицаз «Ушедшие в школу есть Темыры и Махазы»; Агәакра ауп ауафы дызфо – «Съедающее человека есть горе»; Амфахәаста ианыланы инеуаз иоуп адай иеихсыз – «Вы-

¹ В.З. Панфилов. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971, стр. 115.

² В.З. Панфилов. Указ. работа, стр. 126 и сл.; Л.П. Чкадуа. Об одной структурной разновидности предложения. «Сборник материалов по абхазскому языку». Тбилиси, 1970, стр. 69.

стреливший в великана есть тот, кто шел по тропе (шедший по тропе)».

Иара убри ашәақ ауп уажәы атахмада егъи иуадақны изкнахау (Н.К.) – букв. «Висящее в другой комнате старика есть то ружье»; *Ант агазетқәа роума уафқас ахәычы ихылаштуа...* (Н.К.) – «Эти глупцы ли посмотрят за ребенком...»; *Фага зымкыц иоуп зыбағқәа злыңсаауа, мчы змам...* (Н.К.) – «Бессильный есть тот, кто не трудился»; *Разан афны зегзы иреийбыз иакәын. Иара иакәын абра ин-хашазгы* (Н.К.) – «Младше всех в семье был Разан. Хозяином должен был быть он».

Какова же синтаксическая структура перестроенного таким образом предложения?

Бесспорно то, что синтаксический предикат, лишившись предикативного оформления и приняв инфинитную форму, не может сохранить за собой прежней функции (функции организующего центра предикативного ядра предложения).

Дело в том, что с утерей предикативного оформления магический предикат лишается значения абсолютного синтаксического времени, модальных оппозиций и личных формантов посредством которых выражается предикатная синтаксическая связь. Немаловажен и тот факт, что синтаксический предикат претерпевает одновременно и семантическое переосмысление вместе с относящимися к нему словами он получает единое предметное значение.

Синтаксический же субъект, присоединив к себе вспомогательный глагол **акәзаара**, в котором сосредоточиваются форманты лица, наклонения и времени, получает предикативное оформление. При этом одновременно он теряет функцию грамматического субъекта.

Какая же связь устанавливается между логическим субъектом и предикатом?

Между знаменательной частью логического предиката и вспомогательным глаголом устанавливается связь в лице (числе и классе), причем сохраняется лицо прежнего синтаксического субъекта.

Сара ашәақы с-аңхьюот – Ашәақы иаңхью сара с-оуп;

Уара ашәақы у-аңхьюот – Ашәақы иаңхью уара у-оуп;

Лара ашәақы д-аңхьюот – Ашәақы иаңхью лара л-оуп;
Иара ашәақы д-аңхьюот – Ашәақы иаңхью иара и-оуп.

Инфинитная же конструкция, принявшая на себя функцию логического субъекта, получает то значение синтаксического субъектного лица (числа и класса), которое обозначено в логическом предикате.

Таким образом, между компонентами логемы устанавливается связь, подобная предикативной. Однако она полностью ее не воспроизводит (предикативную связь).

Дело в том, что вспомогательный глагол **акәзаара** способен изменяться лишь по ряду **л**.

Следовательно, здесь можно констатировать лишь тот факт, что компоненты логемы – субъект и предикат – несут в себе одновременно и функции соответственно синтаксического субъекта и предиката предложения.

Присоединение вспомогательного глагола к конституирующему объекту

Вспомогательный глагол акәзаара может присоединиться к конституирующему объекту (как ближайшему, так и косвенному), несущему функцию логического предиката.

Сравним: 1. Сара ахәычы д-саазеит – «Я вырастил ребенка»;
2. Сара атағы с-и-аңәажәоит – «Я говорю с учеником»;
3. Сара ахәычы иоуп исаазаз – «Воспитанный мною есть ребенок» (букв.);
4. Сара атағы иоуп сзаңәажәо – «Я с кем говорю, есть ученик» (букв.).

В третьем и четвертом предложениях соответственно ближайший и косвенный объекты получили предикативное оформление, грамматический же предикат при этом в обоих предложениях лишен предикативного оформления и вместе с грамматическим субъектом образовал инфинитную конструкцию с предметным значением, принявшую на себя функцию грамматического субъекта. И в данном случае между логическим предикатом и субъ-

ектом устанавливается связь, аналогичная связи синтаксического субъекта с предикатом.

Как легко заметить, в обоих вышеприведенных случаях (в случаях присоединения вспомогательного глагола, как к субъекту, так и объекту) двухкомпонентному логическому строению предложения соответствует двухкомпонентный его (предложения) синтаксический состав (инфinitная конструкция, принявшая на себя функцию субъекта, и в синтаксическом плане выступает как один компонент).

Случай этот отмечен и в вышеприведенной статье Л.П. Чкадуа.

Примеры из литературы.

—*Лариса лакәхап узөү? – изеильмкаат Борис азнықаз* (Н.К.)—
«Ты, видимо, имеешь в виду Ларису? — переспросил Борис»; Аха агәашә ақны айеңү ауп Еқәып иаҳа дзыңәшәо — «Однако Екуп больше всего боится колодца у ворот».

Присоединение вспомогательного глагола акәзаара к синтаксическому предикату

При совпадении логического предиката с синтаксическим к последнему может присоединяться вспомогательный глагол акәзаара с усиительно-выделительной функцией. В этом случае синтаксическая структура предложения не претерпевает никаких изменений.

—*Ы, нас, Цыса, бара бучытлахарц бұтахым акәу?* (Н.К.) — «Цыса, видно, ты не хочешь стать учителем?»; *Сеидроу ианыбәаша шәкызыбы быңшаат, амала ари дычмазағхан, ани дұрықан ҳәа ахъану аныбыхуеит ауп* (Н.К.) — «Найдешь, о чем писать, только сотрешь там места, где говорится о том, что кто-то болеет, кого-то оперировали...»

Присоединение вспомогательного глагола акәзаара к распространителям структурной основы предложения

К объектному и обстоятельственным распространителям, выступающим в функции логического предиката, может присоедини-

ваться вспомогательный глагол **акәзаара**. И во всех этих случаях синтаксический предикат, как и прежде, лишается предикативного оформления.

Присоединение вспомогательного глагола акәзаара к распространяющему объекту

Присоединяя вспомогательный глагол **акәзаара**, распространяющий объект не претерпевает формальных изменений, т. е. вспомогательный глагол присоединяется к послеложной инструментальной или превратительной форме распространяющего объекта.

Лаб даарыхуан жәйтә цәматәала... (Б.Ш.) — жәйтә цәматәала акәын лаб дызлаарыхуаз — «Старинной сохой пахал ее отец»; Ҳанашә амакәан иртәйт фатәыла (М.Л.) — Фатәыла ауп Ҳанашә амакәан злаиртәы — «Ханаш заполнил сумку провизией»; Аашыағ еигәышә ұындала азыхъ гәеитәйт (Пословица) — Еигәышә ұындалоуп аашыағ азыхъ злагәеито — «Лентяй кончиком цалды проверяет родник»; Хъаржатәыс камбашык ианакәызаалакғыы инықәигон (И.П.). — Хъаржатәыс акәын ианакәызаалакғыы камбашык знықәигоз — «Для молока он всегда имел одну буйволицу»; Амxaцыырра аңсуа жәлар рзы ирыцхара дүхеит (М.Л.) — Аңсуа жәлар рзоуп амxaцыырра рыцхара дүхаз. Қәышк ажәак уасхәоит амали аңареи рцынхәрас (М.Л.) — Амали аңареи рцынхәрас ауп қәышк ажәак зуасхәо «Вместо имущества и денег дам я тебе один умный совет»; Исаиҳәаз ишеибаку... Фрач иқнитә иаҳаат (И.П.) — Фрач иқнитә ауп иаҳынтаиаҳа исаиҳәаз шеибаку — «Все, что (он) сказал, услышал он от Фрача».

Как видно из примеров, синтаксический предикат и в данном случае теряет предикативное оформление и принимает инфинитную форму.

Однако связь логического предиката с ним тут иная. Здесь уже мы не имеем связи в лице, заменяющейся примыканием. Форма распространяющего объекта (послеложная, инструментальная...), присоединившего к себе вспомогательный глагол, повторяется в инфинитной конструкции.

Сравним: *Лаб даарыхуан жәйтә цәматәала – жәйтә цәматәала* акын лаб дызла-(а)арыхуаз; *Аашың еигәшиң ұындала азыхъ гәеитоит – Еигәшиң ұындала ауп аашың азыхъ з-ла-гәеито;* Амхаңырра аңса жәлар рзы ирыцхара дүхеит – Аңса жәлар рзы ауп амхаңырра з-рыцхара дұха; *Исаиҳәз ишеибаку Фрач иқынта шаҳаит – Фрач иқынта ауп шаҳынташаҳа шаиҳәз шеибакә.*

Отсутствие предикативной связи между логическим предикатом и инфинитной конструкцией доказывает тот факт, что инфинитная конструкция в данном случае не играет конституирующей роли, а выступает в функции распространяющего члена.

Присоединение вспомогательного глагола **акәзаара** к распространяющим обстоятельствам

К обстоятельственным распространителям мы переходим, минуя атрибутивный распространитель, по той причине, что он (атрибутивный распространитель) не присоединяет к себе вспомогательный глагол. Вспомогательный глагол присоединяется к атрибутивному комплексу в целом.

Жәйтә цәматәала акын лаб дызлаарыхуаз. Еигәшиң ұындала ауп аашың азыхъ злагәеитаз. Ашақәзы өңің ауп сыйза истәз – «То, что я дал своему другу, есть новая книга».

Выступая в функции логического предиката, обстоятельственные распространители со значением места, времени, образа действия, цели и др. могут присоединить к себе вспомогательный глагол **акәзаара**.

Абзарбзанқә рхысыбжъ ғон уарла-шәарла (Б.Ш.) Уарла-шәарла акын *абзарбзанқә рхысыбжъ шгоз* – «Попременно раздавались пушечные выстрелы»; ...*Ахъхыңда азиас ىىقاуан* (Б.Ш.) – Ахъхыңда акын азиас шыццауаз – «Текла речка журчала»; *Хыма-псыма амашынағы дааит* (И.П.) Хыма-псыма ауп амашынағы дашаи – «В попыхах подошел он к машине»; *Нартта раҳашы Гәйнди ңиза мрашәа дқапхон* («Ағс.л.») – Мрашәа акын дышкапхоз Нартта раҳашы Гәйнди ңиза – «Словно солнце сияла сестра Нартом красавица Гунда»; *Шыхаңдан дыққын ашыхара, Шыхыңын даван агара* (Б.Ш.) – Шыхаңдан ауп ашыхара даныққызы, шыхыңын ауп агара данаваз – «Ле-

том пас он овең в горах, зимою – в долинах»; *Ағнүңқа ауда раңа гылоуп, ахынтықарғы раңхы дағылоуп* (Б.Ш.) – Ағнүңқа ауп ауда раңа ахынтықарғы раңхы ауп дахъылоуп – «Внутри стоит толпа, перед толпой стоит государь»; *Такәажәлк дахътәаз жыак лкит* (Поговорка) – Дахътәаз ауп тәкәажәлк жыак ахылк ..Дагъыхысит ишъразы (Б.Ш.) – Ишъразоуп дагъыхысит – «И выстрелил он, чтобы убить того».

Как показывают вышеупомянутые примеры, синтаксический предикат, потеряв предикатное оформление и приняв инфинитную форму, вступает в связь примыкание с логическим предикатом. Для связи здесь используются обстоятельственные элементы **-ахъ, -ан, -ш** и др., которые включаются в глагол инфинитной формы (Л.П. Чакадуа).

Сравним: *Аңағы ашкол ахъ дцеит – Ашкол ахъ ауп аңағы д-ахъца* – «Ученик пошел в школу»; *Иахъа аңағы ашкол ахъ дцеит – Иахъа ауп аңағы ашкол ахъ д-ан-ца* «Ученик пошел в школу сегодня»; *Аңағы ибзианы ашәкәзы даңхъоит – Ибзианы ауп аңағы ашәкәзы д-ш-апхъо* – «Ученик читает книгу хорошо».

Претерпев отмеченные изменения, синтаксический предикат берет на себя функцию того компонента, к которому присоединяется вспомогательный глагол.

Следует отметить и тот факт, что логический предикат, получив предикативное оформление, берет на себя функцию синтаксического предиката, т. е. функцию организующего центра предложения, синтаксический же предикат, потеряв предикативное оформление и приняв инфинитную форму, становится организующим центром инфинитной конструкции (при наличии относящихся к нему компонентов), выступающей в функции логического субъекта. В синтаксическом же отношении инфинитная конструкция принимает на себя функцию того компонента, к которому присоединился вспомогательный глагол **акәзаара**.

Таким образом, предложение становится двухкомпонентным и в логическом, и синтаксическом планах.

Выше мы привели случаи перестройки структурной основы предложения, связанные с грамматическим оформлением логического предиката, не совпадающего с синтаксическим предикатом.

Однако следует отметить тот факт, что логический предикат, не совпадающий с синтаксическим предикатом, в абсолютном большинстве случаев не получает подобного грамматического оформления. Выделяется же он посредством логического ударения, служебных частиц и т. д. Во всех этих случаях структурная основа предложения не претерпевает перестроения, т. е. синтаксический предикат сохраняет предикативное оформление и свои функции организующего центра.

Выделение логического предиката ударением

В абсолютном большинстве случаев логический предикат фиксируется соответствующим ударением. При этом логическое ударение может сопровождаться соответствующим изменением порядка слов. Однако порядок слов при отсутствии логического ударения не может быть использован для выделения логического предиката. Положение это можно продемонстрировать на примере.

Сара иахъа Акәақа сцоит – «Я сегодня еду в Сухуми», которое может встретиться в следующих вариантах: **Сара** сцоит иахъа Акәақа – «Я еду сегодня в Сухуми»; **Иахъа** сцоит сара Акәақа – «Сегодня еду я в Сухуми»; **Акәақа** сцоит сара иахъа – «В Сухуми еду я сегодня»; **Сцоит** сара иахъа Акәақа – «Еду я сегодня в Сухуми».

Однако предикат можно выделить одним логическим ударением без соответствующего изменения порядка слов.

Сара иахъа Акәақа сцоит; **Сара** **иахъа** Акәақа сцоит; Сара иахъа Акәақа сцоит; Сара иахъа Акәақа **сцоит**.

Во всех вышеприведенных случаях (вариантах) синтаксическая структура предложения не претерпевает изменений.

Мы ограничимся вышеизложенным относительно соотношений логического и синтаксического строений предложения, поскольку цель наша не выходит за рамки показа возможных перестроений структурной основы в связи с перемещением в предложении логического предиката.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Сложное предложение – это полипредикативная синтаксическая конструкция, отличающаяся от простого предложения структурно и по объему передаваемого им сообщения. Таким образом, сложное предложение – это целостная синтаксическая единица, представляющая собой грамматически оформленное сочетание предложений и функционирующее в качестве сообщения о двух или более ситуациях и об отношениях между ними:

Ар еибашыуан, Ҳабың әңгәмән (Пословица); *Ага итынчы снығынгылан* *Ла сlyзхәылап, изурызеи, Аңақәырда былға-былға еишиңалан* *сара схәыцраз ирхәарызеи* Б.Ш.).

Части сложного предложения характеризуются грамматической и интонационной взаимосвязанностью, а также взаимообусловленностью содержания.

Определить сложное предложение – это значит выявить признаки, отличающие его от простого предложения. Структурное отличие очевидно, оно в отличии от простого предложения полипредикативно. В коммуникативном плане различие между простым и сложным предложениями сводятся к различию в объеме передаваемых ими сообщений. Простое предложение сообщает об одной отдельной ситуации:

Айыс шәаҳәоит. Аөы ҳәуеит. Ақәа леиуеит. Амра ңхоит.

Сложное предложение сообщает о нескольких ситуациях и об отношениях между ними:

Абғахәычы тәаны ихәыцуеит, Ақармаңыс иаңашыцуеит, Ашәак ахәарц азбит уи, аха иаҳәеит «Иауи-уи» (Б.Ш.).

Значением сложного предложения являются отношения, устанавливающиеся внутри сложного предложения и выражющиеся средствами сочинительной или подчинительной связи.

Вслед за «Русской грамматикой»¹ предложения с несколькими сказуемыми при одном подлежащем мы рассматриваем в

¹ «Русская грамматика», том II, Москва, 1982, стр. 462.

настоящей работе как сложные. Такие предложения могут считаться сложными в силу того, что в них сказуемое выражает предикативность. Слова, выражающие предикативность, нельзя считать членами предложения, они сами являются предложениями.

Между предложениями, входящими в состав сложного, существует синтаксическая связь – сочинительная или подчинительная. Связь является сочинительной, если она оформляется сочинительными союзами, подчинительной, если она оформляется подчинительными союзами. В соответствии с этим все сложные предложения делятся на сложносочиненные и сложноподчиненные.

Сложноподчиненные предложения

Сложноподчиненные предложения в абхазско-адыгских языках являются новообразованием. Они находятся в этих языках на стадии формирования. Образуются они по внутренним законам языка, в тоже время этому процессу способствует влияние русского литературного языка. Отсутствует в этих языках и соответственно, собственно подчинительных союзов. Функции подчинительных союзов выполняют отдельные слова и словосочетания.

Функции придаточных предложений в абхазско-адыгских языках, как известно, выполняют инфинитные конструкции.

В настоящее время в абхазском языке встречаются лишь два вида придаточных предложений: причинные и причинно-следственные.

Сложноподчиненные предложения причинные

Между частями сложноподчиненного предложения устанавливаются причинные отношения. Соединяются они словами или словосочетаниями, выполняющими функции подчинительных союзов: **избан акәзар // избанзар, избан уҳәар, азы, -гыы.**

В этих предложениях главная часть (предложения) всегда предшествует подчинительной части. Подчинительная часть обозначает причину осуществления содержания главной части:

Зны иқәасқәасуа, зны иаатғыло, А҃ыхә акәзар саара ишътасуа, Цъа ишнеуаз блахызык, А҃лахынтаи иаҳаит бжыык, Инашызар, абна афықәан А҃кармайыс амахә иқәтәан, Амахә акәзар, шәтыла ихсан, **Избан акәзар** ааңынран (Б.Ш.); Абла акәиц еиңш икәеициуа, иазынкылом ажәз илеуа, Абзи ақышаш еихнашуюеит, **Избан акәзар** имлашуюеит (Б.Ш.); Сеифазозар акәйттара, сцәа стәзызуеит алашыцарап, **Избан акәзар** ашыацхәа, Сакыр алшоит сеимлагәа (Б.Ш.); Нартәа ныкәара иаҳыцоз Сасрыкәа дрымгейт, **избан акәзар** ҳара джашыам ҳәа дратәаршыомызт (Апс.л.); Амшиң схызтәалазгыи итабуп ҳәа расхәоит, **избанзар** еилыскааз убысқак ираңаоуп (В.Ам.); А҃ыхәтәан иагызбейт, еиңдөу ак қалаанза, иаҳра ичкәын заңа имедары, **избанзар** даазкәылаз даңаымфашибо ибон ҭасеиңш гәамчла дышыгәәамыз (В.Ам.); Уаара убриакара сеигәырғьеит, **избан уҳәар** ҳара абна ҳалагәышын, иаҳыа уажәраанзагыи иара убас ҳаанхеит, уамак иацахәаз ҳәа егыкәам (В.Ам.); Иара саргыи аколнхара ус афы исзеильмкаауда ҭыт-чытқ ыкоуп, **избан уҳәар**, Миха ак иҳәон, егырт ӡынза даәек рҳәон (И.П.).

Бывают случаи, когда части сложноподчиненного предложения причины выступают как самостоятельные предложения: Аҗәлар нхауанеи, а҃ъабаа рбауанеи, нас иарбануамла изакрыз? **Избан акәзар** ажъаҳәеи амаганеи Хақәиттрадан знапы иакыз; Уртә лаңауанеи, уртә рашәауанеи, Арахъ иңхәзамызт уафәсүс? **Избан акәзар** ажъаҳәеи амаганеи Уажәеиңш ируаз ңхәзамызт хъзыс (Б.Ш.).

Сложноподчиненные предложения причины и следствия

В предложениях причины и следствия между частями предложения устанавливаются причинно-следственные отношения. В функции союза здесь выступает словосочетание **убри аќнытә // аќнытә**. Подчинительная часть информирует о причине, главное предложение – о следствии. Подчинительная часть предшествует главному: Уи иғызцаа аежыы рфомызт, **убри аќнытә** меигзараҳда ауасажыы рымәарғеит (В.Ам.) – «Его товарищи не ели конину, поэтому им подали баранину»; Ииҳәаз аранза иаафуамызт **аќнытә**, азәи-азәи еимданы еибырхәон (В.Ам.); Есныхәа уаҳы днабжымсыр иуамызт, **убри аќнытә** ицъарымшыазеит Ҷыгъардақа сцоит ҳәа

ахъреиҳәаз (В.Ам.); Уажә макъана амиш акрықоуп **ақнитә**, Аңсха ас заа ахтнықа дышымцоз рдыруан (В.Ам.).

Союз **ақнитә** следует за зависимой частью и интонационно сливаются с ней.

Связь между частями предложения в редких случаях может быть осуществлена интонацией.

В этом случае значение подчинения и причинно-следственные отношения выражаются в отношениях между частями предложения:

Аңстазаара иара атәы нанагзоит, уара егъя иутаҳымзаргы (В.Ам.).

Причинно-следственные отношения могут быть выражены сравнениями: *Аңсаа рашәабжъ убри ақара ирацәаны игон, еиңдәжәоз рыйжбы еигәннығуамызт* (В.Ам.); *Алңсаа дзыгғоу илахъ еиҳа еиңихын, Җемыри Зинеи рааста, убысқак иғәйрөн ағыцъаягы* (И.П.); *Уи убысқак деиғенакаауан, убысқак иңәа ианаалон, даға маңдаак ишаиңар дышықаларыз ахәара қәгъан* (В.Ам.).

Сложносочиненные предложения

Сложносочиненное предложение состоит из двух и более самостоятельных грамматически не зависимых друг от друга предложения, объединенных общей интонацией. Части сложносочиненного предложения соединяются сочинительными союзами или интонацией. В качестве сочинительных союзов встречаются: **аха, нас // настыры, ма // мамзар, иара убас, ус анакәха, аха уеизгыы, амала, акәымзар // мамзар**.

Союз аха «но», «однако»

Основное значение предложений с союзом **аха «но»** – это противительное значение, которое может сопровождаться с уступительным, ограничительным и другими значениями. В предложениях с союзом **аха** между частями сложносочиненного предложения устанавливаются:

1. Противительные отношения. При этом содержание первой части противопоставляется содержанию второй части, оно мо-

жет сопровождаться уступительным значением: *Аәба ақәйәиаара иақәыңит, аха ақәқырпа млашықәа ишажәлаң иажалон* (В.Ам.) – «Судно перестало разворачиваться, но голодные волны по-прежнему катились на него»; *Митәык бжъамшәа икоуп астәы уаҳъңуша, аха амшын ахықә иазааигәазаны иғылуо ағнқәа раңдак еилганы иубом* (В.Ам.) – «Отсюда когда смотришь, кажется, что недалеко, однако дома, которые стоят около берега не четко видны»; *Ахтынра баагәарала иқәйршан, аха настхантә ашта утапшыр алшон* (В.Ам.) – «Царский двор был огражден каменной оградой, но с далека просматривался; Аңшиқа дани ааңзара дәәықәүрәарыц иақәыркит, аха атаңа амалахазгы илымуит (В.Ам.) – «Решили ребенка отдать на воспитание, но невестка категорически не согласилась»; *Адауқәа угәарташт, иұхәхәашт, иқаашт, аха егъя рхәаргыы, ухъаңшыны урыхәампшын* (Аңс.л.) – «Великаны заметят тебя, станут кричать, однако ты не обрати внимания на них»; *Нарцъхьюо дағазнықгыы азы иеалаижыит, аха иамуит, нырцәка дықәнажыит* (Ахъыр.) – «Нарчхую еще раз попытался переплыть речку, но его выбросило на берег».

2. Между частями предложения могут установиться отношения следствия, результата: *Леuan лаңшыла уи ахаңа дқылкааны деиттанаихәапшит, аха дырғегых дизымдырит* (В.Ам.) «Леuan на того мужчину еще раз внимательно посмотрел, но не узнал»; *Сызғаб атყырқәа дига закәзызи ҳәа дыңкөеит, димсхроуп ҳәа далағеит, аха Кадыр уи илишомызт, избан акәзар Маҳмет, акыр змаз уағын* (И.П.) – «Как можно допустить, чтобы мою дочь забрал турок, я должен вернуть ее, возмущался Кадыр, но он этого не мог делать: Махмет был богат и влиятелен»; *Ажәжәаҳәа иеаашлеиҳәан дындәйліит, аха иңсы зығраз иңәқәа имбеит* (И.П.) – «Одился в попыхах, вышел, но любимых своих быков не нашел»; *Даангылан днаңшы-аапшит, аха азғагы димбеит* (И.П.) – «Остановился, посмотрел вокруг, но никого не нашел».

3. Между частями предложения могут установиться сопоставительно-допускательные отношения: *Амхы итталоит, аха хъарала ибзиоуп, икамбашь барақьатуп* (И.П.) – «В кукурузное поле рвется, но много молока дает буйвол»; *Хәық аублақәа аус иартеит, аха егъышырхарамыз анеилыркаа, иоурышытит* (Б.Ш.) – «Троих убыхов

подали в суд, но когда узнали, что они не виноваты, отпустили их»; *Абри ақара аидышлара, аиқаңара ықан, аха игараз ахәйың ақғын хъаас иқаимдемт* (Ахыр.) – «Было столько борьбы и драки, но ребенок в люльке на все это не обратил внимания»; *Иашоуп, ирхаругы қалашт, аха ҳақуп лыңха рыңазар* (Б.Ш.) – «Правда, они где-то виновны, но будет гуманно, если их простить»; *Дара рыхфык уаждааигәоуп ианеибадырыз, аха ианыхәйың аахыс еишьцылазшәа еизааигәахеит* (В.Ам.) – «Они трое недавно познакомились, но так привыкли друг к другу, будто с детства были знакомы».

4. Между частями предложения могут установиться значения сопоставления, следствия и ограничения: *Даара сыйесырхеит, аха исызгәааяа ианалага, сақәшаҳатхеит* (Б.Ш.) – «Долго сопротивлялся, но когда стали обижаться на меня я согласился»; *Нарттаа ран Сатәнеи-Гәашья ңышынфажәеи зежәфык лыхсаахъан, аха макъана мрада дқапхон, мзада дқачрон* (Ахыр.) – «Мать Нартов Сатаней-Гуаша родила девяносто девять детей, но она пока сияла, цвела»; *Аңқәын иан иаха ңыхызк збеит ҳәа леиҳәеит, аха иибаз леимхәеит* (Апс.л.) – «Мальчик сказал матери, что ночью увидел сон, но что именно не рассказал»; *Мызкы цеит, ңышымызгы цеит, аха Нарттаа рхабар қамлеит* (Ахыр.) – «Прошел месяц, прошло четыре месяца, но вестей о Нартах не было»; *Ами ңәғын, аилгарагы ағәы итәмызт, аха уеизгыы анхаңа русқәа ирғын* (И.П.) – «Погода была плохая, и не собиралась проясниться, но крестьяне своими делами занимались».

Очень редко союз **аха** следует за вторым предложением: *Пахәала мыңхәи игәи тұнчын, аибашыра қалар еиҳағыы еиғьеишибшошәа, әңгистәа мұсхәык иласуеит, баша апшра игәи ахъқындахыз иахъью издыруам аха* (В.Ам.); *Апартии иалоугыры рығарә ҳазғом, урт өиб-гү үүшшую, еитәхәатәыс иустәом аха* (И.П.); *Иқаларын уи дхәйың аахыс илараағазаргы, аимператорра уеизгыы-уеизгыы абыштрана иқамызт дара рәғы аха* (В.Ам.).

Как видно из вышеприведенных примеров, из связанных союзом **аха** второе предложение большей частью отрицательное.

Между частями сложного предложения, кроме указанных выше значений, могут установиться и другие нюансы.

Союз **ма** // мамзаргы «или»

Предложения с союзом **ма** выражают разделительные отношения, отношения акцентирующие взаимоисключение, несовместимость: *Абас абри апхәызба ғәымбыл үбара рхы лықәырәеит ңышынфажәеи зежәфык ауда, ашағыкгы уара уакәхап, – ләдеит атқақаја.* – *Ма сара сакәхап, ма сакәхарым, – ихәеит Сасрықәа* (Ахыр) – «За эту безжалостную девушку положили свои головы девяносто девять человек, ты будешь сотый», – сказала старушка. – *Буду или не буду;* – ответил Сасрықва»; – *Сызәо дасбыымхәар, ма бара бысшыуеит, ма сара сөйсшыуеит, – ихәеит Сасрықәа* – «Если ты не скажешь мне, чей я сын, или убью тебя, или я покончу с собой», – сказал Сасрықуа.

Союз **ма** может быть одноместным и неодноместным. При повторном использовании он может встречаться в основном два раза, а иногда и три раза. Во всех этих случаях союз **ма** занимает позицию перед частями сложного предложения: *Хаха ианааиғаҳалак, ма ихы дамхаңаңаң, мамзаргы иламыс изыртынчумызт* (И.П.) – «При неожиданной встрече с ней он терялся, или не мог успокоить совесть»; *Нарттаа нықәаңаң, шәарыцира, ма қәыллара ицилон* (Ахыр.) – «Нарты часто ходили в походы, или на грабежи»; *Зина лыхъз үйара имхәар иуамызт. Уи налаиршәуан иара, ма акомғар ртәзшәа даналаңаңајаоз, ма аколнхара атәи анихәаоз, ма ауда рыхъзқәа анеиттеиҳәаоз* (И.П.) «Он всегда повторял имя Зины. Он повторял ее имя или когда он говорил о молодежи, или о колхозе, или когда говорил о людях».

В предложениях с союзом **ма** время и наклонения большей частью совпадают.

Предложения с союзом **-гы**

Суффикс **-гы** выступает с функцией союза в сложносочиненных предложениях. При этом между частями предложения устанавливается соединительные, иногда и уступительные отношения. Союз **-гы** присоединяется к одному из членов предложения (кроме сказуемого): *Азыхъ айхәан, ахъа наа адуд амдан*

акәын ҳаҳьеңәшәалоз, ақәа қыд҆әозаргы, амра қаңиуазаргы иаҳырхагамызт (И.П.) – «Мы встречались в любую погоду ниже родника, у большого кривого каштанового дерева»; Хыңыс лашы дышылбаз еиңш гәилшәтәс деикәапх дааицрашәеит, леирзыгы азы ахыйәңәа днаңыцит (В.Ам.) – «Хыңис, как увидела брата своего обрадовалась и засияла, и мокрый кувшин сняла с плеч»; Ахмат дшааиуаз анырба, ажәкәа ахәра иақыңын еибарғызуа агәашә ахъ рәаархеит, ахәарақаагы қаая агәашә инадибаҳәалт (И.П.) – «Коровы, когда заметили Ахмата, перестали пасть и направились к воротам, и телята мыча подбежали к ним»; Икәеицуа аиаңәакәа үвара-фыңвара иңәыңкәа-аацәыңкөон, зны-зынлагы иаамаңысны илашон (И.П.) – «Звезды блестя появлялись местами, и иногда молния светила»; Ашкол стоуп, амайурагы салоуп (И.П.) «Учусь в школе и несу службу»; Леуан зегзы дрылкааны илаш налықәшәеит дхәычаахыс зызбахә иаҳауз шлакызгы ааидырит, изыналтихъаз агарагы ааигәалашәеит, иевихәагы ңаңы-ңаңыу асахъа ибла иаахгылеит (В.Ам.) «Леуан среди всех приметил ее, понял, что она та, про которую он с детства слышал, вспомнил и люльку, которую она ему прислала, представил и белого коня»; Леуан арабәа драбашыны аиаира ду иигаз иабзоураны һыңи-аахыңи ихыңша бзианы иаафит, акырза ахамта дугыс изаанагеит, инасыңтә лахынңагы ахасабит (В.Ам.) – «Леуан, что выиграл большую победу в войне с арабами слава его увеличило, и больше подарки принесло ему, решило и судьбу его».

Предложения с союзом -нас

Наречие **нас** может использоваться в функции союза в сложных предложениях. Часть сложного предложения в этом случае передает информацию, следующих друг за другом. Первая часть предшествует второй части: Үштрак иааиқәызырфит, нас баша усқәысқәак иирылацәажәеит (И.П.) – «Немного помолчали, потом поговорили о незначительных делах; Хараза Анақәаңиа аганахъ, ажәфан иалакнахаушәа, иаалашеит, нас, аеңәа анкыдшәо еиңш еитәңиңиңәаит (В.Ам.) – «Далеко, в сторону Анакопии, словно висит на небе, просветлело, потом наподобие падающей звезды,

померкло»; Руақ ңәғанңәықа иңдауан, Еғы ихәда иңкәыруан, нас иштыхъка ииақыон, анахъ-арахъ ддырблакъон, Далагалан ддыркәашон, Ажәакала ддырқамсон (Б.Ш.) – «Один из них подпригивал вверх, другой прижался к шее, затем побегал к нему сзади, туда и сюда гоняли, заставляли танцевать, одним словом, заставляли плясать»; Слаңап, саарыхп, нас схы стңуазаргы, шәра шәызхызгаша зандалк сыңшаап (Б.Ш.) – «Посею, соберу урожай, затем постараюсь найти какую-нибудь баржу»; Леуан азныказы иқаиңара изымдыруа даакәанызанеит, нас илымихырц избан, дғагылт (В.Ам.) – «Леуан не знал что делать, затем решил отобрать у нее и встал»; Иаахынхәын лөы рқаадырит, нас дыңеңжәәданы дрыманы идәықәлеит (Ахыр.) – «Вернулись, оседлали коня, посадили ее на коня и поехали с ней»; Мықың даара иқыаф қиаңеит, нас иңегъгы даалахәйхеит (И.П.) – «Мыкыч напился и стал бодрым»; Иара зназы иқаиңара изымдыруа ус длыхәапшуан, нас аңәца аалымихын абжеиҳара ижәит (В.Ам.) – «Сначала, не зная, что делать, смотрел на нее, затем он отобрал у нее стакан и выпил полстакана».

Союз -насгы

Наречие **насгы** используется в функции союза в сложносочиненных предложениях. Между частями предложения устанавливаются соединительно-разъяснительные, причинные отношения: Еснагъ еиңш длакфакуан Беслан, бзиа қасңеит ҳәа дшағу ацәгъа алңыр ҳәа дшәон, насгы зыңсы дахылңыз ажәлар ргәи дасыр итәхымызт (В.Ам.) – «Как всегда сомневался Беслан, не хотел обидеть народ свой»; Урт ачхара ғәгәа аадыршуан, насгы ирчхарц ргәи итән, аха иалңаш рхатәқәагы ирыздыруамызт (В.Ам.) – «Они проявляли сильное терпение, кроме того они сами не знали, чем это может кончиться»; Сара иаҳыа гәақрак сымоуп, Сааит иуасхәарц сеиханы, насгы саины ас есымша, Усызбома, сара иңсыша (Б.Ш.) – «Сегодня у меня проблема, примчался к тебе объяснить его, кроме того не могу же я так каждый день навещать тебя»; Сара сшәхәоит, узырфла, Сашәхәашъақәа ңала, насгы иарбан ҳаҳынкылсыз иңәрышәаган абжыс шұхылңыз (Б.Ш.) – «Ты

слушай мое пение, изучай манеры моего пения, кроме того, что за голос ты издал тут?!; Мыкыч иаҳаз иамхацәгъхеит, насыы Мырзакан итәкра иаргы ихы дазнархәйцит (И.П.) «Мыкычу не понравилось то, что он услышал, кроме того арест Мырзакана заставил подумать о себе».

Как видно из вышеизложенного, немного в абхазском языке и сочинительных союзов. Единичны слова и словосочетания, выступающие в функции союзов. К ним относятся: **амала «однако», усアナカ哈 «если это так», иара убас «и так», уеизгы «все же».**

Союз амала «однако»

Противительный союз **амала (то же, что но)** характерно для разговорной речи, встречается редко в речи художественной литературы: *Аамта иаҳзааиз акыр ағыцрақә ҳнарбеит, амала иаҳыгы икоуп зыхшыф иананамго ყытәфык (И.П.) – «Время, пришедшее к нам, принесло много нового, однако не все осмысливают это»; Иҳамоу ахәыцы тхашала иаахрыхт, амала уи ззеильмкаацгы ყытәфык икоуп – «И то, что имеется, с большим трудом достигли, однако некоторые этого не понимают».*

Аналог союза усアナカ哈

Между частями предложения, соединенные союзом **усアナカ哈**, устанавливаются условно-разъяснительные отношения, отношения следствия. Союз **усアナカ哈** занимает позицию между частями: *Уи ачымазара զәгәа дыхтакны дамоуп, усアナカ哈 уи хара инеуа уафым – «Он сильно болен, если это так, он долго не проживет»; Уара уҳәматәқәа сара ишызуа, Җара кәтыкгы сшаламкысуа, Ожәабар ақармаңыс, Исҳәоит уашхә мақыңыс, Усアナカ哈 сышытә ухыла, Саныңырчыр, учырчыла, Санышәаҳәа ушәаҳәала, Иқасәо зегъ қайала! (Б.Ш.) – «Я буду слушаться тебя, кур я больше не трону, вот я тебе даю клятву, если это так, следуй за мной, когда пою, ты тоже пой, все, что делаю, и ты повторяй!»*

Аналог союза иара убас «и так»

Между частями предложения, соединенные словосочетанием **иара убас** устанавливается соединительные отношения. Информация второй части следует за информацией первой части. Занимает позицию между частями предложения: *Аңса данцоз ҳамтәас иртәеит уапа шкәакәаки ахәа чәпс, иара убас үльгардаа ревыжалақәа иреиуаз х-өыкәашак (В.Ам.) – «Абхазскому царю, когда он уходил, подарили белого коня и саблю, а также трех коней из породы джигиардовцев»; Убысқан хәңеи-ңәыси иқарәаз афатә ачыдахаз, ауаатәфса фара рымамызт, иара убас ауаатәфса мақына аешилахәарагы рыздыруамызт (Ахыр.) – «Тогда кроме еды, которую приготовили супруги, люди не имели еды, а также люди еще одеваться не умели».*

Сложные бессоюзные предложения

Бессоюзные сложные предложения соотносительны со сложными предложениями, но отличаются от них отсутствием союзной связи между частями предложения. Между частями предложения устанавливается смысловая взаимосвязанность. Взаимосвязанность предложений в составе бессоюзного сочетания выявляется в существующих между ними отношениях. Отношения эти условные, временные, причинно-следственные, уступительные, целевые, определительные, и другие. Объединение предложений в бессоюзные сочетания осуществляется посредством интонации.

Предложения, входящие в бессоюзное сочетание, характеризуются и единством текстообразующей функций, т.е. совместным участием в образовании некоторой части текста. Это хорошо иллюстрируется следующим отрывком поэмы Б.В. Шинкуба «Ақармаңыс шәаҳәафи абгахәычы Җыхәабабеи»:

Сұхәоит даара, сиуа мғашыа, Исырда нас ашәа ҳәашыа, Уара ишүхәо еиңш ихааза, Ашәа ҳәашыа са исырда, Исәагәшыар, сыйжыы еиңыхуа, Ирқамызуа са сыйхәа, Аңла сыйкатәа сиәаҳәалап, Уара уеиңшәәкәа қыаф зулап (Б.Ш.) – «Прошу очень, друг мой верный, научи меня петь песни, как ты поешь сладко, научусь я петь, тогда

буду громко петь, играя своим пышным хвостом, сидя на дереве, и наслаждаться, как ты».

Интонация, как и другие единицы фонетики, не имеет семантики, поэтому не может внести какие-либо нюансы в содержание частей предложения. Она только фиксирует паузу.

Бессоюзные сложные предложения широко используются как в разговорном, так и литературном языке, в прозе и поэзии.

Уара сымыш, иubarгызеи, Уиақара зысҳарызеи, Уара иуеиңшины қыафла инхо, Дықам амра ахъапчо. Амлеи ахътөи уара иуеиңшим, Уара утәртә тәартә еиңшым, Аңла маҳәтә шәтүла ихиоу, Енағы уқәтәоуп, ашәа ҳәо! Уағуп, иухәоит уасараида, Ус умазам шәхәарада, Амира азыңда ашәак уңан, Уаҳа хныкәгага утахзам (Б. Ш.) – «Друг мой любезный, ты не знаешь ни в чем нужды, к чему говорить, нет под солнцем другого человека кто как ты счастливо живет, ни голода, и холода ты не знаешь, ты сидишь на завидном месте, ты сидишь на ветке, покрытой цветами, распеваешь песни»; Уа сыйхаара салам умоуп! Сара иахъа гәәкрак сымоуп, Сааит иуасхәарц сеиханы, Уааи са сыйкәа улбааны, Убла хаара сынташып, Ухагәтәгы насышышып! – Ман, сахықәтәоу са исقырхагам, Ицаыргала, сара сдагәам, Кырумазар нас ҳәатәыс, – ахәеит хыхытә ақармайыс (Б.Ш.) – «Приветствуя тебя, мой любезный, сегодня у меня тяжелая проблема, примчался к тебе, сообщить тебе об этом. К тому же я не в состоянии навещать тебя каждый день, спустился бы ты ко мне, поговорили бы спокойно, загляну же я в твои сладкие глаза, поглажу голову твою. – Нет, мне не мешает, где я сижу, говори, я не глухой, если есть, что сказать, – ответила сверху соловей»; – Арахъ уааир, цъя ҳнамтаози, О стынха ду, изыззози, ақазаара са сгәахшәеит, Ахысұыра сымч ашәеит. Сәәаңырхапу адәи сықәуп, Ахъча иакәзар иабызар сықәкуп, Ала сышытоуп амаңуар, Сеимырғәйіәуеит са сырбар. Сеифазозар акәтыңара, сцәа сұзызуеит алашыцарағ, Избан акәзар ашыацхә Сакыр алшоит сеимлагә. Сыңтазаара халамчылоуп. Сара сзыңда уахынла өйнлоуп, Тәамғахә сымам зегъ акоуп, Ғызызхоу зегъы сағацаоуп! Уа сиңхарқоит, уа сеитарцоит, Иахысҳәогы исыхуеит сгәы, Ажәирт, сылоуп сиңәкәыкәы. Нас тәи млашы зеибадыруам, Урт тәуп, ипхоуп, сығаҳьяа рымам, Урт ирфоит акәаи,

акәтыжъ, Сара сзыңда акғы аанмыжъ! (Б.Ш.) «О, друг мой, к чему скрывать, жить мне надоело, устал рыскать, живу в страхе, рукие пастуха нацелено на меня, псы преследуют меня, если увидят, разорвут. Если тянусь в курятник, дрожу в темноте, потому что капкан может меня схватить. Жизнь моя тяжела, ночь для меня день, нет мне покоя, все живые враги мои. Меня гоняют без конца, готовы бросить меня в пропасть, больно мне говорить об этом. Хожу обицарапанный по кустам. Сытый голодного не разумеет они сыты и в тепле, не обращают на меня внимания, они едят мясо, курятину, не оставляя мне ничего».

Части сложного предложения могут совпадать по времени и наклонению: Шәан данықам шәыңабгап, Асабиңа шәңиңиркъап, Шәнапы-шәыңхәда дрымңасып, Уақа далгап шәынасып, Шәеидыхәхәала шахала, Шәдәықәигалап хәдақала, Абна кәаза шәылигап, Ақыттарахъ шәкылигап (Б.Ш.) – «Без матери вы пропадете, будет вас гонять, хвататься за ваши ноги и руки, испортит ваше счастье, связав вас веревками, выгонит из леса, погонит в деревню»; Қәареар ашәа тәнарбыбит, Ишнеишнеуаз иаркыкыит, Аңаңаңы идыргызит, Рықәашарағы дырласит (Б.Ш.) – «Куарчар громко запел, далее еще больше усилил, медвежата поддержали, поплясали быстрее»; Ахъча иааиз дыңшарғаума, Изқәа икыду хъатражәума, Иарғыа иаку абцыарума, Дызвагылу қыдбажәума (Б.Ш.) – «Что из себя представляет явившийся сюда пастух, Сумка ли что у него на спине? Ружье ли, что у него в правой руке? Гнилое бревно ли за которым он стоит?»

Между частями предложения могут установиться следующие друг за другом значения: Азыс иартаз амахә ннажыит, Абнаршаырахъ ахы археит, Азарақәа зегъ канажыит, Ахъча изгәамтәеит, ицәйнхеит (Б.Ш.) – «Козленок оставил еду (ветку, что ему дали, направился в лес, всех козлят оставил, пастух это не заметил, козленка потерял»; Аха иамуит, амфа р҃аызыит, иахынелакгырымфа ңәдан, хәычы-хәычла нақ ирқырәит, амрағы шкыдыз агәи ңәдан (Б.Ш.) – «Однако не вышло, потеряли дорогу, куда не шли везде бездорожье, и солнцу надоело ждать, потихоньку удалилось»; Адәызба иааннажыит амшын, ашыха ғадарақәа, ирғызыит ақәаңағаңа дүкәа, ирғызыит атоннелқәа, инықалеит

лаңш зхымзоз адәйкасара еиужь ду (И.П.) – «Поезд прошел море, гористые места, прошел тоннель, помчался по бескрайнему полю».

Между частями предложения могут установиться причинно-следственные отношения: *Уртұажәшьта иеизрыдқылашам, аамтә еикәшара рымч рымнахит (И.П.)* – «Он уже с ними ничего общего не имеет, время отобрала у него силы»; *Мыта дырышыгәышеит, дызызыз иахъагы деилкааны дсыман, суаффбоуп, ақазаара айқыс ақамзаара еиғысышоит (И.П.)* – «Мыту убили, к сожалению, убийцу я до сих пор не знаю, на меня лежит позор, не хочется мне жить»; *Мықыч иеы уи иеқәа ишрилаз имхәеит, диргамар итәхымызт (И.П.)* – «Мықыч не сказал, что его лошадь находится среди тех лошадей, он не хотел раскрыть правду»; *Темыр ихатәы өы имамызт, Миха иеы дақәтәан (И.П.)* – «Темыр не имел своего коня, ездил на лошади Михи»; *Амш бааңсын, анхацәа русқәа изрылагомызт (И.П.)* – «Погода была плохая, крестьяне не могли заниматься своими делами»; *Уағуп, иуҳәоит уасараида, ус умағзам шәаҳәарада (Б.Ш.)* – «Поешь всегда «уасараида», нет у тебя другого дела»; *Ақырынта аусхәартәғы дқылсхъан, Мықыч дзеиңшроу расҳәоит ҳәа, аха изымгәағықәа дхынхәуан, илтәхымызт лаби лареи рзы аға длырхар (И.П.)* – «Она ни раз ходила в сельсовет, рассказать о том, что из себя представляет Мықыч, но не решалась, не хотела себе и отцу нажить врага».

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Предложение, как известно, многоплановая синтаксическая единица. Оно имеет синтаксическую, логическую, психологическую, актуальную и другие структуры.

Ниже мы изложим коротко актуальное членение предложения.

Основной функцией предложения является коммуникативная функция. Подготовить предложение к выполнению коммуникативной функций значит организовать его лексико-грамматически. Предложение организованное лексико-грамматически, когда получит коммуникативную нагрузку, называют высказыванием.

Получив коммуникативную нагрузку, предложение принимает соответствующую интонацию. Интонация фиксирует знаки препинания в конце предложения.

Синтаксическое членение предложения и актуальное (смысло-вое) могут совпадать или не совпадать. Они разные понятия. Актуальное членение соотносится с коммуникативной информацией, они взаимосвязаны.

Единое коммуникативное понятие – высказывание изучено чешским языковедом М. Матезиусом.

Тема и рема

Высказывание содержит старую и новую информации. Старая информация – это, что известно собеседникам. Новая информация – это то новое, что передает высказывание. Старая информация называется темой, новая – ремой. Для определения темы используются контекст, фразовое ударение, порядок слов, определенная синтаксическая конструкция, частицы. Тема короче ремы, рема шире и несет больше информации.

Соотношение предложения и высказывания

Предложение и высказывание разные понятия, их надо различать. Предложение может совпадать с высказыванием или не совпадать: *Асас знык-фынта ибжы наиргейт, аха азэгзы атак ћаимдзейт*. Здесь мы имеем сложное предложение из двух частей, но по информации имеем одно высказывание.

Высказывание может не иметь не все грамматические формы, необходимые для определения. Это бывает в основном в диалогической речи:

- *Иш҃а?* – гыгшәыгк еиңш схәаит сара.
- *Иуахаз ауп исхәаз!*
- *Ааит, уара алазахша, ачархәаф!..* (Б.Ш.).

Бывает когда отдельные члены предложения выступают в качестве высказывания, это называется **порцелляцией**: Иш҃а? *Азәы димбакәа, азәы димаҳакәа, избахә ыѣкамкәа. Җалашъас иамоузei?*

Соотношение членения предложения и высказывания

Членение предложения и высказывания имеют свои принципы. Члены предложения выделяются, исходя из синтаксических функций, которые они выполняют в организации предложения, и в количественно отношении они больше, чем части высказывания. Бывают случаи, когда тема и рема совпадают с подлежащим и сказуемым: *Ахәыцы дыңдзает* – «Ребенок заснул», *Айыс шәахәоит* – «Птица поет». Однако это не значит, что принципы их выделения одинаковы. Нет таких членов предложения, которые предназначены для обозначения частей высказывания. Кроме того в соответствии с содержанием информации подлежащее предложения может выступить в функции ремы, и сказуемое – в функции темы: *Зан иацымныѣааз аеѣыс абга иафеит* (Пословица) – «Жеребенка, ушедшего от матери, волк съел». При синтаксическом членении данного предложения выделяем следующие члены: определение, выраженное инфинитной конструкцией (**зан иацымныѣааз**), личноотносительное дополнение (**аеѣыс**), подлежащее (**абга**), сказуемое (**иафеит**). При актуальном членении этого предложения (высказывания) мы имеем тему (**зан иацымныѣааз аеѣыс**), рему (**абга иафеит**).

Использование порядка слов при членении высказывания

В абхазском языке, как известно, мы имеем прямой (фиксированный) и свободный порядок слов. Свободный порядок слов можно использовать при членении высказывания. При прямом порядке слов на первом месте стоит подлежащее, на втором – личноотносительное дополнение другие распространители, на последнем месте стоит сказуемое: *Батал ашѣәы ааихәеит* – «Батал книгу купил». Если перенести на последнее место подлежащее, то оно будет обозначать рему: *Ашѣәы ааихәеит Батал* – «Книгу купил Батал» (не кто другой). И так, любой член предложения, который окажется на последнем месте, будет обозначать рему: *Батал ашѣәы ааихәеит иахъа* – «Батал купил книгу сегодня» (а не вчера).

Рему будет обозначать любой распространитель, если мы его перенесем на первое или последнее место: *Аѣаѣка д҃оит Батал уаѣәы* – «В Сухум едет Батал завтра».

Фиксированную позицию мы имеем при связи определения с определяющим. Это сочетание без изменения порядка слов используется и когда оно обозначает рему: *Батал иааихәеит ашѣәы ѣыц* – «Батал купил новую книгу».

Выделение ремы фразовым ударением

Фразовым ударением мы можем выделить рему в любой позиции: *Батал ашѣәы ааихәеит* – «**Батал книгу купил**»; *Батал ашѣәы ааихәеит* – «**Батал книгу купил**»; *Батал ашѣәы ааихәеит* «**Батал книгу купил**»; *Батал иахъа Аѣаѣка д҃еит* – «**Батал сегодня** поехал в Сухум».

Использование вспомогательного глагола акәзаара «быть» для выделения ремы

В абхазском языке для выделения ремы часто используется вспомогательный глагол **акәзаара** – «быть», «существовать». В этом случае вспомогательный глагол используется в сочетании со словом обозначающим рему: *Батал иоун Аѣаѣка ица* – «Батал

есть уехавший в Сухум»; Батал Ақәақа аүп дахъца – «Батал куда поехал есть Сухум».

После выделения ремы, оставшаяся часть фразы (высказывания) представляет из себя тему. Зан иацымнықәаз аеңыс абга иафеит – **абга иафеит** (волк съел) – рема, зан иацымнықәаз аеңыс ушедший от матери жеребенок) – тема.

ЧУЖАЯ РЕЧЬ

Речь другого лица, введенная в авторское повествование, называют чужой речью. Существуют два способа передачи чужой речи: прямая и косвенная. Речь, введенная в авторское повествование без всякого изменения в семантическом и грамматическом отношении, называется прямой речью, переданная с изменениями грамматических форм с сохранением семантики называется косвенной речью. Слова, вводящие чужую речь в авторское повествование, называются словами автора. Для введения чужой речи в авторские повествования используются глаголы **ахәара** – «сказать», **ағытра** – «сказать», **алагара** – «начать», **ахәыцра** – «думать», **атаара** – «спросить», **анагзара** – «докончить», **алабжъара** – «советовать», частица -хәа и другие.

Прямая речь

Чужая речь, в том числе и прямая речь, встречается преимущественно в прозаической речи, в поэзии – реже. При передаче прямой речи часто используется глагол **ахәара** – «говорить» вместе с относящимися к нему словами, в форме аориста, реже в других грамматических формах: –*Уа миыбзиа, – схәеит тყырқә быйшәала, счамадан нарғылауа* (Б.Ш.) – «Добрый день, – сказал я, опустив свой чемодан на землю»; – *Салам, салам, – ғааиттит иара* (Б.Ш.) – «Салам, салам, – ответил он»; – *Абар Заурқан Золак инхартта! – ихәеит Бирам* (Б.Ш.) – «Вот жилище Заурканы Золак!» – сказал Бирам»; – *Заурқан ағны дықоуп, ожәы дықәниоуп, иңсы ишъоит, дәғагылар, уидикылоит, – ихәеит Бирам* (Б.Ш.) – «Зауркан дома, сейчас он отдыхает, скора примет, – сказал Бирам»; – *Даара итәбуп, Бирам, анциә усзааигазшәа аүп сара ушықәшәа, сусқәа урманшәалеит, – схәеит сара* (Б.Ш.) – «Большое спасибо, Бирам, словно бог свел нас, облегчил

мои дела, – сказал я»; Сара сакъиз ара акәзам, ихароуп! – ихәеит иара (Б.Ш.) – «Я родился не здесь, далеко, – сказал он»; Утәа, дад, утәа! Уи уртқәа здыруа иакәзам! – ихәеит Зауркан (Б.Ш.) – «Садись, дорогой, садись! Он этого не понимает, – сказал Зауркан»; – Аңцәа ихатәеишъаз ак ҳлащап, дад, унапы аркы, – ихәан аңшәма акрыфара дналагеит (Б.Ш.) – «Закусим то, что подарил бог, начни есть, – сказал хозяин и начал есть»; О са с-Хыикыр, баашы! – ихәеит, Амхара ақнынза баашы, – ихәеит. Бхаңа хәызычы дхынхәит, – ихәеит, Игәы бзиам, дбызхыт, – ихәеит. Сапхыя шыкоу бааскьеиш, – ихәеит, Былхамшыкәа бнатәеиш, – ихәеит, Ашыя исылұу ңыхзуп, – ихәеит, Сара сзыхәа бкәалзуп, – ихәеит, Абар сабңыар аан-кыл, – ихәеит, Са сахыкаңаз бнагыл, – ихәеит, Хәшәыс исымоу акоуп, – ихәеит, Ахақәитра агароуп, – ихәеит (Б.Ш.) – «О, моя Хыикур, подойди, – сказал он, к дому для молодоженов подойди, – сказал он. Твой молодой супруг вернулся, – сказал он, Ему не здоровится, скучает по тебе, – сказал он, Приближайся ко мне, – сказал он, Не стесняйся, присядь, – сказал он, Кровь, что льется от меня – это пот, – сказал он, Для меня ты броня, – сказал он; Вот мое ружье, бери, – сказал он, Если упаду я, встань на мое место, – сказал он; Для меня лекарство это завоевать свободу, – сказал он. – Ус ауп, дад Шәарах, ус ауп! – дналагеит атахмада; Сара сынтаа шәкы сыртысит, – ғааиттит атахмада (Б.Ш.) – «Мне в этом году исполнилось сто лет, – заговорил старик»; Дыхжәазаргы гәйбәнс иутәзеи, гәақрас икоу зегы зхызгахью, адгыл иақәлу ауағы, – дағуп Бирам аңажәара (Б.Ш.) – «Может он грубоват, но нельзя винить его, ровесника земли, проживший столько тяжелых времен, – продолжает Бирам говорить»; Уара узмилатда, дад, – дәаит атахмада (Б.Ш.) – «Ты кто по национальности, – спросил старик»; Ааи Кавказтәуп, Аңснытәуп сара, – наистеит саргы сағыланы (Б.Ш.) – «Да, я из Кавказа, из Абхазии, – добавил я»; Абыкъ абжы баша имгеит, саншыа ду Шәарах, – дналагеит аңшәма (Б.Ш.) – «Не напрасно раздался звон трубы, родной мой Шарах, – начал хозяин».

Как видно из примеров, слова автора (вводящие слова) большей частью занимают постпозицию по отношению к прямой речи, реже встречаются в препозиций: Иақыңың-қыңыт абга ахъгылаз, гәанылагы ус ахәеит: «имфа мыждоуп са сыйнылаз, афатә

сашиштоу са сырфоит» (Б.Ш.) – «Задрожал волк на месте и по-думал: «иду я по проклятой дороге, пока я ищу еду, меня съедят»; Амшә фагылан: – Амла ҳамгеи, Үцеиши, абга, са усеиңбул (Б.Ш.) – «Медведь встал: – Мы проголадались, волк, ты моложе меня, иди искать еду»; Ақармаңыс ааңырсырит, Амәйәжәфақәа ааңырсырит, Аң нықәнашын уа маҳәттак, Иааңырнағеит ус атак: – Уара иухъзуп малакрыфа, Хрыбза-кәрүбза аңғель-цәйифа, Уара иуңоуп ңышшаптык, Уажа иутәххеит ғ-шыаптык! (Б.Ш.) – «Соловей почиркал, его крылья заблестели, повела клювом по ветке, высказал так ответ: – Тебя зовут дармоед, Ты ходишь на четверинках, сейчас захотел ходить на двух ногах»; Сара иаҳыа гәақрак сымоуп, Сааит иуасхәарц сеиханы, Уааи са сышқа улбааны. – Мат, сахықәтәоу са исңырхагам, Иңәиргала, сара сдағәдам, Кырумазар нас ҳәатәыс, – ахәеит хыхтә ақармаңыс (Б.Ш.) – «Сегодня у меня тяжелая проблема, примчался к тебе, сообщить тебе об этом. Спустился бы ты ко мне. – Нет, мне не мешает, где я сижу, говори, я не глухой, если есть, что сказать, – ответила сверху соловей»; Үркәтәылан асултан иаҳра ағазеазра иағуп, – анаңзара дағын Тахир иаҗәа (Б.Ш.) – «В Турции царство султана продолжает оставаться в критическом положении, – продолжал Тахир свою речь».

Прямая речь может относиться и к говорящему: Өымзүеит абар Үркәтәыла, Сирия ухәа еимдо саауеижытеи, аха, Зауркан заңәылк ида, аублаак дыңызмәац, издыруада, жәларык дырцынңәарахзар, – схәицуан сара (Б.Ш.) – «Уже два месяца прошло, как я хожу по Турции, Сирии и другим странам, но, кроме Зауркана я не встретил ни одного убыха, может он на самом деле последний из убыхов, – думал я».

В качестве вводящего слова используется и частица **-хәа**. Она всегда следует за прямой речью и интонационно сливаются с ней. Частица **-хәа** используется преимущественно в разговорной речи и в речи прозы. С ее помощью в повествование автора вводятся в основном пословицы и поговорки. При этом она может быть использована в составе вводящих слов или самостоятельно: Азы иаанаго аңша иағоит ҳәа... – «Что приносит вода (река), уносит ветер»; Зарбагъ ада змамыз ңәаңзара игон ҳәа... – «Кто не имел ничего, кроме своего петуха, тот забирал его па-

хатъ»; *Иҧҳаза быста ფაიқ ҳнахатәаны иахфандаз ҳәа, ҳажъқәа тааны мацаркгы неидаажәландаz ҳәа ҳагәқәа хытхытуан* (И.П.) – «Мечтали мы сесть и поесть теплую мамалыгу, собрать виноград и выпить молодое вино»; *Лассы-лассы сылаңш даа҃ашәон, мхацьырра шәссыштыум ҳәа иахәа ќьаяу ихаңгылаз Бараќаи-иңа Ахмат* (Б.Ш.) – «Часто вспоминал Бракаи-иңа Ахмата, который, размахивая саблей, старался не пускать нас в махаджирство».

Косвенная речь

Чужая речь, введенная в авторское повествование с грамматическими изменениями, называют косвенной речью. Как отмечает академик Л.П. Чкадуа, она не характерна для абхазского языка. Косвенная речь в абхазском языке, как и в адыгских языках¹, заменяется обстоятельственными и другими инфинитивными конструкциями в составе простого осложненного предложения: *Уи итахын Сасрықәа ажәфан даңъаны дашырыц* (Апс.л.) – «Тот хотел Сасрыку убить, столкнув его с небом»; *Саб избеит Ҭырқәтәланза дцац* (Б.Ш.) – «Отец мой решил поехать в Турцию»; *Амхацьырцаа ңәәдәап-ңәәдәаны атәыла иахъабалак иахъыргзарц рҭахын* (Б.Ш.) – «Они хотели махаджиров разбросать по всей стране»; *Нас иаалаган абгахәыцы ацәа ахырхырыц рызбеит* (Б.Ш.) – «Затем они решили снять шкуру с лисицы»; *Шаанза Ситраа рәғы санааи, арахъ ушаахъаз сархәеит* (Б.Ш.) – «Рано утром, когда я пришел к Ситу, мне сказали, что ты уже был здесь».

Литература

- Авидзба З.Х. Модальные аффиксы в глаголе абхазского языка. (Автореф. канд. диссертации). Тбилиси, 1968.
- Александров Н.М. О предиктивном отношении. В кн.: «Теоретические проблемы синтаксиса совр. индоевр. языков». Ленинград, 1975, стр. 133.
- Александров Н.М. Проблема второстепенных членов предложения в русском языке. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 256, 1963.
- Александров Н.М. К вопросу об определении главных членов предложения. Уч. зап. Хабаровского госпединститута, т. X, 1963.
- Арстaa Ш.К. Глаголы лабильной конструкции в абхазском языке. Труды АБНИИ. т. XXI, 1959, стр. 212.
- Арстaa Ш.К. Составное сказуемое из деепричастных форм и вспомогательных глаголов. Труды Сухгоспединститута им. Горького, т. XII, 1960, стр. 93.
- Арстaa Ш.К. Деепричастие в абхазском языке. Сухуми, 1960.
- Арстaa Ш.К. Проблема простого предложения в абхазском языке. Тбилиси, 1982.
- Арстaa Ш.К., Чкадуа Л.П. Апсуа бызшәа асинтаксис. Аქәа–Сухум, 2010 (втор.изд.).
- Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке. Изд. «Просвещение». М., 1968.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. Изд. «Прогресс». М., 1974.
- Бондарко А.В. Об актуализационных признаках предложения. В кн.: «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков». Ленинград, 1975, стр. 139.
- Бондарко А.В. Об абсолютном и относительном употреблении времен в русском языке. ВЯ, 1965, 6.
- Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
- Вахек И. Лингвистический словарь пражской школы. М., 1964.

¹ Кабардино-черкесский язык, том I. Нальчик, 2000 г., стр. 523.

- Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка). В кн.: «Вопросы грамматич. строя», изд. АН СССР. М., 1955.
- Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в совр. русском языке. Изд. МГУ. 1958.
- Галкина-Федорук Е.М. Односоставные предложения в совр. русск. языке. Журн. «Русский яз. в школе». Учпедгиз, 1959, 2.
- Ганич Д. Модальные функции вводных слов. Киев, 1953.
- Генко А.Н. Абазинский язык. М., 1955.
- Гецадзе И.О. Очерки синтаксиса абхазского языка. Ленинград, 1969.
- Гудава Т.Е. Ботлихский язык. В кн.: «Языки народов СССР», т. IV, 1967, стр. 302.
- Дешериев Ю.Д. Чеченский язык. В кн.: «Языки народов СССР». М., т. IV, 1967.
- Долачева Р. И. Ингушский язык. В кн.: «Языки народов СССР». М., т. IV, 1967.
- Зекох У.С. Некоторые вопросы синтаксиса адыгейских падежей. Учен. записки Адыгейского НИИ яз. лит. и истории, том V. Языкоzнание. Краснодар–Майкоп, 1966.
- Зекох У.С. Очерки по синтаксису адыгейского языка. Москва, 1987.
- Золотова Г.А. О структуре простого предложения в русском языке. ВЯ, 1967, 6.
- Золотова Г.А. О модальности и предикативности в русском языке. НДВШ. «Филол. науки», 1962, 4.
- Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
- Золотова Г.А. К понятию предикативности. В кн.: «Теоретические проблемы синтаксиса совр. индоевр. языков». Ленинград, 1975, стр. 147.
- Кершева З.И. Предложения с финитными глаголами в адыгских языках. Тбилиси, 1984.
- Колшанский Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности. ВЯ, 1961, 1.
- Кончъария В. Х. Еижәлантәу аҳәоу хәтақәа аңсуа бызшәаңы. «Сборник материалов по абхазскому языку». Тбилиси, 1970.
- Кончъария В.Х. Иалкаау. Аქәа, 2018.
- Ломтатидзе К.В. Бессубъектные формы абхазского переходного глагола (Резюме), т. II. Тбилиси, 1948.
- Ломтатидзе К. В. Абхазский язык. В кн.: «Языки народов СССР». т. IV, М. 1967.
- Мадиева Г.И. Аварский язык. В кн.: «Языки народов СССР». т. IV, 1967.
- Мейланова У.А. Лезгинский язык. В кн.: «Языки народов СССР». т. IV, М., 1967.
- Мухин А.М. Структура предложений и их модели. Изд. «Наука». Ленинград, 1968.
- Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Гос. уч.-пед. изд. М, 1956.
- Панфилов В.З. Грамматика нивхского языка, часть 2. Изд. «Наука». М.–Л., 1965.
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958.
- Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар–Майкоп, 1966.
- Сепир Э. Язык. М.–Л., 1934.
- Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкоzнание. I. Абхазский язык. Тифлис, 1887.
- Хагба Л.Р. Обстоятельственные инфинитные конструкции в синтаксической системе абхазского и абазинского языков. Сухум, 2015.
- Церцвадзе И.И. Андийский язык. В кн.: «Языки народов СССР». т. IV, М., 1967.
- Циколия М.М. Порядок слов в абхазском языке (Резюме). Тбилиси, 1973.
- Чикобава А.С. Проблема простого предложения в грузинском языке. Тбилиси, 1968.
- Чикобава А.С. Эргативная конструкция в иберийско-кавказских языках. Тбилиси, 1948.
- Чкадуа Л.П. Категория времени и главных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах. Тбилиси, 1970.
- Чкадуа Л.П. Финитные и инфинитные формы глагола в функции предикатии. Сб. «Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков». Нальчик, 1977.

- Чқадуа Л.П. Ажәақәа реибаркыра аңсау бызшәа ахәоу ағы. Аизга «Сборник материалов по абхазскому языку». Тбилиси, 1970.
- Чқадуа Л.П. Аңсау бызшәа апунктуация. Қарт, 1978.
- Шъақрыл К.С. Еилоу ихынпшым ахәоу. «Сборник материалов по абхазскому языку». Тбилиси, 1970.
- Шакрыл. К.С. Очерки по абхазско-адыгским языкам. Сухум, 1970.
- Шакрыл Т.П. Избранные труды, т. I, Сухум, 2015.

Использованные тексты

- Аңс.л. – Аңсау лакәқәа.
- Аңс.фоль. – Аңсау фольклор, II атом, Ақәа, 2013.
- Ахыр. – Баграт Шынқәба. Ахыртәатцәа, Ақәа, 1990.
- Б.Шь. – Баграт Шынқәба. Ифыимтақәа реизга, III-тәи атом. Ақәа, 1980.
- Б.Шь. – Баграт Шынқәба. I-тәи атом. Ақәа, 1977.
- Б. Шь. Ацын.– Б. Шынқәба. Ацынцәарах, Ақәа, 1974.
- В.Ам. – Витали Амаршыан. Ирәниамтақәа реизга. II-тәи атом. Ақәа, 2006.
- И. К. – И. Коғониа. Аңсау поэзия антология. Ақәа–Москва, 2000.
- И.К. – Иуа Коғониа. Ифыимтақәа реизга. Ақәа, 2015.
- М.Л. – Мушыни Лашәрия. Аңсау поэзия антология. Ақәа–Москва, 2000.
- О.Б. – Омар Бигәа. Аңсау поэзия антология. Ақәа–Москва, 2000.
- И.Ав. – Идырым автор. Аңсау поэзия антология. Ақәа–Москва, 2000.
- Ч.Җ. – Чичико Җыонуа. Аңсау поэзия антология.
- А.Л. – Алықыса Лашәрия. Аңсау поэзия антология.
- И.П. – И. Папасқыыр. I-тәи атом. Ақәа, 2007.
- Ф.Искандер. Итасхәым ачыс. Ақәа, 1969.
- Д. Гәлиа. I-тәи ат. Ақәа, 1950; II-тәи ат. Ақәа, 1952.
- Н. Ҳашыг. Ашыха рәашкәа ахеилало. Ақәа, 1967.
- Ш. Чқадуа. Ашқәакәақәеи аиқәатцәақәеи. Ақәа, 1961.

Содержание

АБХАЗСКИЙ СИНТАКСИС.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	4
ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИСА АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА.....	11
СПОСОБЫ И СРЕДСТВА СВЯЗИ КОНСТИТУИРУЮЩИХ КОМПОНЕНТОВ СТРУКТУРНОЙ ОСНОВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.....	28
Связь между субъектом и предикатом.....	47
Связь между субъектом и непереходным глаголом-предикатом.....	47
Категория лица в связи субъекта с предикатом.....	48
Категория класса в связи субъекта с предикатом.....	52
Категория числа в связи субъекта с предикатом.....	54
Связь между субъектом и переходным глаголом-предикатом.....	55
Связь между ближайшим объектом и предикатом.....	56
Связь между косвенным (лично-относительным) объектом и предикатом.....	57
Словосочетание.....	59
Словосочетание в предложении.....	63
ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ.....	66
Предикативная основа простого предложения.	
Категория модальности.....	66
Объективная модальность.....	67
Синтаксический индикатив.....	68
Синтаксические ирреальные наклонения.....	70
Побудительное наклонение.....	70
Форма повелительного наклонения.....	70
Форма конъюнктива.....	71
Синтаксическое желательное наклонение.....	73
Синтаксическое сослагательное наклонение.....	73
Субъективная модальность.....	74
Проблематическая достоверность.....	75
Категорическая достоверность.....	78
Категория времени.....	81
Категория лица.....	86
Р → Д.....	89
Интонация.....	91
СТРУКТУРНАЯ ОСНОВА ПРЕДЛОЖЕНИЯ.....	93

Однокомпонентная основа предложения.....	93
Двухкомпонентная структурная основа предложения.....	99
Субъектно-предикатная двухкомпонентная структурная основа предложения.....	99
Объектно-предикатная двухкомпонентная структурная основа предложения.....	101
Трехкомпонентная структурная основа предложения.....	102
Субъектно-объектно-предикатная трехкомпонентная структурная основа предложения.....	103
Четырехкомпонентная структурная основа предложения.....	104
Формы простого предложения.....	110
Формы синтаксического лица.....	110
Конструкции предложения.....	111
СТРУКТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕДЛОЖЕНИЙ.....	113
Повествовательные предложения.....	114
Предикат повествовательного предложения в форме настоящего времени.....	115
В форме аориста.....	115
В форме прошедшего несовершенного времени.....	116
В прошедшем неопределенном.....	116
В форме давнопрошедшего времени.....	117
В форме давнопрошедшего упреждающего времени.....	117
В форме будущего I времени.....	117
В форме будущего II времени.....	118
В заглавной форме.....	118
Вопросительные предложения.....	119
Предикат вопросительного предложения с вопросительным суффиксом -ма.....	120
Предикат с вопросительным суффиксом -у.....	121
Предикат с вопросительным суффиксом -и.....	121
Предикат с вопросительными суффиксами -зеи/-зи,-и,-да.....	122
Предикат с вопросительным аффиксом -ба.....	123
Предикат вопросительного предложения без вопросительных суффиксов.....	124
Побудительные предложения.....	125
Желательные предложения.....	130
КОМПОНЕНТЫ СТРУКТУРНОЙ ОСНОВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.....	132
Субъектный компонент.....	132
Имя существительное в синтаксической позиции подлежащего.....	133
Неопределенная форма имени в синтаксической позиции подлежащего.....	133
Местоимения в синтаксической позиции субъекта.....	134
Имя прилагательное в позиции подлежащего.....	135

Имя числительное в позиции подлежащего.....	135
Инфинитная форма глагола в позиции подлежащего.....	136
Инфинитная конструкция в синтаксической позиции подлежащего.....	136
Словосочетание в синтаксической позиции подлежащего.....	142
Сказуемое.....	142
Глаголы финитного строя в позиции сказуемого.	
Глаголы изъявительного наклонения финитной семантики в позиции сказуемого.....	144
Форма настоящего времени.....	144
Форма аориста.....	144
Форма прошедшего несовершенного времени.....	145
Форма прошедшего неопределенного времени.....	145
Форма давнопрошедшего времени.....	146
Форма давнопрошедшего упреждающего времени.....	146
Форма будущего первого времени.....	147
Форма будущего второго времени.....	147
Форма будущего категорического времени.....	147
Заглавная форма глагола в позиции сказуемого.....	148
Сослагательное наклонение глагола в позиции сказуемого.....	149
Глаголы повелительного наклонения в позиции сказуемого.....	150
Вопросительные формы глагола изъявительной семантики в позиции сказуемого.....	151
В форме настоящего времени.....	151
В форме аориста.....	151
В форме прошедшего несовершенного времени.....	152
В форме прошедшего неопределенного времени.....	152
В форме давнопрошедшего времени.....	152
В форме будущего времени.....	152
Глаголы инфинитно-вопросительного образования в позиции сказуемого.....	152
Глаголы обстоятельственно-вопросительного образования в позиции сказуемого.....	153
В форме настоящего времени.....	153
В форме прошедшего несовершенного времени.....	153
В форме будущего I времени.....	153
Глаголы относительно-вопросительного образования в функции сказуемого.....	154
В форме настоящего времени.....	154
В форме аориста.....	154
В форме прошедшего несовершенного времени.....	155
В форме давнопрошедшего времени.....	155
В форме давнопрошедшего упреждающего времени.....	155

В форме будущего I времени.....	155
Именные основы в позиции сказуемого.....	155
Виды сказуемого по составу.....	156
Глагольное составное сказуемое.....	157
Глагольное составное сказуемое из масдара и вспомогательных глаголов.....	157
Сказуемое из масдара и вспомогательного глагола алагара «начинать».....	157
Предикат из масдара и вспомогательного глагола ағызаара.....	158
Сказуемое из масдара и вспомогательного глагола ақәытца.....	158
Сказуемое из условных форм глагола и вспомогательных глаголов...159	
Сказуемое из условной формы на -р и вспомогательных глаголов.....	159
Сказуемое из условной формы на -зар и вспомогательных глаголов...161	
Сказуемое из условно-целевых форм глагола и вспомогательных глаголов.....	162
Сказуемое из условно-целевой формы на -рцы//рацы и вспомогательных глаголов.....	162
Сказуемое из условно-целевой формы глагола на -ртә// -ратә и вспомогательных глаголов.....	163
Сказуемое из деепричастных форм и вспомогательных глаголов.....	164
Сказуемое из призрачной формы глагола и вспомогательных глаголов.....	165
Именное составное сказуемое.....	167
Сказуемое из форм имени существительного и вспомогательных глаголов.....	167
Сказуемое из имени прилагательного и вспомогательного глагола...169	
Сказуемое из наречия и вспомогательного глагола.....	170
Объектный компонент.....	171
Общая форма имени в позиции объекта.....	172
Неопределенная форма имени в позиции объекта.....	172
Притяжательная форма имени в позиции объекта.....	172
Собственные имена в позиции объекта.....	173
Местоимения в позиции объекта.....	173
Инфинитная конструкция в позиции объекта.....	174
РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ	176
Распространение предложения отдельными словами.	
Распространяющий объект.....	176
Обстоятельственные распространители.....	196
Об однородных распространителях.....	203
Субъектный ряд.....	204
Предикатный ряд.....	205

Объектный ряд.....	207
Ряд объектного распространителя.....	208
Атрибутивный ряд.....	209
Обстоятельственные ряды.....	210
Обстоятельственный ряд с локальным значением.....	211
Обстоятельственный ряд с темпоральным значением.....	212
Обстоятельственный ряд со значением меры и степени.....	213
ОСЛОЖНЕНИЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ	214
Осложнение простого предложения инфинитными конструкциями...214	
Причастные инфинитные конструкции.....	215
Инфинитные конструкции, организующим центром которых является глагол инфинитной формы, образованной	
обстоятельственными элементами-ан-, -ахь-и-ш.....	217
Субъектная инфинитная конструкция.....	218
Объектная инфинитная конструкция.....	219
Инфинитная конструкция в функции распространяющего объекта...222	
Атрибутивная инфинитная конструкция.....	222
Обстоятельственные инфинитные конструкции.....	224
Инфинитная конструкция образа действия.....	225
Локальная инфинитная конструкция.....	226
Темпоральная инфинитная конструкция.....	226
Причинная инфинитная конструкция.....	228
Условная инфинитная конструкция.....	229
Целевая инфинитная конструкция.....	231
Уступительная инфинитная конструкция.....	233
Сравнительная инфинитная конструкция.....	234
Деепричастные инфинитные конструкции.....	235
ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРНОЙ ОСНОВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ	
СВЯЗАННЫЕ С ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕМ	240
Неполнота поликомпонентной структурной основы предложения...240	
Частичное опущение субъектного компонента.....	241
1. Контекстуально-сintаксическая обусловленность и стилистическая избыточность.....	242
2. Структурная основа с обобщенным синтаксическим субъектным лицом.....	243
3. Структурная основа с неопределенным синтаксическим субъектным лицом.....	245
4. Структурная основа предложения с побудительной модальностью...247	
Опущение объектного компонента.....	249
1. Контекстуально-сintаксическая обусловленность и стилистическая избыточность.....	249
2. Обобщенное значение синтаксического объектного лица.....	250
Опущение предиката.....	251

ПЕРЕСТРОЕНИЕ СТРУКТУРНОЙ ОСНОВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.....	252
Присоединение вспомогательного глагола акəзаара к конституирующему компонентам структурной основы предложения	
Присоединение вспомогательного глагола акəзаара к субъектному компоненту.....	253
Присоединение вспомогательного глагола к конституирующему объекту.....	255
Присоединение вспомогательного глагола акəзаара к синтаксическому предикату.....	256
Присоединение вспомогательного глагола акəзаара к распространителям структурной основы предложения.....	256
Присоединение вспомогательного глагола акəзаара к распространяющему объекту.....	257
Присоединение вспомогательного глагола акəзаара к распространяющим обстоятельствам.....	258
Выделение логического предиката ударением.....	260
СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.....	261
Сложноподчиненные предложения.....	262
Сложноподчиненные предложения причинные.....	262
Сложноподчиненные предложения причины и следствия.....	263
Сложносочиненные предложения.....	264
Союз аха «но», «однако».....	264
Союз ма// мамзаргы «или».....	267
Предложения с союзом-гыы.....	267
Предложения с союзом-нас.....	268
Союз -насты.....	269
Союз амала «однако».....	270
Аналог союза ус анакəха.....	270
Аналог союза иара убас «и так».....	271
Сложные бессоюзные предложения.....	271
АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.....	275
Тема и рема.....	275
Соотношение предложения и высказывания.....	276
Соотношение членения предложения и высказывания.....	276
Использование порядка слов при членении высказывания.....	277
Выделение ремы фразовым ударением.....	277
Использование вспомогательного глагола акəзаара «быть» для выделения ремы.....	277
ЧУЖАЯ РЕЧЬ.....	279
Прямая речь.....	279
Косвенная речь.....	282
ЛИТЕРАТУРА.....	283
Использованные тексты.....	286

Ш. К. АРСТАА

АБХАЗСКИЙ СИНТАКСИС

Набор *Тания А. Д.*

Корректор *Багателия А. Л.*

Верстка *Гицба А. Ш.*

Формат 60x90 1/16. Тираж 500. Физ. печ. лист 15,5.
Заказ № 3.

҃ Отпечатано в РУП "Дом печати",
г. Сухум, ул. Эшба, 168.

